АКАДЕМИЯ НАУК СССР институт языкознания

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

журнал основан в 1952 году

выходит 6 раз в год

2

МАРТ -- АПРЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

рах	3
дискуссии и обсуждения	
Ф. Т. Ж п л к о (Киев). Особенности контрастов фонетического уровня в украинском языке.	19 31 39
к 52-летию со дня смерти А. А. ШАХМАТОВА	
	53 62
МАТ ЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИ Я	
Н. Т. В ойтович (Минск). О структурном параллелизме типов безударного вокализма и нарушениях его в безорусских говорах. В. А. Д ы б о (Москва). Закон Васильева — Долобко и акцентуация форм гла-	6 9 83 93
ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ	
Дж. В. О ллер (младший), Б. Д. Сэйлэ, Р. В. Гарриигтон (Рочестер, США). Круговорот в традиционной и современной лингвистической теории	15
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИ Я	
Рецензии	
К. В. Гор ш кова (Москва). «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». 4. П. Сороколетов (Ленинград). «Словарь современного русского народного говора». 7. Абдуджаббаров (Самарканд). «Словарь таджинского языка (Х— пачало ХХк.)». 7. Гер ценберг (Ленинград). В. Schlerath. Awesta Wörterbuch. 8. Е. Щет и н к и и (Новосибирск). Q. I. M. Mok. Contribution à l'étude des catégories morphologiques du genre et du nombre dans le français parlé actuel M. А. Бородина, Н. Н. Мильман (Пенинград). С. Th. Gossen. Franzö	24 130 136 142 144
на уч на я жиз нь	
· •	150 166
РЕДКОЛЛЕГИЯ	
О. С. Ахманова, В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), Э. А. Макаев, М. В. Панов, В. З. Панфилов, И. И. Ревзин, Ю. В. Рождественский, Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой (отв. секретарь редакцип), О. Н. Трубачев	

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. 228-75-55

К. Ф. ЗАХАРОВА

ТИПЫ ДИССИМИЛЯТИВНОГО ЯКАНЬЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ (Лексико-морфонологическая характеристика)

Одним из важных и не решенных до конца вопросов предударного вокализма говоров южного наречия русского языка является вопрос о характере связи типов диссимилятивного яканья, отличающихся друго от друга произношением предударных гласных на месте гласных неверхнего подъема перед ударенными гласными неверхнего и ненижнего подъема, с качеством этих ударенных гласных.

Имеющиеся в литературе определения таких типов диссимилятивного яканья хотя и основываются на происхождении или качестве ударенных о и e^1 , но не отвечают на вопрос о том, все ли из таких типов, как обоянский, задонский, щигровский и суджанский, обнаруживают в современных говорах фонетическую зависимость от качества названных ударенных гласных 2 или же некоторые из них представляют морфонологические 3 , не обусловленные качеством o и e, закономерности чередования разных гласных фонем, а также характеризуют особенности звукового состава отдельных слов.

Описание и анализ системы гласных первого предударного слога на фонетическом, фонологическом и морфонологическом уровнях, проведенные на основе изучения материалов ответов на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», показали 4, что в современных говорах типы диссимилятивного яканья существуют в двух видах: в виде фонетически закономерного типа диссимилятивного яканья, при котором чередование гласных а и не-а на месте гласных неверхнего подъема зависит только от качества ударенных гласных, и в виде фонетически не закономерного типа, при котором чередование гласных а и не-а в пределах одной морфемы перед ударенными гласными верхнего и неверхнего подъемов не зависит от их качества и подъема, а является чередованием фонем, имеющим грамматическое, а пе фонетическое значение.

Эти два вида типов диссимилятивного яканья находятся между собой в таких же отношениях, в каких находится любое фонетическое явление и явление звукового состава морфем, внешне похожее на него, но ставшее лексикализованным или морфологизованным. Законы существования
этих явлений пазличны, хотя второе из них может быть реликтом первого.

¹ См.: Н. Н. Дурново, Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч.1, вып. 1—2, М., 1917; его же, Введение в историю русского языка М., 1969, стр. 157; Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, М., 1949, стр. 80—87; «Русская диалектологии», М., 1949, стр. 80—87; «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, М., 1964, стр. 38, 45—53; М. Наlle, Akan'e. The treatment of unstressed nondiffuse vowels in Southern Great Russian dialects, «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz», Wrocław — Warszawa — Krakow, 1965.

² М. Нalle, указ. соч.

³ A. V a i l l a n t, Grammaire comparée des langues slaves, I, Paris, 1950.

⁴ См.: К. Ф. Захарова, Типы диссимилятивного яканья. Канд. диссерт., М., 1970.

Время, причины и механизм образования фонетически закономерного вида диссимилятивного неразличения гласных неверхнего подъема являются гипотетичными ⁵. Поскольку само явление находится на фонетическом уровне, произношение предударного а и не-а в каждом из фонетических положений при нем безразлично к характеру и грамматическим категориям слов, а качество гласного не-а может быть любым звуком переднего ряда ненижнего подъема.

Из рассматриваемых к фонетически закономерным типам относятся только а архаические типы диссимилятивного яканья в, которые в зависи-

Карта. Архаические и щигровский типы диссимилятивного яканья в говорах южного наречия: 1 — обоянский тип, фонетически обусловленный качеством ударенных \hat{o} — o и \hat{e} — e; 2 — обоянский тип, существующий вне фонетической зависимости от качества ударенных о и е; 3 - система предударного вокализма, сочетающая задонский тип диссимилятивного яканья и новоселковский тип умеренно-диссимилятивного пли ассимилятивно-диссимилятивного яканья; 4 — щигровский тип; 5 — случаи произношения а перед ударенным а при обоянском и щигровском типах

мости от качества гласного не-a разделяются на обоянский тип с гласным не-a — u и задонский, а также реконструируемый архаический типы с гласным не-a, не совладающим с u, равным e или b, ε .

Фонетически закономерный тип диссимилятивного яканья предполагает паличие такого качества ударенных о и е, которое бы соответствовало произношению а или не-а в первом предударном слоге перед ними. Действительно, архаические типы диссимилятивного яканья фонетически закономерного вида, отмечаемые в современных говорах, имеют под ударением семифонемную систему с $\langle \hat{o} \rangle - \langle o \rangle$ и $\langle \hat{e} \rangle - \langle e \rangle$. Однако в говорах обоянский тип такой системы отмечается достаточно редко (см. карту). Задонский тип, относящийся к этому виду диссимилятивного яканья, как правило, не существует в чистом виде: в нем всегда присутствуют элементы утраты его как диссимилятивного яканья, выражающиеся в реальной представленности в говоре умеренно-диссимилятивного или же ассимилятивно-диссимилятивного яканья, которые не связаны принципом зависимости от ударенного вокализма 7. Даже в одиночных пунктах, где задонский тип диссимилятивного яканья сохраняется в наиболее чистом виде, имеются элементы его нарушения, заключающиеся в разном качестве гласного не-а в зависимости от соседства твердых или мягких согласных (перед твердыми—e, перед мягкими—u) и тем самым в наличии разных фоноло-

и тем самым в наличии разных фонологических систем в этих положениях, что противоположно самому принципу диссимилятивного яканья.

Система гласных первого предударного слога при фонетически закономерном виде диссимилятивного яканья предполагает различение

⁵ См. дискуссию в «Вопросах языкознания» (1963—1965).

⁶ См.: К. Ф. Захарова, Арханческие типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей, в кн.: «Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия», 1, М., 1959.

См.: К. Ф. Захарова, Некоторые случаи утраты архаического типа диссимилятивного яканья, в кн.: «Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серря», 2. М.: 1961.

трех слабых фонем 8 , соответствующих семи гласным фонемам сильного положения. Это $u-\mathbf{B}$ соответствии с ударенным $u,y-\mathbf{B}$ соответствии с ударенным y и a и не-a (в зависимости от фонетического положения) в соответствии с разными ударенными гласными фонемами неверхнего подъема. В этой системе гласные a и e-a являются позиционными вариантами одной и той же слабой фонемы, соответствующей одной из сильных фонем неверхнего подъема. Подобная фонетическая зависимость проявляется в этих говорах независимо от характера слов и от положения после твердых или мягких согласных и всегда сочетается с диссимилятивным акакым того же типа 9 . Наиболее полно такая система выражается при задонском типе диссимилятивного аканья и архаическом типе диссимилятивного аканья:

Системой обоянского типа является различение трех гласных и

перед гласными верхнего подъема и $\langle \hat{o} \rangle$, $\langle \hat{e} \rangle$ и двух — и у — перед гласными нижнего подъема и $\langle o \rangle$, $\langle e \rangle$. Наличие гласного не-a, равного u, при условии совпадения его с фонемой u, как это может быть в обоянском типе фонетического вида, вносит в эту систему специфику 10, сигнализирующую начало отхода от чисто фонетического вила, поскольку произношение и в словоформе перед ударенным а допускает наличие двух моделей произношения данной морфемы в других словоформах с ударенными гласными верхнего подъема: с гласным а в первом предударном слоге и с гласным u. Например, $c[u]cmp\acute{a}$, $\Lambda[u]c\acute{a} = [c'a]cmp\acute{y}$, $\Lambda[u]c\acute{y}$, или (при отсутствии форм словоизменения, в которых проверяется безударная фонема) $m[u]um\acute{a}$, $en[u]cm\acute{a} - [m'a]um\acute{u}$, $en[u]cm\acute{u}$. Такая фонологическая система допускает произношение попавшего в говор нового слова. не имеющего формы словоизменения, в которой гласный первого предударного слога был бы в сильном положении типа mumá, как по модели $m[u]m\acute{a} \to [m'a]m\acute{y}$, так и по модели $m[u]m\acute{a} \to m[u]m\acute{y}$, что было бы невозможно при действии фонетической закономерности диссимилятивности в системе предударного вокализма без совпадения в одном звуке фонем неверхнего подъема с фонемой верхнего подъема переднего ряда (например, в системе [m'e]ч $m\hat{a} > [m'a]$ ч $m\hat{y}$ при $n[u]xm\hat{a} > n[u]xm\hat{y}$).

Правда, в отношении говоров с последовательным обоянским типом яканья и архаическим типом аканья без экспериментальных данных нельзя говорить с полной уверенностью о том, что гласный и на месте гласных неверхнего подъема действительно совпадает с гласными и на месте фонемы и. Всегда имеется возможность толковать и при обоянском типе как гласный, не совпадающий с гласным фонемы и — тогда фонологическая (но не фонетическая) система гласных первого предударного слога обоянского типа будет идентична системе задонского типа яканья и архаического типа аканья по количеству (но не по качеству) различающихся слабых фонем.

10 «Вопросы теории лингвистической географии», М., 1962, стр. 53 − 56.

⁸ Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956.

⁹ Н. Н. Дурново, [рец. на кн.:] Працы Алёны Курылавай у галіне дыялекталогіі і гісторыі беларускай і украінскай мовы. «Зап. аддзела гуманіт. навук Беларуск. АН», кв. 9 — Працы класа філалогіі, т. 2, 1929; Т. Г. Строганова, Одна из особенностей южнорусского вокализма, ВЯ, 4, 1955.

Наличие разных систем гласных в первом предударном слоге при обоянском типе яканья фонетически закономерного вида по сравнению с системами при задонском типе яканья и архаическом типе аканья имеют существенное значение при изменении фонетических условий существования этих систем, а именно при утрате особых фонем δ и δ или утрате действия самого диссимилятивного принципа. При этом в системах, где гласный не- α не совпадает с гласным другой фонемь— u, он обычно исчезает, заменяясь общим вариантом a, поскольку различение двух вариантов одной слабой фонемы— a—b или a—b или a—e — в зависимости от фонетической позиции теряет свою основу.

При утрате фонетических основ существования обоянского типа в его системе появляется возможность сохранения гласного не-а, равного и: в отдельных словах и грамматических категориях это и может переходить в фонему и. Видимо, этими особенностями системы обоянского типа по сравнению с системами всех других типов архаического диссимилятивного вокализма объясняется его сравнительно большая устойчивость в говорах и возможность сохранения в виде фонетически не обусловленного типа при утрате особых фонем û и ê (см. карту).

Система гласных первого предударного слога при нефонетическом виде обоянского типа яканья только внешне сходна с системой обоянского типа яканья фонетического вида, так как совпадение то в гласном а, то в гласном и фонем а, о, е перед ударенными о и е уже не носит фонетически регулярного характера, а является признаком

определенных словоформ или присуще отдельным лексемам.

Таким образом, произношение а или не-а в одном и том же фонетическом положении закреплено при таком типе за определенными грамматическими категориями и за отдельными словами, индивидуальными в каждом отдельном говоре. При этом гласным не-а является только звук и, в котором совпадают фонемы неверхнего подъема и фонема и. Следовательно, то, что представляет особый тип яканья в этих говорах, не относится ни к фонетическому, ни к фонологическому уровню; оно находится на лексико-морфологическом (в словах с чередованием гласных основы) уровне.

О нефонетических типах яканья можно определенно сказать, что по времени возникновения они являются более поздними, чем типы, основанные на фонетической зависимости, и как бы производными от последних, явившимися результатом изменения и утраты того ударенного вокализма, который был фонетической основой существования первоначальных типов диссимилятивного яканья.

К типам, не основанным на фонетической зависимости от качества ударенных о и е, относятся обоянский (который таким образом может быть в двух видах), щигровский и суджанский. Судя только по ответам на «Программу», не имеющим данных фонетико-инструментального обследования ударенного вокализма, эти типы существуют при наличии пятифонемной системы гласных. Диссимилятивное аканье, отмечаемое при них, всегда имеет один и тот же неархаический тип, не соответствующий типу диссимилятивного яканья в тех же говорах, и имеет в качестве гласного не-а гласный ъ. Все это соответствует нефонетическому характеру этих типов диссимилятивного яканья.

Единый по своей фонологической структуре нефонетический тип обоянского яканья различается по говорам характером и числом грамматических категорий, слова которых произносятся с гласным и или а первом предударном слоге на месте гласных неверхнего подъема перед ударенными о и е. В соответствии с этим мы разделили этот тип на несколь-

Таблипа 1

Разновидности обоянского типа нефонетического вида по распределению произношения а и и перед о и е разного происхождения

Ударенный гласный		Гласный первого предударного слога							
		I		Ila		116		III	
по проис- хождению	морфемы употребления	значимые слова	предлоги	значимые Слова	предлоги	значимые слова	предлоги	значи м ые слова	прецлоги
о из ô	Разные морфемы	a	a	a	а	a	и	a	а
0 M3 0	Корень слова	_	а		a		u		a
о из ъ	Падежн. оконч. Суффок- Наречия Числительные Корень слова	u u u u	a	a/u u u u	a	a u u u u	и	a/u u u u u	a
о из е , ь	Суфф. сущ. и прилаг. Личн. оконч. гл. Корень слова	$\frac{u}{u}$	a/u	u u	а	$\frac{u}{u}$	u	<u>u</u> <u>u</u>	_
е из ĕ	Падежн. оконч. Суфф. сравн. степ. Суфф. основа инфин. Корень слова	a a a/u a/u	a	a a a a	a	a a a u	u	a a/u a/u a/u	
е из е, ь	Падежи. окоич. Суфф. сущ. и прилаг. Личи. окоич. гл. Корень слова	u u u a/u	a/u	u u u u	a	u u u u	и	u u u u	

ко разновидностей, наиболее типичные из которых представлены в табл. 1. В каждой из разновидностей нефонетического типа диссимилятивного яканья позиционный вариант гласных неверхнего подъема не- α совпадает с фонемой u, появление которой фонетически свободно; при этом наблюдается разная возможность грамматических форм слов каждого из положений иметь гласные u и α на месте гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге, что переводит их на нефонетический уровень, не нарушая фонологической системы различения трех слабых фонем в первом предударном слоге 11 .

Фонетически не закономерному обоянскому типу очень близок в структурном плане щигровский тип диссимилятивного яканья. Населенных пунктов, в которых отмечается щигровский тип, немного, и они не занимают сплошной территории (см. карту), а располагаются как бы на окраине той территории, которую определил для них Н. Н. Дурново 12. На месте гласных неверхнего подъема в этом типе чередуются только

¹¹ Подробнее см.: К. Ф. Захарова, Арханческие типы...

¹² Н. Н. Дурново, Введение с историю русского языка, стр. 158.

Таблица 2 Разновидности щигровского типа по распределению произношения а и и перед о из ъ

	Морфемы ударенного о						
Территория говоров	Падежи. оконч.	Суффикс -ок	Наречие	числи- эоналэт	Основа слова		
 Белгородская обл. Орловская обл. Воронежская обл. 	а а а	a/u a a	u a/u a	и a/м a	и и а		

гласные а и и ¹³. Наличие гласного и в качестве гласного не-а, употребляемого перед ударенными гласными среднего подъема вне зависимости от их качества, но в зависимости от определенных грамматических категорий слов, выступающих в этих положениях, характеризует щигровский тип как тип, существующий вне фонетической зависимости.

В разных говорах щигровский тип имеет разное количество словоформ, произносящихся с а и с и перед ударенным о из ъ (см. табл. 2). Тем самым в некоторых говорах щигровский тип приближается к обоянскому типу нефонетического вида. Табл. 1 и 2 показывают, как трудно разграничить в отдельных говорах системы, относящиеся к обоянскому и щигровскому типам.

Следует сказать, что само деление диссимилятивного яканья на типы и их разновидности при наличии фонетической закономерности от качества ударенных о и е и при отсутствии таковой имеет разные критерии. Деление на типы последнего вида диссимилятивного яканья проводится условно, поскольку ему свойственно произношение а и и в разных категориях слов на месте гласных неверхнего подъема перед о и е, независимо от их происхождения. Однако в принципе разграничение обоянского, щигровского и суджанского типов, относящихся к фонетически не закономерным, необходимо, поскольку данные системы различаются не только числом грамматических категорий, слова которых произносятся с а или с и перед ударенными о и е, но и фонологической тенденцией в отдельных положениях или в системе в целом: щигровскому типу в целом более свойственно увеличение числа слов разных грамматических категорий с различением трех слабых фонем (и у), тогда как обоянскому и суд-

жанскому более свойственно уменьшение их за счет увеличения слов и целых позиций с различением только двух слабых фонем $(u \ y)$ (см. табл. 5).

Очень отчетливо нефонетическая закономерность в произношении a и и перед ударенным o при щигровском типе яканья выступает в положениях перед мягкими и шинящими согласными. При наличии в говорах одной фонемы o имеется разная закономерность произношения перед ней гласных a и u в соответствии с гласными неверхнего подъема в разных категориях слов в зависимости от происхождения в них ударенного o. Ср. постоянно: [a'a]млёй, [n'a]млёй, [n'a]мнём, [m'a]шко́м, но n[u]шко́м, a[u]шо́к (при возможном [m'a]шо́к), m[u]шо́чик. Перед o из o, произносится постоянно u. Таким образом, в положении перед ударенным o из o после мягких и шинящих согласных отсутствует полное единство произношения на месте гласных неверхнего подъема в про-

¹⁹ Ранее считалось, что щигровский тип может иметь в качестве гласных не-а гласные и и е. См.: Н. Н. Дурново, Введение..., стр. 157; Р. И. Аванесов, Очерки..., стр. 84.

тивоположность единству произношения в том же соответствии, имеюпемуся перед ударенным o из δ в тех же положениях. При этом в положепии перед шинящими согласными при ударенном o из δ аналогического
происхождения проявляются в общем те же закономерности, что и перед
твердыми согласными, т. е. произносится a в категории имен с постоянным
ударением на окончании в формах словоизменения и может произноситься u в категории слов с постоянным ударением на основе (типа $m[u]u\omega \epsilon \omega \epsilon$)
и в неизменяемых словах (в наречиях типа $n[u]u\kappa \epsilon \omega \omega$); произношение uвозможно также в именах с суффиксом $-o\kappa$. В положении перед мягкими
согласными заметно выделяется произношение существительных с суффиксом $-o\kappa - \omega$ чаще всего оно отмечается с гласным u, тогда как существительные тв. падежа ед. числа муж. рода с ударенным окончанием в том
же положении отмечены с гласным a на месте гласных неверхнего подъема.

Различение гласных — a или u, — произносимых на месте гласных неверхнего подъема перед твердыми и шипящими согласными, с одной стороны, и перед мягкими согласными, с другой, при одном и том же ударенном гласном (a из b) в одних и тех же грамматических категориих слов (в существительных с суффиксом $-o\kappa$ из $-b\kappa$) может свидетельствовать о том, что гласный a в этой категории слов стал произноситься тогда, когда шипящие отвердели и стали представлять то же фонетическое положение, что и перед твердыми согласными.

Различия в характере предударного вокализма, имеющиеся перед твердыми шинящими и мягкими согласными в зависимости от происхождения о, свидетельствуют о неодновременном появлении произношения гласного а и о разных причинах его появления в этих положениях перед ударенным о из о̂ и о из ъ. При распространении произношения а перед о из ъ действовал морфологический фактор, тогда как появление произношения а в положении перед о из о̂ послемятких согласных происходило по чисто фонетическим причинам, хотя оба эти о и появлялись после мягких согласных в результате аналогии 14.

По характеру произношения гласных a и u в положении перед ударенным e щигровский тип также не однороден.

В отношении возможностей произношения а и и в разных лексических категориях перед е (включающем как е из ë, так и е из е, ь) говоры со щигровским типом яканья представляют четыре разновидности (см. табл. 3). Из них наиболее противопоставленными и ярко выраженными являются ІІ и ІІІ разновидности. В пределах каждой из разновидностей (а особенно ІІ и ІІІ) обнаруживается своя тенденция упорядочения правил произношения а и и перед ударенным е, не различающимся в этих говорах в зависимости от происхождения. Так, в говорах с разновидностью І, отмамих к говорам с обоянским фонетически пунктах Белгородской обл., близких к говорам с обоянским фонетически не закономерным типом (ср. наличие в них большого количества слов, произносимых с гласным и перед о из т; см. табл. 2), обнаруживается преобладание традиционного произношения: а перед этимологическим ё и и перед е из е, ь. Теоретически можно бы было дотрацустить, что в этих говорах еще существует фонетическая связь качества предударного гласного с качеством е, если бы было доказано наличие в этих говорах шестифонемного состава гласных.

В говорах II разновидности обнаруживается тенденция к произношению a перед ударенным e независимо от его происхождения: в них постоянно произносится a перед e из e и возможно произношение a перед e из e, b в тех случаях, когда ударенное e из e, b находится в корне двухили многосложного слова— типа $men\acute{e}p_b$, $\partial ep\acute{e}ens$ или в начальном слоге

¹⁴ Cm.: Р. И. Аванесов, Очерки..., стр. 92-94.

значимого слова после предлога, приставки или отрицания — типа не бей. Произношение же u перед e из e, b сохраняется в тех случаях, когда оно служит добавочным средством разграничения грамматических форм слов и понимается как чегедование фонем неверхнего подъема — [u'a]-сй/ы[u]сешь.

В говорах III разновидности имеется прямо противоположная тенденция — произносить перед гласным е любого происхождения гласный и на месте гласных неверхнего подъема, что выражается в произношении только и в предлогах, приставках, отрицательных частицах и корнях слов перед е независимо от его происхождения. Произношение а может при этом сохраняться перед ударенным е из ё, но только в тех случаях, когда это произношение поддерживается наличием а в других формах этого же слова, например, в с'алé—как с'алó, с'алóм, с'алý; т'амнейа как т'амно и под.

Таблица 3

Разновидности щигровского типа по распределению произношения а и и перед е разного происхождения

Ударенный гласный		Гласный первого пред- ударного слога						
по проис- хождению		pa	разновидности говоров					
	морфемы употребления	I	11	III	IV			
е из ё		1						
	1. Падежн. оконч.	a	a	a	a			
	2. Суфф. сравн. степ.	a		_	a			
	3. Суфф. основы инфин.	a	a	a/u	a			
	4. Корень слова	[a	a	u	a/u			
е из е, ь	1. Падежн. оконч.	u	u		u			
,	2. Суфф. сущ. и прилаг. 3. Личн. оконч. глаг.	u	u	u	u			
	наст. вр.	u	u	u	u/a			
	4 Корень слова	u	u/a	и	u/a			

В говорах IV разновидности имеется тенденция к установлению произношения u и a перед e в разных категориях слов: ср. преимущественное произношение u перед ударенным e из e в корнях слов и только произношение u в этой же категории слов перед e из e, b при наличии тенденции произносить только a в предлогах, приставках и отрицательной частице ne. В остальных категориях в разных говорах этой разновидности может оставаться старый тип произношения, основанный на имеющихся чередованиях гласных в разных формах одного слова. Может также происходить внутреннее перераспределение произношения a или u по отдельным категориям слов.

Для говоров всех разновидностей щигровского типа яканья при этом характерно отсутствие завершенности в распределении случаев произношения а и и перед ударенным е. Поэтому, говоря о разновидностях в характере предударного вокализма перед ударенным е при щигровском типе диссимилятивного яканья, мы не выделяем на их основе разновидностей самого щигровского типа яканья, так как почти в каждом говоре наблюдается только ему свойственное распределение случаев произношения а и и на месте гласных неверхнего подъема перед ударенным е.

Анализ системы гласных первого предударного слога при щигровском типе диссимилятивного яканья показал, что действующей фонетической зависимости качества гласных первого предударного слога от качества ударенных гласных о и е в этих говорах нет. Щигровский тип диссимилятивного яканья существует в них как грамматически закономерное и лексически приуроченное произношение гласных а и и на месте гласных неверхнего подъема перед ударенными о и е, где гласный и не является позиционным вариантом фонем неверхнего подъема, а имеет функцию фонемы и. Этим объясняется не полное единообразие закономерностей произношения гласных перед ударенным о и е при щигровском типе в разных говорах: правила фонемного чередования (а — и) и перехода отдельных слов в разряд слов, имеющих фонему и, индивидуальны для каждого говора. Они-то и составляют конкретные разновидности существования щигровского типа диссимилятивного яканья.

Синхронная система, свойственная обоянскому и щигровскому типам яканья, существующих как особые типы вне фонетической зависимости от качества ударенных о и е, свидетельствует о том, что она в обоих типах образовалась в результате нефонетических изменений, произошедших в фонетически закономерном обоянском типе. Эти изменения возникали в результате утраты говором семифонемной системы гласных — основы его фонетического существования.

Таким образом, обоянский и щигровский типы в говорах с пятифонемным составом гласных являются как бы двумя возможностями сохранения диссимилятивного типа, утратившего семифонемную систему гласных, но сохраняющего систему различения трех слабых фонем в первом предударном слоге, свойственную диссимилятивному яканью.

*

В связи с этим возникает общий вопрос о характере и возможности развития системы различения трех слабых фонем в говорах, где типы диссимилятивного яканья не являются фонетической закономерностью. Этот вопрос возникает потому, что расширение сферы употребления а за счет и в соответствии гласным неверхнего подъема (что характерно для обониского и особенно щигровского типа) происходит в условиях, когда позиционный вариант гласного не-а на месте гласных неверхнего подъема совпадает с и, наличие которого делает невозможными никакие фонетические преобразования, не затрагивающие и фонемы и. В этих условиях и действие аналогии не может сводиться к механическому замещению гласного не-а, равного и, гласным а, так как при этом возникает проблема разграничения слов с произношением и на месте гласных неверхнего подъема от слов с произношением и на месте фонемы и. Следовательно,

изменение произношеймя u на a по аналогии, которое происходит в говорах при утрате различий между $\langle \delta \rangle$ и $\langle o \rangle$, $\langle \delta \rangle$ и $\langle e \rangle$, может происходить не во всех словах с предударным u, а только в словах, в которых это u соответствует фонеме неверхнего подъема. Как же происходит процесс фонемного разграничения при совпадении в u фонем неверхнего подъема и фонемы u в разных морфемах при отсутствии действия фонетической закономерности в реализации фонем первого предударного слога?

Категории слов, составляющие каждое фонетическое положение, различны как в отношении проверки фонемной принадлежности гласного первого предударного слога 15, так и в отношении фонологической и грамматической роли его как гласного основы. Так, в словах с ударенным окончанием в формах словоизменения фонемная принадлежность предударного гласного обычно ясна, тогда как в словах с постоянным ударением на корне или суффиксе и в словах неизменяемых установить наличие фонемы а, о, е или и формами словоизменения невозможно. При этом в словах первой категории роль гласного основы другая, чем в словах второй категории: в первом случае гласный основы может иметь грамматическое значение, будучи закрепленным за определенными грамматическими формами, во втором случае он не играет грамматической роли, поскольку при всех формах словоизменения остается неизменным и может иметь значение только в чисто лексическом отношении, определяя звуковой состав данного слова.

При диссимилятивном яканье обоянского типа фонетического вида в основах слов первой категории в соответствии гласным неверхнего подъема имеется чередование гласных a-u (в зависимости от качества ударенного гласного) типа с'ало̂ — сило́м: в основах слов второй категории постоянно произносится или a (a'ayka, k'askcma), или u (биk6uyka, свикров'йа, дирешн'а). При утрате фонетических основ существования этого типа чередование а — и в словах первой категории может или сохраниться, став морфологическим чередованием основ, служащим добавочным грамматическим средством для различения форм словоизменения, или исчезнуть, заменившись одной общей основой для разных форм словоизменения. Говоры с обоянским типом, не обоснованным фонетически, свидетельствуют, что обобщение основы по одной из произносимых моделей продуктивно тогда, когда в словоизменительной парадигме слова в пределе одного числа под ударением встречались \hat{o} и o исторически разного происхождения и разного качества, совпавшие в одном звучании. Так, например, для слов ср. рода типа село, где о из о и о из ъ встречаются в составе парадигмы ед. числа, более характерно обобщение основы слов с гласным $a: [c'a]_{n} = [c'a]_{n} = 0$. И наоборот — чередование слабых фонем u-a в основе бывает более устойчиво, когда этих условий нет. Например, в том же типе яканья: при постоянном произношении a в форме тв. падежа ед. числа существительных типа $cen \delta = [c'a] n \delta m$ может сохраняться произношение и в той же грамматической форме у существительных муж. рода, в парадигме ед. числа которых не было о, которое исторически могло быть \hat{o} , например, $\kappa p[u]cm\acute{o}m$ ($\kappa p\langle e\rangle cm$), $M[u]u\acute{o}m$ $(m\langle e\rangle$ ч и $\langle m'a\rangle$ ч) и под. — $\kappa[p'a]cm\acute{y}$, [m'a]ч \acute{y} .

Еще более устойчиво в таких говорах сохраняется u перед o у существительных муж. рода в форме им. падежа ед. числа, где оно входит в состав суффикса - $o\kappa$ (исторически - $o\kappa$), типа m[u]л $\delta\kappa$, G[u]л $\delta\kappa$, n[u]л $\delta\kappa$ и где, следовательно, также сохраняется чередование основы: m[u]л $\delta\kappa$ — [m'a]л κ ψ , G[u]л $\delta\kappa$ — [6'a]л κ ψ и под., свойственное определенному классу

¹⁵ Л. Дюрович. [Фонетическая интерпретация русского безударного вокалызма, «Ceskoslovenská rusistika», VIII, 4, 1963.

существительных. Здесь соотношение гласных под ударением — $\langle e \rangle$, $\langle a \rangle$ $\langle o \rangle$ — и в первом предударном слоге — $\{u\}$ — в формах словоизменения означает чередование фонем, свойственное разным формам слова, а не фонематическую закономерность чередования гласных одной фонемы. Различия же в чередовании основ разных слов относятся к лексико-морфологическому уровию.

В той же категории слов перед ударенным e отсутствием e по происхождению из \check{e} в парадигме личных глагольных форм объясняется, видимо, также очень устойчивое чередование a-u в основе глаголов I спряжения, типа $[u] \dot{a} = u = u$ в основе глаголов I спряжения, типа $[u] \dot{a} = u = u$ в основе глаголов I спряжения хнанья. Здесь a=u и закреплены за разными глагольными лицами и числами и поэтому являются морфологическим чередованием гласных фонем основы в той же мере, как и чередование фонем задненебных с шилящими в окончании основ этих же глаголов.

Для щигровского типа всловах той же категории перед ударенным o устанавливаются следующие правила употребления слабых фонем u и a: гласный a произносится при наличии парадигмы, в которой a встречается перед гласными верхнего подъема и соотносится с гласным неверхнего подъема под ударением в одной из форм словоизменения (или форм словообразования, последнее при тесной смысловой связи слов). Гласный u соответственно произносится в таких словах, в парадигме которых прослеживается наличие фонемы u на его месте, τ . е. [c'a] $n\delta \omega - [c'a]$ $n\delta \omega - [c'a]$

Таким образом, говоры с обоянским типом отличаются от говоров с щигровским типом тем, что имеют иные словообразовательные классы имен, так как, не будучи фонетически обусловленными, особенности произношения, подобные $[\kappa p u]cm\delta u = [\kappa p'a]cm y$ при обоянском и $[\kappa p'a]-cm\delta u = [\kappa p'a]cm y$ при щигровском или соответственно: $m[u]n\delta \kappa = [m'a]n\kappa y$ и $[m'a]n\delta \kappa = [m'a]n\kappa y$, $[\delta u]n\delta \kappa = [\delta'a]n\kappa y$ и $[\delta'a]n\delta \kappa = [\delta'a]n\kappa y$, $[\delta u]n\delta \kappa = [\delta'a]n\kappa y$ и $[\delta'a]n\delta \kappa = [\delta'a]n\kappa y$, $[\delta u]n\delta \kappa = [n'a]m\kappa y$, различающие эти типы яканья, следует отнести к словообразовательным средствам каждого говора.

В словах другой категории, в которых фонемную принадлежность предударного гласного определить трудно или невозможно, гласный u, равный u, также может или сохраниться, как в словах с фонемой u, что в положении перед о (исторически ъ) постоянно наблюдается при обоянском и часто при щигровском типах яканья, или, в зависимости от тенденции каждого отдельного говора, может быть заменен слабой фонемой a, если согласно фонологическому закону все непроверяемые формами словоизменения гласные фонемы и, а, о, е данного положения совпадают в одном этом гласном в первом предударном слоге. Так, например, в разных разновидностях обоянского и щигровского типов может появляться произношение ∂ 'аре́вн'а, m 'але́р' наряду с μ 'а ∂ е́л'а, γ л 'а ∂ е́m' или μ и ∂ е́л'а, улиде́т' наряду с дире́вн'а, типе́р' и под. Следовательно, в морфемах слов этой категории происходит фонологическое переосмысление звукового состава, в результате чего слова переходят или в разряд слов с фонемой u (би γ б μ , сви κ рб θ 'йa, ни θ е́ μ 'a) или в разряд слов с фонемами неверхнего подъема (д'аре́вн'а, н'аде́л'а и под.).

Те же исторические причины — утрата различий \hat{e} и e под ударением — привели к другим закономерностям произношения a и u на месте гласных неверхнего подъема в положении перед ударенным e, где при обоянском и щигровском типах яканья продолжает сохраняться возможность произношения двух гласных — a и u, хотя конкретное лексическое наполнение таких возможностей в разных говорах остается разным. При этом намечается несколько типов правил произношения a и u перед e (см.

табл. 1 и 3). Одно из них сходно с правилом различения слабых фонем а и и в положении перед о при щигровском типе (за разными словами закрепляется произношение гласных, поддерженное формами словоизменения). Так может установиться произношение а на месте гласных неверхнего подъема, но u — на месте u, если формы словоизменения позволяют установить их наличие в разных словах одной морфологической категории. Кроме этого, гласный u, независимо от соответствия этимологическому uили гласным неверхнего подъема, может произноситься тогда, когда наличие той или иной фонемы не может быть проверено формами словоизменения (ср. табл. 3 разновидность III).

Другое правило сохранения произношения гласных неверхнего подъема перед ударенным e состоит в том, что a произносится и в случаях, когда оно поддерживается единством произношения основы морфемы в формах словоизменения, и при отсутствии возможности проверки фонемы в предударном слоге (см. в табл. 3 разновидность II).

Действиями этих закономерностей произношения при щигровском типе яканья объясняются случаи произношения a перед e из старых e, ь в отдельных категориях слов: в словах с корневым ударенным e (типа $[\partial]a]peenn$) и в словах с суффиксальным e (типа $c[e]a]u\acute{e}nnun$) — для говоров, имеющих тенденцию произношения а при непроверяемой фонеме (говоры II разновидности) в категориях слов с ударенным окончанием в личных формах глагола ($[h'a]c\acute{e}ub$ по типу $[h'a]c\acute{y}$) и в именах с ударенным гласным окончания в парадигме ед. числа (например, [xp'a]cméu по типу в $[xp'a]cu\acute{e})$ — для говоров с тенденцией произносить u на месте гласных неверхнего подъема в словах с непроверяемой фонемой (говоры III разновидности).

Если в словах первой категории произношение и или а в соответствии гласным неверхнего подъема относится к морфонологическому уровню, являясь чередованием фонем, свойственным разным формам одного слова, то произношение этих же гласных в словах второй категории характеризует звуковой состав отдельных лексем говора, относясь таким образом к уровню лексики. Вместе с тем общее направление — произносить а или u в словах с постоянным ударением на o и e и сохранять чередование фонем (отражающих утратившиеся фонетические отношения) или их обобщать — отражают фонологическую тенденцию говора: как осуществлять различение трех слабых фонем в первом предударном слоге, по каким канадам вести различение в нем фонемы u и фонем неверхнего подъема в разных категориях слов с разной возможностью проверки фонемной принадлежности гласного первого предударного слога.

При реализации той или иной фонологической тенденции в каждом из говоров играет существенную роль соотносительное число лексем каж дой морфемы, имеющих в предударном слоге этимологические фонемы неверхнего подъема и фонему и, и частота произношения модели этой морфемы с а или и в момент утраты в говоре действия фонетических условий употребления этих гласных. Следовательно, возможность морфологических чередований гласных основы или обобщение их обоснована не только разным качеством парадигматики в разных словах, но и разным соотношением количества слов с фонемой и и с фонемами неверхнего подъема внутри каждой отдельной категории слов. Так, например, имена акцентологического типа село - села состоят главным образом из слов, имеющих в первом предударном слоге фонемы неверхнего подъема, такие как село, стекло, бревно, звено, зерно и под. Имена подобного же типа, но имеющие фонему и в первом предударном слоге, в говорах чрезвычайно малочисленны. К ним относятся лишь: число, вино, лицо, а также следующие заимствованные слова: кило, кино, эскимо.

В противовес этому имена акцентологического типа $лес \delta \kappa$, — $леc \kappa \delta$, $zpu \delta \delta \kappa$ — $zpu \delta \kappa \delta$ имеют такое соотношение слов с фонемой u и с фонемами неверхнего подъема в первом предударном слоге, которое создает предпочтение для сохранения произношения u в этой категории слов и на местрасных неверхнего подъема. Возможно, что сохранение произношения u в существительных перед ударенным o в суффиксе $-o\kappa$ ($m[u]_{\lambda}\delta\kappa$, $\delta[u]_{\lambda}\delta\kappa$, $a[u]_{c}\delta\kappa$) при фонетически необоснованных типах яканья связано не только с тем, что в парадигме ед. числа этих имен было o только одного происхождения (из σ), но и тем, что в категории этих слов имеется другое соотношение количества слов с этимологическими гласными неверхнего подъема и слов с гласным u в первом предударном слоге, чем в категории слов типа $ce_{\lambda}\delta$.

Отсутствие глаголов типа *нести* с фонемой *и* в первом предударном слоге также может способствовать устойчивости чередования гласных основы в них при обоянском и щигровском типах яканья.

При отсутствии у слова форм словоизменения, а также при наличии их, но при постоянном ударении не на окончании в положении перед о из τ произносится, как правило, гласный u. Следовательно, в положении перед o из τ основным, непровераемым гласным первого предударного слога является гласный u, слова с которым рассматриваются в системе говора как имеющие фонему u.

Характерно, что при этом в данных говорах не наступает обобщения этого правила произношения и для слов той же категории (неизменяемых и слов с постоянной ударенной гласной при словоизменении), но имеющих ударенное o из старого \hat{o} . Это находится в полном соответствии с тем, что подобные категории слов в данном положении (перед бывшим ударенным \hat{o}) состоят сплошь из слов, исконно имеющих в первом предударном слоге гласный неверхнего подъема (ср.: пестро, смешно, грешно, темно, светло, тепло — и ни одного слова с этимологическим и в первом предударном слоге и ударенным до). Следовательно, в этом положении в данных категориях слов существовала только одна модель произношения -с предударным гласным а, что и способствует ее сохранению без изменения при функционировании обоянского и щигровского типов яканья. Наличие а и и в неизменяемых категориях слов, но солержащих под ударением в прошлом $\langle \hat{o} \rangle$ и $\langle o \rangle$ (таких, например, как $c[s'a]mn\delta$ и $\delta[u]s\delta m$) свидетельствует о былой обоянской основе щигровского диссимилятивного яканья, следы которой сохраняются в новых условиях, и о том, что при образовании нового типа яканья из обоянской основы в положениях перед ударенными о и е устанавливается своя система различения фонем неверхнего подъема и фонемы u, не зависимо от их этимологии и согласно с конкретными возможностями аналогического обобщения внутри каждой конкретной морфемы.

*

При утрате действия фонетического закона, на основе которого существовало диссимилятивное яканье, система предударного вокализма изменяется в зависимости от качества гласного не-a в бывшем типе диссимилятивного яканья. Системы типа архаического аканья и задонского яканья с различением трех слабых фонем во всех положениях (u y — u y),

утрачиваясь как системы диссимилятивного яканья и заменяясь главным образом умеренно-диссимилятивным и ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, сохраняют систему различения трех слабых фонем.

Системы обоянского и щигровского типов, при которых гласный не-a совпадает с u, утрачиваясь, образуют не только системы с двумя слабыми

фонемами («иканье»), но и системы с тремя слабыми фонемами во всех положениях, что приводит к восстановлению различения типа u y там,

где его не было, т. е. в положении перед ударенным a^{16} . В говорах, имеющих щигровский тип яканья, это происходит двумя путями:

- I. Путем распространения произношения a на месте u в положении перед ударенным a в тех словах, в которых u чередуется с a перед другими ударенными гласными, например, c[u]cmpá>[c'a]cmpá, так как есть [c'a]cmpóй, [c'a]cmpý— c"empb и т. д., но ср. произношение лиса́, поскольку оно соотносится с формами лисо́й— лису́— лисы и т. д.

Второй путь развития системы предударного слога возможен, в частности, потому, что в языке говоров или нет, или имеется совсем незначительное число слов каждой из категорий, которые бы имели постоянную ударенную гласную a в основе, а в первом предударном слоге этимологическую гласную u. Например, слова типа сметана имеются только с гласными неверхнего подъема: соответственные слова с u в первом предударном слоге — это главным образом слова заимствованные, не исконные для говоров (ср. лиана, сигнал, кинжал, адмирал и под.); некоторые из них также могут произноситься с a по аналогии с подобными же словами, имеющими гласный неверхнего подъема, например, zen[u]pan > ze[u'a]-pan - u $a\partial m[u]pan > a\partial [m'a]pan$.

Итеративные глаголы с постоянным ударенным а во всех формах, в которые легко проникает произношение а в первом предударном слоге, в гораздо большем числе случаев имеют в этом положении гласные неверхнего подъема. Наличие этимологического и в них различается, видимо, благодаря их производным, в которых гласный первого предударного слога выступает под ударением (например, стирать — старка). Однако именно в глаголах этого вида возможно произношение отдельных слов с а на месте этимологического гласного и (ср. широко распространенное произношение в говорах южного наречия старат»).

Глаголы типа нести в прошедшем времени ед. числа женск. рода, также часто произносящиеся с а в первом предударном слоге, имеют в основе только гласные неверхнего подъема (ср.: везти, вести, нести, плести, мести, брести, скрести, прясть, трясти и под.). Видимо, поэтому распространение произношения а на место и в словах с неизменяемой основой (см'ата́на, л'ата́л, н'асла́ и под.) не мешает общему различению слабых фонем и и а в позиции первого предударного слога.

Схематически два возможных пути распространения произношения a вместо u перед ударенным a в говорах со щигровским типом яканья представлены в табл. 4.

Эта условная схема отчетливо показывает принципиальную возможность существования таких типов диссимилятивного яканья, которые без наличия в них особого ударенного вокализма и при отсутствии фонетического закона диссимилятивного и ассимилятивного яканья сохраняют основные особенности чистого щигровского типа и представляют наряду

¹⁶ См.: К. Ф. З а х а р о в а, Некоторые случаи утраты архаического типа диссимилятивного яканья.

Таблица 4 Употребление а перед ударенным а в говорах со щигровским типом яканья

. Тип говоров	Ударенный гласный	Гласный первого предуд. слога на месте гласных неверхнего подъема			
		в словах с чередова- ниєм гласных а—и в основе	в словах без чередо- вания гласных а-и в основе		
ī	y, u	a	a		
	0	a	a		
	о из ъ	a	u		
	a	a	u		
II	y, u	a	a		
	,,	a	a		
	о из ъ) a	u		
	a ·	l u	1 a		

с этим возможность произношения а в положении перед ударенным а. При этом следы щигровского типа диссимилятивного яканья при первом пути развития будут сохраняться в словах с постоянной ударенной гласной основы и исчезать при переменных ударенных гласных окончаний.

Если бы подобный процесс в этих говорах дошел до своего логического завершения, то предударная система в этих говорах была бы такой: на месте гласных неверхнего подъема произносилось бы а в том случае, когда принадлежность к фонеме неверхнего подъема была очевидна из парадигматических чередований слова. Если же фонемная принадлежность парадигматикой слова не обнаруживается, должно было бы произноситься и. Таким образом, такая система различала бы фонемы и и фонемы неверхнего подъема только при возможности их проверки. При отсутствии таковой слова относились бы в разряд слов с фонемой и независимо от их этимологии.

Следы щигровского типа яканья при втором пути развития сохранялись бы в словах с ударенным окончанием в разных формах словоизменения, в которых нефонетическое чередование a-u на месте гласных неверхнего подъема сохранялось бы в виде добавочного грамматического средства. В словах с постоянным ударенным a произносилось бы a.

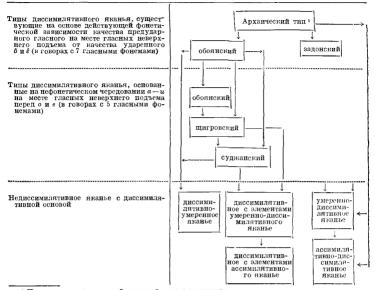
Данные таблицы 4 наглядно подтверждают также предположение о позднем времени распространения произношения a перед a по сравнению со временем образования цигровского типа: распространение a перед a не уничтожает следов щигровского типа в других положениях, в частности, фактов произношения u перед o из σ в отдельных словах с постоянным ударением на o, а также закономерностей употребления a и u перед ударенным e.

Таким образом, произношение a на месте гласных неверхнего подъема может распространяться и вне действия фонетической закономерности и при наличии гласного не-a, равного u, при условии определенной соотнесенности слов разных грамматических категорий, имеющих этимологическое u и этимологические гласные неверхнего подъема.

Если сравнить в целом систему чередований гласных a-u на месте гласных неверхнего подъема в чистом щигровском типе яканья и в щигровском типе, осложненном произношением a перед ударенным a, то можно выделить в них ряд пластов, свидетельствующих о путях их образования; при этом одни из этих пластов являются общими для всех этих типов якацья,

Таблица 5

Взаимосвязь фонетически обусловленных и не обусловленных типов диссимилятивного яканья в отношении их происхождения

прототип, реально не наблюдаемый в современных говорах.

другие характерны только для типов, при которых a произносится перед ударенным a. Общими являются: ряд особенностей, связанных с образованием щигровского типа из обоянского, к которым относится произношение a и u перед o, и особенности щигровского типа, связанные с произношением a и u перед e. При распространении произношения a перед ударенным a, приводящем к утрате щигровского типа яканья, в каждом из положений сохраняются свои закономерности чередования a-u на месте гласных неверхнего подъема, что объясняется образованием их не в результате единого фонетического процесса, a в результате постепенных нефонетических изменений, протекающих в каждом из положений индивидуально.

В существующей литературе предударный вокализм, имеющий черты щигровского типа диссимилятивного яканья и наличие произношения и перед ударенным а, называют, в зависимости от степени распространения а в положениях перед твердыми и мягкими согласными, умереннодиссимилятивным или ассимилятивно-диссимилятивным яканьем или яканьем с соответствующими элементами этих видов яканья. По сути же имеющиеся системы вокализма представляют собой специфические системы различения трех слабых гласных фонем, явившиеся результатом утраты действия фонетических закономерностей. В связи с этим термины «ассимилятивно-диссимилятивный» и «умеренно-диссимилятивный» в отношении подобных типов яканья следует рассматривать только как условные термины, не связанные ни с историей их образования, ни с особенностями функционировация.

дискуссии и обсуждения

т. в. гамкрелидзе

СОВРЕМЕННАЯ ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ (I)

1. Вторая половина XX столетия ознаменовалась в истории языкознания возрастанием интереса к вопросам диахронической лингвистики,
некоторым возвратом к разработке проблем, возникших в классическом,
сравнительном индоевропейском языкознании. К такому возрастанию в
наши дни интереса к проблемам диахронической лингвистики привело
общее развитие лингвистической мысли последних десятилетий: преодолевая соссюровскую антиномию между синхронной и диахронической
лингвистикой, она стремится к построению такой лингвистической теории, которая обладала бы большей объяснительной силой по сравнению
с сугубо синхронными теориями описательной, таксономической грамматики, строящейся строго на основе эмпирической языковой данности.

Снятие провозглашенного «Курсом общей лингвистики» де Соссюра примата синхронной лингвистики над диахронической, преодоление тенденций, которые преобладали в теоретическом языкознании начиная с 30-х голов нашего столетия, является одной из характерных особенностей современной лингвистики. Синтез синхронной и диахронической лингвистики осуществляется путем проникновения понятий, методов и операций синхронной лингвистики в лингвистику диахроническую. Современная диахроническая лингвистика — это теория языковых преобразований во времени, обогащенная новыми понятиями, методами и приемами дингвистического анализа, особо тшательно разработанными в синхронной лингвистике 1. В этом смысле развитие синхронной лингвистики. детальная разработка методологии синхронного лингвистического анализа сыграли значительную роль в оформлении современной диахронической лингвистики и солействовали их слиянию в единую цельную лингвистическую теорию, предполагающую обязательное рассмотрение языка как в синхронном, так и диахроническом аспектах 2.

Конечной задачей диахронической лингвистики является реконструкция ранних языковых состояний с целью выявления путей становления и развития исторически засвидетельствованных родственных языковых систем. Языки считаются родственными, т. е. происшедшими из общего

² A. Martinet, The unity of linguistics, «Word» 10, 2-3, 1954; ero жe, Linguistique structurale et grammaire comparée, «Travaux de l'Institut de linguistique.

Faculté des lettres de l'Universite de Paris», I (1956), 1957, crp. 9.

¹ W. F. Lehmann, Saussure's dichotomy between descriptive and historical linguistics, «Directions for historical linguistics. A symposium», Austin — London, 1968, стр. 12 исл.; U. Weinreich, W. Labov, М. J. Herzog, A theory of language change, там же, стр. 126 и сл.: «Empirical foundations for a theory of language change», там же; О. Szemérényi, Trends and tasks in comparative philology, London, 1962, стр. 6 и сл.

языкового источника, именуемого языком-основой, или праязыком, если и только если между этими языками удается установить р е г у л я р ф и м е ф о н е м н ы е с о о т в е т с т в и я в к о р н е в ы х и а ф ф и к с а л ь н ы х м о р ф е м а х, отражающие регулярный характер фонемных преобразований языка. Принцип «регулярности фонетических изменений», провозглашенный сравнительно-исторической лингвистикой XIX в., является поистине величайшим достижением лингвистической науки, содействовавшим последующему бурному развитию исторического языкознания 3. Принцип регулярности фонетических изменений и определяемые им методы лингвистического анализа превратили «науку о языке», предполагавшую в то время преимущественно историческую лингвистику, в одну из самых строгих научных дисциплин среди гуманитарных и социальных наук.

Принцип регулярности фонетических изменений и основанная на нем регулярность фонемных соответствий между родственными языками, разработанные сравнительным языкознанием XIX в. в основном на материале древних индоевропейских языков, действительны, как показали последующие исследования, не только в отношении языков с древней письменной традицией, развитие которых можно проследить по сохранившимся письменным памятникам, но и в отношении языков бесписьменных и млалописьменных.

Существовавший долгое время в индоевропейском сравнительном языкознании скепсис относительно возможности восстановления предыстории языков, на которых не сохранились древние письменные памятники, ограничивал сферу сравнительного метода древнеписьменными языками и тем самым превращал его в частный метод лингвистического анализа, применимость которого определялась культурными традициями исследуемых языков.

Вовлечение в сферу сравнительно-исторических штудий все большего количества разносистемных языков, не обладавших письменной историей. значительно расширило область применения сравнительного метода и выявило универсальность принципа регулярности фонетических изменений. Решающее значение имели в этом отношении исследования Л. Блумфилда о протоалгонкинском языке, реконструированном на основе сравнения и сопоставления между собой группы бесписьменных языков Северной Америки. Исследования Блумфилда продемонстрировали несостоятельность распространенного в индоевропейском сравнительном языкознании взгляда на неэффективность сравнения и реконструкции языков при отсутствии письменных памятников, отражающих более ранние этаны их развития 4. Особую ценность в этом смысле приобретают работы Н. С. Трубецкого по сравнительному анализу фонологических систем северокавказских языков, в которых устанавливаются регулярные соответствия между согласными фонемами ряда бесписьменных и младописьменных языков 5,

Для теории сравнительной грамматики показания картвельских (южнокавказских) языков, среди которых лишь грузинский язык обладает древней письменной традицией, восходящей к V в. н. э., имеют особую ценность: эта группа языков занимает некоторое промежуточное положение между языками типа индоевропейских, сравнительная грамматика которых строится преимущественно на данных древних письменных па-

³ Ch. F. Hockett, Sound change, «Language», 41, 2, 1965, стр. 186 и сл. ⁴ См.: Э. Бенвенист, Классификация языков, «Новое в лингинстике», 111, М., 1963; М. R. Haas, The prehistory of languages, The Hague — Paris, 1969, стр. 21 исл. ⁵ См.: N. Tru betzkoy, start dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen, «Caucasica», fasc. 3, 1926.

мятников, и бесписьменными языками типа алгонкинских, современные исследователю языковые состояния которых сопоставляются друг с пругом в целях реконструкции общей для них праязыковой системы.

Полобная реконструкция праязыковой системы достигается путем сопоставления исторически засвидетельствованных родственных языковых систем и путем ретроспективного движения от одного языкового состояния к другому, более раннему состоянию со структурной верификацией каждого из этих состояний в отношении типологических данных 6. Такое ретроспективное движение от одного состояния к другому должно продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто языковое состояние, из которого могут быть выведены все исторически засвидетельствованные родственные языковые системы при допущении определенного множества типологически вероятных и последовательных трансформаций. Подобные трансформации переводят нас из исходной языковой системы в более поздние языковые состояния, являющиеся результатом ее структурных преобразований.

Постудируемые таким путем структурные трансформации могут быть охарактеризованы как «вертикальные», или «диахронические» (в отличие от «горизонтальных трансформаций», порождающих новые конструкции в пределах той же системы). С их помощью дедуцируются различные родственные языковые системы из теоретически постудируемых исходных структурных моделей; последние отражают языковую систему, принимаемую за обшую основу исторически засвилетельствованных ролственных

По своей объяснительной силе в отношении языковой структуры «вертикальные», или «диахронические трансформации», выводящие исторически засвидетельствованные формы языка из определенных теоретических конструктов, которые считаются более ранними в хронологическом отношении ступенями этих форм (их «архетипами»), сравнимы с «горизонтальными трансформациями» трансформационно-порождающей грамматики, выводящими наблюдаемые конструкции языка, которые относятся к его поверхностной структуре, из теоретически постулируемых базисных конструкций, составляющих глубинную структуру языка 7.

«Лиахронические трансформации», сформулированные в терминах так называемых правил переписывания, которые располагаются в определенной последовательности с учетом простоты и непротиворечивости описания, отражают порядок сдедования во времени (относительную хроно-

логию) описываемых диахронических процессов 8.

2. Изложенные принципы диахронического анализа возможность реконструировать древнейшие структуры картвельских языков и восстановить картину их становления и исторического развития. Регулярные фонемные соответствия, устанавливаемые между картвельскими (южнокавказскими) языками — грузинским, мегрельским, лазским и сванским, - дают основание рассматривать эти языки как родственные, происшедшие из общего языкового источника, именуемого условно общекартвельским (пракартвельским) языком.

⁸ Ср.: M. H a I l e, Phonology in generative grammar, «Word», 18, 1—2, 1962, стр. 54 и сл.; Т. В. Гам к релидзе, Дезаффрикатизация в сванском. «Правила переписывания» в двахронической фонологии, Тбилиси, 1968.

⁶ См.: Р. Я к о б с о н, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-

историческое языкознание, «Новое в лингвистике», III.
7 См.: Т h. V. G a m k r e l i d z e, A typology of Common Kartvelian, «Language», 42, 1, 1966, стр. 69 и сл. О глубинной и поверхностной структуре см.: N. C h o m s k y, Deep structure, surface structure and semantic interpretation, «Studies in general and Oriental linguistics presented to Shirê Hattori», Tokyo, 1970, crp. 52 u cz.

Общекартвельская языковая система, продуктом распада, дифференциации которой считаются исторические картвельские языки, не относится к числу исторически засвидетельствованных языков. Она представляет собой некоторое структурно-теоретическое построение, некоторую языковую модель, устанавливаемую на основании определенных рядов формально-функциональных соответствий на различных уровнях между историческими картвельскими языками; эти соответствия позволяют восстановить методом сравнительной и внутренней реконструкции исхориные структуры, верифицируемые на типологическом материале. Предполагается, что эти структурные модели отражают в первом приближении систему некогда существовавшего в пространстве и времени общекартвельского языка-основы, распад которого на самостоятельные языковые единицы положил начало образованию и формированию исторических картвельских языков.

Фонемная система общекартвельского языка различает определенные классы фонем, образующих специфические ряды парадигматических позиций. Принимая признак слогообразования за основу классификации фонемных единиц в системе, можно выделить в фонологической системе общекартвельского языка три основных фонемных класса: 1) класс фонем, функционирующих синтагматически только как неслоговые элементы (собственно гласные); 2) класс фонем, функционирующих синтагматически только как неслоговые элементы (собственно с ог л а с н ы е); 3) класс фонем, функционирующих синтагматически как слоговые или неслоговые элементы в зависимости от их фонетического окружения, т. е. функционирующих в одних определенных позициях как слогообразующие, в других — как неслогообразующие (с о н а н т ы). Сонанты составляют в общекартвельской фонологической системе особый класс фонем. характеризующихся определенными дистрибутивными особенностями и противопоставляемых в этом отношении классам собственно гласных и согласных.

Приводимая фонемная таблица отражает фонологическую систему общекартвельского языка непосредственно перед дифференциацией:

Согласные: b p d t 3 c
$$\hat{3}$$
 \hat{c} ž č g k (g') q \hat{p} t \hat{c} \hat{c} \hat{c} \hat{c} х \hat{c} \hat{c}

Гласные: е ё а ā о ō Сонанты: j w r l m n

Каждая тройка взрывных и аффрикат состоит из звонкой /b, d, 3/, глухой (аспирированной) /p, t, c/ и глоттализованной /p, t, c/ фонем. В группе аффрикат и фрикативных фонем различаются по локальному признаку фонемы переднего ряда /3, c, c, z, s/, среднего ряда /½, c, c, \hat{z} , \hat{s} / и заднего ряда /½, č, č, č, \hat{z} /, \hat{s} /. Фонемы среднего ряда («свистящешинящие») еще в общекартвельскую эпоху передвинулись в задний ряд («шипящие») в западном диалектном ареале (мегрело-лазский и сванский) и слились («склеились») с передним рядом («свистящими») в восточном диалектном ареале (грузинский).

Сонанты манифестируются синтагматически в виде одного из своих аллофонов: слогового [i, u, r ...] или неслогового [j, w, r] в зависимости от занимаемых ими позиций в морфеме. Слоговые аллофоны сонантов представлены в позициях: #-C, C-C, C-#; неслоговые аллофоны представлены в позициях: #-V, V-C, V-#, V-C. В позиции

C-V в дистрибутивной модели наблюдаются диалектные колебания в проявлении слоговых и неслоговых элементов сонантических фонем.

В результате вокализации слоговых сонантов в исторических картвельских языках (в особенности в мегрело-лазском) возникли последовательности $V+C_s$, т. е. гласный (как правило, узкие гласные o, u, i) плюс соответствующий сонорный (неслоговой) элемент r, l, m, n. В сванском на месте слоговых сонантов появились гласные полного образования, тембр которых определялся тембром первичных гласных основ. В ряде случаев слоговые сонанты теряли слогообразующий характер, совпадая с соответствующими неслоговыми элементами (в особенности в грузинском).

Все эти процессы в исторических картвельских языках привели к устранению позиционного противопоставления слоговых и соответствующих неслоговых элементов, а это повлекло за собой элиминацию общекартвельских сонантов как особого класса фонем в отдельных картвельских диалектах и перераспределение фонемных единиц, унаследованных от общекартвельского языка.

Чередование слоговых и неслоговых аллофонов сонантических фонем было тесно связано в общекартвельской языковой системе с механизмом морфонологических чередований гласных, характеризуемых как аблаут или апофония. Аллофонические чередования сонантов в морфемах были мотивированы количественными чередованиями гласных, определявшими всю синтагматическую структуру общекартвельского языка. Аблаутные чередования гласных служили в общекартвельском, наряду с аффиксацией, средством формирования различных грамматических и лексических единиц. Сочетания морфем в сложные морфемные последовательности подчинялись определенным правилам чередований гласных.

Структурный анализ глагольных и именных основ, восстановление путем внутренней и сравнительной реконструкции древнейших типов картвельских форм позволяет описать основные общекартвельские модели, определявшие структуру корневых и суффиксальных морфем и правила их синтагматической сочетаемости.

Основная каноническая форма картвельской корневой морфемы выражается формулой CVC-, где символ C, обозначающий собственно согласную, может быть заменен символом S, обозначающим сонант в неслотовой функции. Следовательно, имеем следующие возможные сочетания фонем: CVC-, CVS-, SVC-, SVS-с кратким гласным V (принимающим одно из возможных значений: e, a, o) между элементами C и S:

$$R \rightarrow {C \brace S} V {C \brace S}$$

Специфический тип картвельской корневой морфемы представляют собой корни, содержащие вместо единичного согласного или сонанта так называемые гармоничные комплексы децессивного ряда. С точки зрения структуры корня означенные комплексы согласных представляют собой гомогенные единицы, функционально отождествляемые в структуре корня с единичными согласными.

Структура суффиксальной морфемы определяется канонической формой -VC и -VS, а также -V:

Suff.
$$\rightarrow V\left(\begin{bmatrix} C \\ S \end{bmatrix}\right)$$

Аблаутное чередование гласных представляет одну из основных морфонологических характеристик общекартвельского слова.

Каждая общекартвельская морфема — корневая или суффиксальная — выступает в виде различных алломорф, определяемых различными ступенями аблаута. Морфема может манифестироваться, в зависимости от

морфологического типа образования, как в форме с гласной, так и в форме без гласной. Соответственно различаются морфемные варианты (алломорфы) в полной и нулевой ступени огласовки.

Означенные аблаутные ступени морфем, обусловливающие алломорфные чередования в пределах одной парадигмы, флексионной или деривационной, определяются в основном синтагматическими правилами линейной сочетаемости морфем.

При сочетании корня с деривационным суффиксом возникает сопряженная основа, характеризующаяся двумя основными аблаутными состояниями: с о с т о я и и е I — корневая морфема в нормальной ступени сочетается с суффиксальной морфемой в нулевой ступени огласовки; с о с т о я и и е II — суффиксальная морфема в нормальной ступени сочетается с корневой морфемой в нулевой ступени огласовки:

Состояние I	Состояние II
*der-ķ- «сгибаться»	*dr-eķ- «сгибать»
*šer-t- «гаснуть»	*šr-et- «гасить»
*ker-b- «собираться»	*ķr-eb- «собирать»

Присоединение к основе в состояниях I и II полногласного суффикса обусловливает замену ее соответственно вариантом в нулевой ступени или в ступени редукции по морфонологическому правилу о недопустимости в многоморфемной последовательности более одной морфемы в нормальной ступени огласовки (принцип моновокализма):

Состояние І	Состояние II
*der-ķ- → *dṛ-ķ-a	$*dr-ek \rightarrow *dr-ik-e$
*šer-t- → *šr-t-a	*šr-eţ → *šr-iţ-e
*ker-b- → *kṛ-b-a	$*kr-eb \rightarrow *kr-ib-e$

Восстанавливаемые путем сравнительной и внутренней реконструкции общекартвельские аблаутные модели отражают языковое состояние, непосредственно предшествовавшее члепению общекартвельского языка непотдельные диалекты и формированию независимых языковых единиц, засвидетельствованных в виде исторических картвельских языков.

Из этой структурной модели, отражающей фонологическую и морфонологическую системы общекартвельского языка, выводимы непосредственно соответствующие системы исторических картвельских языков при допущении определенного множества типологически верифицируемых

структурных преобразований или трансформаций.

3. Предлагаемая система общекартвельского языка и пути преобразования ее в исторические картвельские языки подробно изложены нами в совместной с Г. И. Мачавариани работе «Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры» 9. Она явилась результатом проведения детального сравнительного анализа исторических картвельских языков и установления строгой системы фонемных корреспонденций.

Несмотря на значительные успехи в изучении и анализе отдельных картвельских языков, описании их фонетической системы и грамматической структуры (в особенности грузинского, а также мегрельского, азаского и сванского языков), благодаря работам таких грузинских лингвистов, как И. Кипшидзе, А. Г. Шанидзе, Г. С. Ахвледиани, А. С. Чикобава, В. Т. Топуриа и др., сравнительно-историческое изучение этих языков — установление между ними формально-функциональных соответствий, их диахроническая интерпретация и реконструкция древнейших языковых структур — все еще отставала от общего уровня, достигнутого к тому времени диахронической лингвистикой.

э Тбилиси, 1965 (далее в тексте: «Система сонантов...»).

Вопросам звуковых соответствий между картвельскими языками допоследнего времени не уделялось в картвелистике должного внимания. Со времени установления еще Ал. Цагарели и Н. Я. Марром первых схем авуковых соответствий 10 сравнительное изучение картвельских изыков мало продвинулось вперед в этом отношении. Оно до последнего времени оперировало в основном теми схемами звуковых соответствий и понятиями. Которые были выдвинуты еще пионерами отечественной картвелисти-

Наблюдаемые в картвельских языках отклонения от этих схем, казавшиеся с первого взгляда случайными и бессистемными, давали повол к возникновению своеобразных гипотез о якобы «мешанном характере» картвельских языков 11, о специфичности и многозначности звуковых соответствий в картвельских и других кавказских языках, требующих якобы особой методики исследования, отличной от методов сравнительного анализа таких языков, как индоевропейские или семитические.

Представления о «мешанном характере» сванского языка и взгляд на мегрело-лазский («занский») как на «трансформацию одного из диалектов древнегрузинского (или древнеиберийского) начала» 12 вызвали в свою очередь появление концепции о звуковых соответствиях как о соотношении «дифференцированного материала», тогда как в фонетически идентичных единицах представлены якобы не соответствия, а совпадения, представлен «недифференцированный материал» 13.

Эти «пререлятивистические представления о соответствиях», как их справедливо охарактеризовал Г. В. Церетели ¹⁴, еще более усугубляли впечатление о нерегулярности и спорадичности звуковых соответствий в картвельских языках. Такие особенности звуковых соответствий в картвельских и других кавказских языках, нарушающие якобы их регулярный характер, предлагалось даже учитывать «при обобщении данных о звуковых соответствиях» и «уточнении методики сравнительно-исторического анализа языков» 15.

Однако, как это выявили последующие исследования 16, за «специфичностью» и «более сложным характером» звуковых соответствий в

¹⁰ См.: А л. Ц а г а р е л п, Мингрельские этюды. II — Опыт фонетики мингрельского языка, СПб., 1880; Н. Я. Марр, Тубал-кайнский вклад в сванском, «Изв. Имп. АН», VI серия, №18,1912; его же, Из поездок в Сванию, «Христианский Восток». II, 1, 1914; е г о ж е, Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО РАО, ХХІІ, 1-2, 1914).

¹¹ Ср. взгляд на сванский язык как на «порождение сложного исторического процесса скрещения картвельских и абхазско-адыгейских диалектов (resp. языков)»; сванский язык объявляется некоторым «агрегатом», составленным из ряда гетерогенных компонентов: занских (шипящих), грузинских и абхазско-адыгейских отложений. Этим и объясияется «спорадичность сванских соответствий» (Арн. Чикобава, Жартвельские языки, их исторический состав и древний лингывистический облик, «Иберийско-кавказское языковедение», П. Тбилиси, 1948, стр. 262, 261).

12 См.: Ар н. Чикобава, указ. соч., стр. 264.

13 См.: Ар н. Чикобава, Чанско-метрельско-грузинский сравнительный словарь, Тбилиси, 1938, стр. 10 и сл. (на груз. яз.).

14 Г. В. Церетели, Отеории сонантов и аблаута в картвельских языках в

кн. «Система сонантов..», стр. 035.

15 К. В. Ломтати дзе, Некоторые вопросы иберийско-кавказского языкознания, ВЯ, 1955, 4, стр. 80.

18 См.: Т. В. Гамкрелидзе, Сибилянтные соответствия и некоторые вопросы

древней пей структуры картвельских языков, Топлиси, 1959 (па груз. яз.); Г. И. М ачавар и ани, О трех рядах сибилянтных спирантов и аффрикат в картвельских языках, М., 1960 («ХХУ Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР»); К. H. S c h m i d t, Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache, Wiesbaden, 1962; Г. А. Климов, Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964.

картвельских языках по сравнению с языками индоевропейскими, скрывалось фактически неудовлетворительное состояние сравнительного картвельского языкознания, недостаточная изученность картвельского языкознания, недостаточная изученность картвельского языкозного материала и отсутствие строгих методов анализа при установлении соответствий между лингвистическими единицами. В таких условиях нельзя было, естественно, рассчитывать на создание сколько-нибудь удовлетворительной системы сравнительной грамматики картвельских языков, сводящей воедино все многообразие исторических структур и хотя бы отдаленно сравнимой с системой сравнительной грамматики языков индоевропейских или семитических.

Установлению системы регулярных фонемных корреспонденций в картвельских языках в значительной степени препятствовало положение о «мешанном характере» картвельских языков, а также тезис о «первичности занского полногласия», долгое время бытовавший в картвелистике. Согласно этому тезису, в таких соответствиях, как груз. $za\gamma l$ - «собака» \sim мегр.-лазск. $zo\gamma or$ -; груз. klde «скала» \sim мегр.-лазск. kirde \sim сван. koz; груз. drk-a «согнулся» \sim мегр. drik-u, лазск. druk-u-n и др., полногласные мегрело-лазские и сванские формы отражают древнейшее состояние, тогда как соответствующие грузинские формы возникли в резуль-

тате синкопы безударного гласного 17.

Система сонантов в картвельском была постулирована именно в противовес этому тезису, превратившемуся в своего рода догму, которая долгое время мешала развитию сравнительно-исторических исследований картвельских языков, определению древнейшей системы гласных и сведению форм исторических картвельских языков к общим исходным архетинам. При допущении сонантов со слоговыми и неслоговыми аллофонами в зависимости от занимаемых ими позиций в морфеме полногласные мегрело-лазские и сванские формы стали объяснимы как поздние образования, возникшие в результате вокализации слоговых аллофонов сонантов и фонологизации анаптиксических гласных. Этим была создана предпосылка для установления строгой системы корреспонденций среди гласных и сонорных фонем; такая система позволяет единообразно объяснить целый ряд соответствий, казавшихся ранее нерегулярными и спорадичными, и свести все многообразие исторических картвельских форм к исходным общекартвельским структурам.

Другим фактором, препятствовавшим развитию сравнительных штудий картвельских языков и установлению полной системы соответствий между ними, была теория генетического родства картвельских языков

с северокавказскими.

Предположение о возможных генетических связях между картвельскими и северокавказскими языками, выдвинутое в свое время на основе сопоставления структур картвельских и северокавказских языков 18, было представлено в дальнейшем как неоспоримый постулат о генетическом родстве этих языков, объединяемых в общую генеалогическую семью под наименованием «иберийско-кавказских языков», и сравнительные штудии картвельских и горских кавказских языков были призваны иллю-

¹⁷ Концепция «первичности занского полногласия» наиболее полно представлена в работах: А р в. Ч и к о б а в а, Древнейшая структура именных основ в картвельских языках, Тбилиси, 1942 (на груз. яз.); е г о ж е, К вопросу об ударении в древнегрузинском литературном языке, І и ІІ, «Сообщения АН Груз. ССР», ІІІ, 2, 3, 1942 (на груз. яз.).

¹⁸ См.: И. А. Д жавахишвили, Введение в историю грузинского народа, 11 — Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков, Тбилиси, 1937 (на груз. яз.). Предположение об исконном генетическом единстве кавказских языков высказывалось еще П. К. Усларом (см. его «Этнография Кавказа. Языкознавие», И. Тифлис, 1888, стр. 35), затем Н. Я. Марром.

«стрировать на материале конкретных языков этот основной тезис «иберийско-кавказского языкознания», определивший целый ряд его теоретических положений и методологических принципов 19.

Положение о генетической общности «иберийско-кавказских» языков и обусловленная им направленность сравнительных штудий картвельских языков на установление этого родства приведи к тому, что с вопросов внутреннего сравнения картвельских языков внимание было перенесено на их внешнее сравнение и сопоставление с северокавказскими языками — со всеми вытекающими отсюда методологическими последствиями.

Особое место среди работ этого направления занимает во многих отношениях интересная и оригинальная монография А. С. Чикобава «Превнейшая структура именных основ в картвельских языках», сыгравшая в свое время положительную роль в стимулировании сравнительноисторических штудий в отечественной картвелистике. Но эта же книга, ввиду исключительного научного авторитета и влияния ее автора, впоследствии превратилась в фактор, препятствовавший дальнейшему развитию картвелистики, возникновению в ней новых идей и точек зрения, отличных от системы изложенных в монографии взглядов: вся последуюшая работа в этой области сводилась в основном лишь к уточнению сформулированных в книге положений и к иллюстрации их на конкретном языковом материале.

Названная монография А. С. Чикобава направила картвельское сравнительное языкознание по пути установления в картвельских языках структурных черт, сближающих картвельские языки с северокавказскими и служащих якобы основанием для доказательства родства южнокавказских и северокавказских языков. Основное место в книге занимают выделение в картвельских языках показателей грамматических классов и постулирование односогласности картвельского корня в результате вычленения начального согласного основы в качестве показателя грамматического класса или конечного ее согласного в качестве так называемого суффикса-детерминанта.

Проводимый в монографии принцип, в соответствии с которым между сравниваемыми формами картвельских языков усматривается отношение грамматической эквивалентности без их предварительного анализа на фонологическом уровне, привел ее автора к выделению ряда элементов в картвельском корнеслове (А. С. Чикобава считает их экспонентами грамматических классов), которые сопоставляются с соответствующими классными показателями северокавказских языков 20. Особенно характерен в этом отношении метод выделения элемента d- в качестве древнейшего форманта грамматического класса, соответствующего якобы показателю категории вещи d- северокавказских языков, на основании сопоставления таких картвельских форм, как груз. cacxv-i «липа» \sim лазск. ducxu; груз. cecxl-i «огонь» \sim мегр. dačxir-i, лазск. dačxur-i; груз. sisxl-i «кровь» \sim лазск. dicxir-i; груз. žinčvel-i «муравей» ~ лазск. dimčku. Фонологический анализ этих и других картвельских форм показал несостоятельность подобных интерпретаций, объяснив различия между соответствующими жартвельскими формами и появление /d-/ в мегрело-лазском в результате

¹⁹ См.: Арн. Чикобава, Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик.

²⁰ К критике проводимых в работе принципов анализа и членения картвельских форм на составные элементы см.: К. Н. S с h m i d t, указ. соч., стр. 18 и сл.; ср. также: H. Vogt, Contribution à la reconstruction du phonétisme du kartvélien commun, «Revue de Kartvélologie», 43—44, 1963, стр. 33 (далее сокращенно — RK).

диссимиляции начальных аффрикат ²¹. В итоге теория классных показателей в картвельских языках лишилась ряда своих «опорных форм».

Предлагаемая в монографии интерпретация грузинских префиксов в качестве древнейших показателей грамматических классов вызывает также делый ряд методологических возражений 22. Прежде всего, следует уточнить, для какой эпохи развития картвельского языка можно постулировать систему классного спряжения, сменившегося в дальнейшем системой личного спряжения, — относится ли эта «древнейшая структура» к общекартвельской эпохе или к эпохе становления и развития отдельных картвельских языков. Равнодушие к вопросам относительной хронологии и к разграничению хронологических уровней в развитии языка приводит, как известно, к языковым построениям, лишенным исторической пер-

Не может вызывать сомнений, что структура общекартвельского языка позднего периода (т. е. периода перед распадом на самостоятельные языковые единицы), реконструируемая на основании сравнительного анализа исторических картвельских языков, характеризовалась уже вполнесложившейся системой личного спряжения глагола, унаследованной в дальнейшем историческими картвельскими языками.

Гипотеза родства между картвельскими и северокавказскими языками в настоящее время не является доказанной и научно обоснованной, поскольку методом сравнительного анализа не удается установить между этими языками системы регулярных фонемных соответствий, являющихся единственным рациональным критерием для допущения изначального родства языков, их происхождения из общего языкового источника 23. Замена критерия фонемных соответствий критерием структурно-типологического сходства и совпадений в звуковом облике отдельных значащих элементов для обоснования генетических связей между языками с методологической точки зрения недопустима и приводит к ошибочным языковым построениям, яркие примеры которых хорошо известны из истории

Поэтому нет оснований для категорического утверждения о наличии исконного генетического родства между картвельскими и северокавказскими языками и для выделения особой генеалогической семьи «иберийскокавказских языков», объединяющей все неиндоевропейские и нетюркские языки Кавказа по признаку общности происхождения ²⁴. Может сложиться впечатление, будто «иберийско-кавказские языки» составляют такую же генетическую группу языков, что и языки индоевропейские, семитические, финно-угорские и др., объединение которых в общие генетические группы основывается на строгом соблюдении принципа регулярности фонемных соответствий между языками. В действительности так называемые «иберийско-кавказские языки» включают по крайней мере три в структурно-типологическом и генетическом отношениях вполне-

²¹ См.: Т. Е. Гудава, Ободном случае регрессивной дезаффрикатизации в завском (мегрело-чанском) языке, «Сообщения АН ГрузССР», XXXIII, 2, 1964 (на груз. яз.); ср.: Г. В. Церетели, указ. соч., стр. Оз2. 22 См.: G. Deeters, Gabes Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen?, «Corolla Linguistica», Wiesbaden, 1955, стр. 26 и сл. 23 См.: G. Deeters, Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen, RK, 23, 1957, стр. 12 и сл.; Н. Vogt, Remarques sur la préhistoire des langues kharthvéliennes, RK, 36—37, 1961, стр. 5; Г. А. Мелики и вили, Возникно-кение Устекток правства и проблем трекрый укра на състему за за дека у Малой Запи вение Устекток правства и проблем трекрый укра на състему за за дека у Малой Запи. вение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии,

ВДИ, 1965, 1, стр. 17 и сл.

24 См. «Толковый словарь грузинского языка», І, Тбилиси, 1950, стр. 005—006 (на груз. яз.); [см. также статьи «Грузинский язык» (А. С. Чикобава) и «Иберийско-кавказские языки» (А. С. Чикобава и К. В. Ломтатидзе) в БСЭ² (тт. 13 и 17, М., 1952).

детерминированные языковые группы. Это — южнокавказская группа, или картвельские языки, северо-западная группа, или абхазско-адыгские языки, и северо-восточная группа, или нахско-дагестанские языки. В структурнотипологическом плане обе северокавказские языковые группы (абхазско-адыгская и нахско-дагестанская) представляют полярные звенья, опосредствованные картвельским лингвистическим типом ²⁵.

Генетические отношения между этими тремя группами кавказских языков следует выяснять не путем сопоставления между собой отдельных разрозненных фактов различных современных языков из этих групп. как это, к сожалению, делается в ряде специальных исследований для показательства родства картвельских и северокавказских языков 26. а путем последовательного структурного сравнения и сопоставления между собой реконструированных систем этих трех языковых групп кавказских языков — картвельской, абхазско-адыгской и нахско-дагестанской с целью выявления возможных фонемных корреспонденций между их праязыковыми состояниями. Следовательно, прежде чем выдвигать теорию о генетических связях между всеми тремя группами «иберийскокавказских языков», представляется необходимым провести сравнительноисторический анализ и реконструкцию общеабхазско-адыгской и общенахско-дагестанской языковых систем (как это сделано в последнее время отношении общекартвельской системы) с целью их последующего системного сопоставления на всех уровнях языковой структуры. Эта программа лингвистических исследований в области кавказских языков. намеченная еще Н. С. Трубецким, к сожалению, все еще не выполнена 27.

Окончательное решение важной проблемы отношений между отдельными группами кавказских языков зависит в значительной степени от разработки сравнительной грамматики абхазско-адыгских и нахскодатестанских языков и реконструкции их праязыковых состояний 28. При этом сравнительный анализ и реконструкция праязыковых состояний каждой из трех групп кавказских языков должны проводиться при строгом соблюдении принципа автономности этих групп, с учетом внутренних закономерностей их развития и без ориентации исследования истории одной языковой группы на показания другой и наоборот. Иноязычные данные могут быть привлечены при этом лишь со структурнотипологической точки зрения для проверки и верификации предлагаемых реконструкций и языковых построений. В этом заключается одна из неотложных задач сравнительно-генетических штудий в области кавказских языков на современном этапе развития лингвистической науки 29.

Именно в этом направлении было осуществлено нами сравнительногенетическое исследование картвельских языков, установление системы

²⁵ См. об этом: Г. А. Климов, К типологической характеристике картвельских языков, М., 1960 («ХХУ Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации

²⁶ О подобных сопоставлениях см.: G. Deeters, Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen, RK, 23, 1957, стр. 12 и сл.; ср. также «Die

sprachen unter den kaukasischen Sprachen, RK, 23, 1957, стр. 12 и сл.; ср. также «Die Welt des Orients», 3, 1957, стр. 382.

27 См.: BSLP, 23, 1922, стр. 184 и сл.

28 Первая предварительная попытка установления закономерных соотношений между северо-западной и северо-восточной группами кавказских языков была дана Н. С. Т р у бе ц к и м: см. его «Nordkaukasische Wortgleichungen» («Wiener Zeitschrift für die Kundes des Morgenlandes», XXXVII, 1—2, стр. 76 и сл.); е г о ж е, Der Bau der ostkaukasischen Sprachen (aus dem Nachlass des Fürsten N. S. Trubetzkoy:, «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1, 1964, стр. 23 и сл.).

²⁹ Ср.: Г. В. Церетели, указ. соч., стр. 048 и сл.; ср. также: Е. А. Бокарев, Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков, ВЯ, 1954, 3, стр. 41 и сл.; К. Н. S c h m i d t, указ. соч., стр. 10 и сл.

закономерных соотношений на различных уровнях языка с реконструкцией праязыковых структур на фонологическом и морфонологическом уровнях. Основной предпосылкой этой работы было освобождение сравнительно-исторических штудий картвельских языков от предвятой ориентации на показания северокавказских языков, характерной для иберийско-кавказского языкознания в толковании целого ряда узловых вопросов структуры и истории картвельских языков.

В результате возникла картина общекартвельской языковой системы

В результате возвикла картина общекартвельской языковой системы и путей исторического развития отдельных картвельских диалектов, принципиально отличная от представлений о структуре и истории картвельских языков, которые ранее были выработаны в иберийско-кавказском языкознании. Общекартвельская языковая система предстает перед нами как система с вполне сложившимся механизмом морфонологических чередований гласных, определявших принципы ее формообразования и словообразования.

Основная тенденция развития общекартвельского языка и образования исторических картвельских диалектов заключалась в разрушении первичной модели аблаутных чередований гласных и в усилении соответственно функциональной роли аффиксов, благодаря чему картвельская языковая система типологически сближается с языками чисто аглютинативного строя, имеющими постоянный, стабильный характерморфонологической структуры слова. Эта тенденция была в особенности характерна для западно-картвельских диалектов — мегрельского и лазского, в которых полностью была затемнена первоначальная система аблаутных отношений в результате вокализации слоговых сонантов и парадигматической унификации форм.

Иначе трансформировалась общекартвельская морфонологическая система в сванском языке, где благодаря специфическим фонологическим преобразованиям появились новые продуктивные типы функциональных чередований гласных, которые наложились на сохранившиеся в модифицированном виде общекартвельские аблаутные модели. С точки зрения удельного веса аблаутных структур в системах исторических картвельских языков, сванский язык наиболее близок к «символической» общекартвельской языковой модели. Грузинский язык занимает в этом отношении промежуточную позицию между мегрело-лазским и сванским, представляющими как бы противоположные полюсы.

ф. т. жилко

особенности контрастов фонетического уровня В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ (ВОКАЛИЗМ)

 В последнее время отмечаются некоторые сдвиги в эксперименталь ных исследованиях фонетического уровня украинского языка. Опубликован I том академического курса современного украинского литературного языка, где описание артикуляции звуков осуществляется на основе экспериментальных данных 1. В специальной монографии экспериментально исследованы согласные украинского литературного языка 2. Описаны некоторые звуковые особенности современной устной литературной речи ³. Внимание исследователей-экспериментаторов также сосредотачивается на отдельных фонетических элементах и явлениях украинского языка 4. Исследуются параметры фонем украинского литературного языка путем сопоставлений экспериментальных данных с фонемами других языков ⁵.

2. В связи с накоплением значительного экспериментального материала фонетического уровня украинского языка возникает необходимость его интерпретации (в частности, в фонологическом аспекте). В данной статье делается попытка на основе опубликованных экспериментальных данных выяснить некоторые вопросы сущности контрастов вокализма украинского литературного языка (и частично диалектов). Контрасты вокализма (сочетание гласных фонем с согласными) рассматриваются нами в составе морфем и на их границах. Инициальные и финальные контрасты имеют свои специфические особенности, они в данной статье

не затрагиваются.

Перед рассмотрением фактического материала мы выясним некоторые теоретические вопросы о сущности контрастов в синтагматическом плане Прежде всего отметим, что исследование синтагматических явлений. в данном случае — контрастов, необходимо осуществлять, исходя из парадигматического плана, т. е. как бы сквозь призму парадигматических отношений. Как известно, синтагматические явления по своей сущности представляются вариантными, а парадигматические — инвариантными. Исследование синтагматических явлений, исходя из принпипа

1965. ⁴ В. М. Брахнов, До акустичної характеристики північно-українських дифасиміляції в консонантизмі української мови, Київ, 1970.

^{1 «}Сучасна українська мова. Вступ. Фонетика», Київ, 1969.

² Л. І. Прокопова, Приголосні фонеми сучасної української літературної мови, Експериментально-фонетичне дослідження, Київ, 1958.

^{3 «}Закономірності розвитку українського усного літературного мовлення», Київ.

⁵ Т. А. Бровченко, Сопоставительный анализ согласных украинского и английского языков, Одесса, 1955; ее же, Сравнительный анализ гласных украинского и английского языков, «Уч. зап. [1-го Московского пед. ин-та ин. яз.]», VIII. М., 1954; В. Г. Ш а т у х, Порівняльний аналіз формантного складу української та анлійської мов, сб. «Питання експериментальної фонетики», Київ, 1963.

вариантности, всегда должно основываться на принципе инвариантности, т. е. на основе парадигматических сущностей, которые выражаются синтагматическими сущностями. Сочетание фонем, их комбинаторные особенности в известной мере зависимы от их парадигматических свойств ⁶.

3. В свое время Н. С. Трубецкой определил два вида парадигматических отношений фонетического уровня — противоположения: 1) фонологически дистинктивные, которые называются фонологическими оппозициями; 2) фонологически несущественные, не обладающие дистинктивностью первых 7.

Как известно, термами фонологических оппозиции (ФО) являются дифференциальные признаки (ДП), а термами звуковых, не фонологических противоположений - различные синтагматические элементы, зависящие от позиций речевого потока. Парадигматические отношения элементов фонетического уровня, выражаемые посредством ФО, выполняют функцию дифференциальности (различения) и одновременно идентичности (отождествления) элементов фонетической субстанции. Это отношения инвариантности фонетических единиц. Парадигматические отношения, фонологически несущественные, выполняют функцию дифференциальности и идентичности вариантов элементов фонетической субстанпии.

В восприятии языка наряду с парадигматическим планом не меньшее значение имеет синтагматический план. Основным типом отношений элементов языка в синтагматическом плане является связь по смежности (непосредственной или структурной), которая осуществляется посредством контрастов. Природа синтагматических отношений выражается, с одной стороны, фонетической субстанцией, а с другой - позициями. Контраст есть явление фонетической субстанции и одновременно ее позиций. Фонетическая субстанция выражает позицию, а позиция — фонегическую субстанцию. В зависимости от условий синтагматического плана одна из этих двух сущностей контрастов является ведущей. Основой контрастов определенного отрезка синтагматической цепи речевого потока представляется позиционное их единство (морфемы, отдельного слова, отрезка речевого потока).

Отношение элементов контраста осуществляется отрицанием (дифференциацией) сегментов (морфемы, слова, отрезков речевого потока). В зависимости от принадлежности к парадигматическому или синтагматическому плану элементов контраста их отношение является соответственно инвариантным или вариантным. Другими словами, контрасты бывают фонологические (инвариантные) и фонетические (вариантные).

Между элементами контрастов в зависимости от артикуляционных условий речевого потока возникает отношение по смежности (ассимиляция и диссимиляция). Влияние по смежности в своих тенденциях направлено на выравнивание отдельных элементов контрастов. Парадигматические отношения элементов контрастов выражают противоположную тенденцию - сохранение этих элементов, обуславливающих дифференциацию сегментов (морфем и слов). Парадигматические отношения элементов контраста всегда направлены на сохранение контрастного эффекта.

В столкновении этих двух противоположных тенденций осуществляется функционирование элементов и явлений фонетической субстанции.

4. В зависимости от конституционных особенностей контрастов данного языка осуществляется сочетание фонем, которое имеет свои ограни-

⁶ Z. M u l j a č i ć, La combinabilité des phonèmes sur l'axe syntagmatique, dépendelle de leur traits distinctifs?, co. «Phonologie der Gegenwart», Graz — Wien — Köln, 1967. ² Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 38.

чения и запреты. Наиболее резко контрастируют и сочетаются с наименьшими ограничениями (запретами) гласные и согласные.

Контрасты согласных характеризуются тем, что их элементы часто являются термами Φ O. В определенных позициях представляется невозможным сочетание двух согласных фонем в отношении контраста: одна из фонем синтагматически отождествляется с другой (противочленом по Φ O) и таким образом исчезает эффект контраста. Так, например, в современном украинском литературном языке контраст сочетания фонем с ДП звонкость и глухость $d \cdot t$ (буковой d обозначаем ДП звонкость, $t - \Delta$ П глухость, точка символизирует синтагматическое отношение контраста) в позиции перед фонемой с ДП «глухость конца приставки» и перед фонемой с ДП «глухость конца приставки» и перед фонемой с ДП «глухость начала корня» является невозможным. Возникает нейтрализация Φ O, которую можно изобразить следующей формулой:

$$/t/ - /d/ \cdot /t/ \rightarrow (t), (t_1).$$

В этой формуле косые скобки символизируют парадигматическую (фонологическую) активность ДП глухость и звонкость, т. е. инвариантность контрастов в синтагматическом плане; круглые скобки обозначают парадигматическую пассивность ДП глухость в связи с исчезновением ДП звонкость (ДП глухость оказывается без своего противоположного ДП звонкость); t_1 выражает ДП глухость, который возник в сегменте фонемы, где был ДП звонкость; запятая символизирует отсутствие контраста двух сегментов в результате того, что ДП глухость сделался двух-сегментным. Например: [c]n'umu - [s]b'umu, po[c]n'umu - po[s]b'umu, bu[c]n'eu+u'u - bu[c]b'om+u'u и т. д. Изменение контраста сочетаний $[d\cdot t]$ на $[t\cdot t]$ в результате нейгрализации ФО глухость — звонкость особенно характерно для большей части юго-западных говоров украинского языка.

В свое время известный чешский ученый Б. Трика сформулировал положение о контрастном минимуме — закон минимального фонологического контраста в. Согласно этому закону в середине одной морфемы не могут находиться рядом две фонемы — члены коррелятивной пары. Следовательно, в одной морфеме невозможно сочетание двух фонем носителей ФО, т. е. соседство ее ДП. Против этой формулировки закона минимального фонологического контраста выступил Н. С. Трубецкой, который считал, что в пределах одной морфемы должен обнаружиться минимум фонологических различий. По мнению Н. С. Трубецкого, минимальный фонологический контраст выражается в том, что допустимые сочетания фонем должны обнаруживать известный минимум фонологических различий между своими членами, причем такой минимум для каждого языка оказывается неодинаковым 9. С этим положением нельзя не согласиться. Исследование особенностей контрастов сочетаемости фонем в каждом языке должно исходить из определенного минимума контрастности данного языка.

5. Гласные фонемы в отношении контраста в границах морфем по сравнению с сочетаниями согласных в незаимствованных словах украинского языка сочетаются с согласными по формуле $C \cdot V$ или $V \cdot C$. Только на границах морфем обнаруживаются в исконных, незаимствованных словах контрасты сочетания $V \cdot V^{10}$.

Контраст сочетаний гласных и согласных зависит от влияния по смежности — ассимиляции (аккомодации) и диссимиляции гласных на со-

B. Trnka, General laws of phonemic combinations, TCLP, 6, 1936, crp. 57-58.

⁹ Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 277. 10 См.: В. С. Перебийн с. Кількісні та якісні характеристики системи фонем сучасної української літературної мови, Київ, 1970, стр. 87—96.

гласные (и согласных на гласные), а также от влияния гласных других слогов данной структуры (слова).

В зависимости от изменений контрастов сочетаний фонем в слове, обусловленных его позиционной структурой, конструируется его фонетический (звуковой) стереотип в каждом языке (и диалекте). Особенности выражения фонем (их конкретные синтагматические свойства в сегментах) зависят от контрастов сочетаний фонем в слове, которые обусловлены его позиционной структурой. В украинском литературном языке в контрастах сочетаний фонем $C \cdot V$ и $V \cdot C$ отмечается некоторое ассимилятивное влияние (аккомодация) согласных на гласные и гласных на согласные. изменяющее синтагматические параметры контрастов. Например, в сочетаниях $C' \cdot V / a / , / o / , / y / и особенно <math>C' \cdot V / a / , / o / , / y / \cdot C' , \tau. e.$ гласных заднего ряда в позиции после мягких согласных или между мягкими согласными возникает более передняя артикуляция данных гласных 11, что значительно изменяет их синтагматический контраст. Тем не менее их парадигматический (фонологический) контраст остается неизменным. Изменениям подвергаются только вариантные отношения контраста. Иное дело в диалектах украинского языка. Как известно, в части юговападных говоров под влиянием аккомодации мягких согласных на [а] ввуковое поле фонемы /а/ настолько изменяется, что возникают новые ДП, характерные для гласных переднего ряда, т. е. изменяются сочетания ДП в сегменте /a/; таким образом появляются фонемы /e/, /u/, /i/12, а значит изменяются парадигматические контрасты сочетаний $C' \cdot V$ /а/. Подобные изменения парадигматических контрастов, независимо от позиции ударения, отмечаются в поднестровском, посанском, гуцульском, буковинском говорах, а в зависимости от ударения — в волынско-полесском и волынско-побужском говорах. Например. ш'епка, ш**'ипка**, ш'іпка «шапка», гор'ечий, гор'ичий, гор'ічий «горячий», памн' ет', памн'ит', памн'іт' «память» и т. д.

6. На парадигматические контрасты сочетаний гласных и согласных фонем влияют синтагматические модификации и изменения гласных среднего подъема (в неударяемых положениях) в зависимости от позиционной структуры слов. По данным экспериментальных исследований, произведеных к вышеупомянутому академическому курсу современного украинского литературного языка, звук [о] имеет тенденцию к сближению со звуком [у] в неударных позициях, приобретая более закрытый тип артикуляций и более выраженное сродство относительно положения спинки языка 13. Тем не менее фонологическая оппозиция этими изменениями не нарушается.

В части юго-западных говоров отмечается ареальная нейтрализация Φ О в неударных позициях, которую можно изобразить следующей формиулой: / о / — / у/ — (у), (у). Например: ∂ [у] $\delta \hat{u}$ — ∂ [о] $\delta \hat{u}$ «сутон» \rightarrow ∂ [у] $\delta \hat{u}$, ∂ [у] $\delta \hat{u}$; ∂ [у] $\delta \hat{u}$; ∂ [у] $\delta \hat{u}$, ∂ [у

 $\kappa[y]$ ро́ва, $m\acute{u}x[y]$ «тихо» и т. д.

В результате междиалектных контактов происходит особое изменение парадигматических контрастов сочетаний $C \cdot V / y /$ или $V / y / \cdot C$ на сочетания $C \cdot V / o /$ или $V / o / \cdot C$. Таким образом, столкновение системы вокализма, характеризуемой нейтрализацией $\Phi O / o / - / y / - y / y$, (y) и изменением контрастов сочетаний $C \cdot V / o / v$ или $V / o / \cdot C$ на сочетаний $C \cdot V / o / v$ или $V / o / \cdot C$ на сочетаний $C \cdot V / o / v$ или V / o / v содной стороны, с системой вокализма без упомянутой ней-

^{11 «}Сучасна українська літературна мова», стр. 86.

¹² А. М. Залеський, Континуанти праслов'янських с та а (після м'яких приголосних) у говорах української мови, «Молознавство», 1970, 3.
¹³ «Сучасна українська літературна мова», стр. 116.

По данным рукописного Атласа украинского языка (АУМ) ¹⁴, нейтрализация данной ФО во всех неударных позициях отмечается в ареалах говоров Посанья, на юго-западе Подпестровья, между Львовом, Сокалем, Золочевым и Бродами, а также в районе Новоград-Волынского (Жито-мирской обл.), в междуречьи р. Стира и Западного Буга. Ареальная повиционная нейтрализация данной ФО в предударных слогах распространена в говорах между Владимир-Волынским и Ковелем, на восточной окраине поднестровского диалекта, в говорах верховья р. Стрипы (Тернопольская обл.).

Особенно выражена ареальная позиционная нейтрализация в неударяемых слогах в положении перед слогами с фонемами высокого подъема / y /, / i/, т. е. в зависимости от вокальной аккомодации. Ареал этого вида нейтрализации данной Φ О доходит до юго-восточных говоров, в некоторых местах захватывая их территорию.

У носителей субдиалектной нейтрализации $\Phi O / o / - / y / \rightarrow (y_1)$, (у), владеющих литературной речью, отмечается некоторое синтагматическое изменение контраста сочетаний согласных с фонемой /o/. Это явление выражается в приближении параметров звука [o] к звуку [y]. Таким образом, меняются параметры вариантного контраста данной фонемы с соседними фонемами. Инвариантность контраста остается неизменной.

Подобные изменения синтагматических элементов контрастов сочетаний с фонемой / о / можно изобразить следующей формулой

$$\frac{\sqrt{Ol - lyl}}{\left[\frac{y}{O} \dots \frac{O}{y}\right]} - [y]$$

В этой формуле верхний ряд обозначает парадигматический план, выражаемый инвариантными контрастами. Нижний ряд символизирует синтагматический план, выражаемый вариантными контрастами. Квадратные скобки обозначают синтагматическое выражение фонем — носителей ФО.

Данный тип произношения в виде так называемого умеренного уканья, т. е. произношение звука [о] в различной степени приближения к звуку [у], отмечаемый у тех носителей литературной речи, которые происходят из ареалов описанной выше нейтрализации, нельзя признать даже факультативным для современного украинского литературного языка. Поэтому представляется неправильным следующее положение в выше-упоминаемом академическом курсе современного украинского языка: «Литературное произношение, как и произношение юго-восточных говоров, лежащих в его основе, знает только так называемое умеренное уканье и то только в ослабленной форме (влияние графики), т. е. только в позициях перед ударными или побочно-ударными слогами с [у] и реже [i],

¹⁴ Составление I тома Атласа украинского языка (Институт языкознания АН УССР) окончено в 1963 г.; II тома (Институт общественных наук АН во Львове) — в 1969 г.; работа над III (последним) томом близится к концу (в Институте языкознания АН УССР).

таким образом, только в рамках вокальной гармонии» 15. Данные картографирования к I и III томам АУМ свидетельствуют об отсутствии умеренного уканья в тех юго-восточных говорах, которые легли в основу современного украинского литературного языка. Умеренное уканье в рамках ассимиляции гласных изредка отмечается в новосформированных западностепных говорах (к западу междуречья Южного Буга и Ингула), а также в крайней западной полосе среднеподнепровского диалекта (собственно в говорах, подвергшихся влиянию юго-западной диалектной общности). Спорадически в отдельных мозаических ареалах этот тип произношения встречается на востоке среднеподнепровского диалекта и отчасти в слобожанском диалекте. Эти редкие мозаические вкрапления умеренного уканья обусловлены переселенческими потоками с территории юго-западных говоров на восток Украины.

7. Изменение контрастов сочетаний согласных с фонемой /e/ в неударных позициях в современном литературном языке и в южных говорах (за исключением части карпатских) обусловлено нейтрализацией фонологической оппозиции, которую можно изобразить следующей формулой:

$$/ e / - / m / \rightarrow (m_1), (m).$$

В неударных позициях (за исключением конечных открытых слогов) звук [е] при нейтрализации ФО подвергается синтагматическим изменениям, ведущим к отождествлению звукового поля фонемы /е/ с фонемой /и/. В результате этих изменений фонема / е / теряет свои ДП, которыми она различается с фонемой /и/. В сегменте /е/ в результате синтагматических изменений выявляются ДП фонемы /и/, происходит синтагматическое (позиционное) отождествление фонемы /е/с фонемой /и/. В результате изменяется парадигматический контраст: вместо сочетания фонемы /е/с отмечаются сочетания фонемы /и/с согласными.

В условиях нейтрализации ФО позиция фонемы оказывается фонологически ведущей, так как именно позиция обеспечивает сохранение статуса позиционной и фонетической структуры слова в различных его формах. Приведем некоторые примеры: $s[\epsilon]cuno - s[i]cono - s[u]cenuŭ$, s[u]cenuŭ, s[u]cenuŭ, s[u]cenuŭ, s[u]cenuŭ, s[u]cenuŭ, s[u]nenuŭ, s[u]nenuu, s[u]nenuu, s[u]nenuu, s[u]nenuu, s[u]nenuu,

В конечных открытых неударных слогах в литературном языке и в большинстве южных говоров (за исключением части юго-западных) отсутствует нейтрализация фонологической оппозиции /e/-/и/. В этой позиции класс неударных гласных фонем ведет себя как класс ударных. Эта особенность выполняет функцию сигнала конца слова. Приведем некоторые примеры: $z\delta p[e] - z\delta p[u]$, но $z\delta zop[u]uu\ddot{u}$, $n\delta x[e] - n\delta x[u]$ ($z\delta xonox[u]uu\ddot{u}$), $z\delta xonox[u]u\ddot{u}$ ($z\delta xonox[u]uu\ddot{u}$) и т. п.

В современном литературном языке отмечается также и другой тип произношения у носителей, имеющих субдиалектную основу северных говоров. Как известно, в северных говорах гласный [е] в неударных слотах не подвергается синтагматическим изменениям, ведущим к нейтрализации фонологической оппозиции /e/-/n. В северных говорах данная ФО функционирует без синтагматических изменений фонемы /e/ (за исключением части вольнеко-полесского и побужско-полесского говоров). Под влиянием преимущественно северной субдиалектной основы у части носителей современного украинского литературного языка фонологическая оппозиция /e/-/n/ и/ отмечается с различными синтагматическими

^{15 «}Сучасна українтька літературна мова», стр. 385.

изменениями, которые можно изобразить следующей формулой:

$$\frac{/e/-/n/}{\left[\frac{e}{n}\dots\frac{n}{e}\right]-[n]}$$

Например: $s[\overset{u}{e}] c \mu \dot{a} (s[\overset{u}{u}] c \mu \dot{a}) - s[u] u u u \mu \dot{a};$ $zp[\overset{u}{e}] \delta \dot{e} - zp[u] \delta \dot{u};$ $zp[\overset{u}{u}] \delta \dot{e} - zp[u] \delta \dot{u},$ $zp[\overset{u}{u}] b \dot{u},$ zpч [u] mámu и т. д.

Сущность синтагматических изменений фонем — носителей ФО /е/ -/и/ исследована экспериментально, данные экспериментов приведены в упомянутом выше академическом курсе современного украинского литературного языка. В неударных слогах, как свидетельствуют экспериментальные данные ¹⁵, спинка языка приподнимается немного вверх и продвигается вперед, в некоторой степени приближаясь к положению, характерному для артикуляции авука [и]. Рентгенографические данные в основном подтверждают указанные изменения артикуляции [е] в не-

ударных слогах 17.

Первый тип произношения с нейтрализацией в неударной позиции фонологической оппозиции /e/ — / и / \rightarrow (и), (и) является господствующим в диалектной основе современного украинского литературного языка. По данным АУМ ареал нейтрализации указанной фонологической оппозиции охватывает все южные говоры (за исключением той части карпатских, где наблюдается вокальная ассимиляция). В орфоэпии большинства современных литературных языков отмечается тенденция к суживанию их основы к единой системе (структуре) говора определенного центра или ареальной части языка (территориального говора). Для современного украинского литературного языка такой основой являются центральные говоры среднеподнепровского диалекта. Именно поэтому тип произношения с нейтрализацией фонологической оппозиции /е/ — / и / в неударных позициях является главным. Второй тип произношения в своей основе представляется субдиалектным, характерным для части городского населения, происходящего из ареалов северных говоров (г. Киев, как известно, находится на территории северных говоров).

Контрасты сочетаний гласной /е/ с согласными в позиции нейтрализации подвержены различным процессам ассимиляции в зависимости от звуковой структуры слов. Так, артикуляция звука [и], возникшего в результате нейтрализации фонологической оппозиции / е/ — / и/ в позиции звука [е], после / ј / приближается к артикуляции [і] или же совсем сливается с ним. В результате нейтрализация ФО / е / — / и / подвержена дополнительным ассимилятивным процессам, превращающим ее в оппозицию / i / — / и /. Подобные изменения при нейтрализации данной ФО ведут к возникновению новой $\Phi O / i / - / n /$, их можно изобразить в виде следующей формулы: $/j//e/-/\pi/\to/j/\cdot(n_1)\to (i)\to/i/-/\pi/$. Например: $s\acute{a}j[i]u'$, $sp\acute{a}j[i]u':a$, $sh\acute{a}j[i]u$ и т. д.

В части южных говоров ассимиляция гласных обуславливает измерение контраста сочетания согласных с фонемой, возникшей в результате нейтрализации $\Phi O / e / - / u / \rightarrow (u_1)$, (и) в позиции перед слогом, имеющим фонему / і /. Например: s[i]c'ia':a, a[i]m'imu, n[i]p'icmuu, s[i]a[i]h'imu, nimn[i]p'isáц':а и т. д.

¹⁶ Там же, стр. 118—119.

¹⁷ Там же, стр. 119.

8. Уже отмечалось выше, что в части карпатских говоров отсутствует нейтрализация $\Phi O \ / e \ / \ / \ u \ / o \ / \ / \ y \ /$. Отсутствие нейтрализации данных ΦO объясняется особым синтагматическим изменением звуков [e], [o], которые вызываются вокальной аккомодацией. Звуки [e], [o] в границах отдельного слова подвергаются сужению, являются более закрытыми и более напряженными в положении перед слогами с гласными высокого подъема / i /, / y /, с мягкими согласными или /j/, а также перед закрытыми [ê], [ô]. Например: $\partial e u'$, $\partial m^2 u'$, $\partial e^2 e^2 i$, $m^2 n^2 e^2 v'$, $v^2 e^2 v'$, $v^2 e^2 e^2 v'$, $v^2 e^2$

В части карпатских говоров синтагматический контраст сочетаний гласных /е/, /о/ в позиции ассимиляции гласных и согласных значительно отличается от контрастов в других диалектах и современном литературном языке. В связи с тем, что звуки / ê/, /ô/ являются более закрытыми и более напряженными, они произносятся сравнительно четко в неударных позициях 18 . Это обстоятельство следует считать главной причиной отсутствия нейтрализации Φ O / e/ — /и/, /о/ — /у/ в тех карпатских говорах, где отмечается ассимиляция гласных. В результате наличия подобных синтагматических контрастов возникает особый стереотип фонетической структуры слова.

9. Мы коснулись только некоторых важнейших особенностей контрастов вокализма (сочетаний гласных и согласных) в украинском языке. Эти контрасты подвержены некоторым, иногда мало заметным влияниям (ассимиляции, или аккомодации) отдельных согласных на гласные (в плане синтагматических изменений). Только в части юго-западных говоров отмечается весьма сильное ассимилятивное влияние мягких согласных на гласную [а], которая приближается по своей артинуляции к гласным переднего ряда или совсем с ними отождествляется. В результате отмечаются резкие изменения парадигматических контрастов, т. е. появляются новые сочетания гласных переднего ряда в сегменте / а / с согласными.

Изменения контрастов в сочетаниях гласных с согласными зависят главным образом от нейтрализации фонологических оппозиций вокализма в неударных слогах. В результате нейтрализации ФО / е / — / и / изменяется паралигматический контраст сочетаний фонемы / е / с согласными.

¹⁸ Н. І. То ць ка, Ненаголошені алофони голосних фонем української літературної мови, «Мовознавство», 1970, 5, стр. 27.

T. B. HA3APOBA

К ПРОБЛЕМЕ УКРАИНСКОГО ИКАВИЗМА

В изучении украинского икавизма ¹, имеющем давнюю традицию ², наметилось, в основном, три аспекта: 1) моделирование условий исходной качественной трансформации *o, *e в новых закрытых слогах *CoCъ, *CoCъ, *CoCъ, *CoCъ (далее — o, е либо eC, eC') в связи с заместительным удлинением; 2) выяснение физиолого-акустической природы, позиционного и ареального распределения отличных от [i] рефлексов b, o, e, в особенности — северноукраинских дифтонгов, рассматриваемых в качестве древнейшей из зафиксированных стадий икавизма; 3) установление возможных цепей фонетических преобразований в развитии нового [i] из исходных гласных в различных украинских диалектных группах.

Распространение дифтонгов из \hat{b} , o, e лишь в северных говорах и письменная традиция способствовали тому, что построение младших звеньев развития икавизма часто сводилось к альтернативе: либо поступирование дифтонгической стадии как обязательной для всех украинских говоров, либо локализация исторического ареала дифтонгов приблизительно в соответствии с современными изоглоссами и реконструкция икавизма для южных говоров через стадии различных монофтонгов. В обоих случаях становление икавизма рассматривалось как процесс фонетических изменений, определяемых на основе диалектного материала, как правило, без учета парадигматических отношений в локальных системах.

В обобщенном виде цепь фонетических преобразований дифтонгов, намеченная еще А. А. Потебней, К. П. Михальчуком, П. И. Житецким, А. И. Соболевским, была разработана А. А. Шахматовым, который предполагал путь органического перехода o>i как $\widehat{yo}-\widehat{ye}-\widehat{yu}-\widehat{yl}-\widehat{yl}-\widehat{yl}$ пля всех украинских говоров с хронологической неравномерностью отдельных этапов этого процесса в различных частях украинской диалектной территории 3 ; впоследствии им были учтены различные фонетические возможности монофтонгизации дифтонгов 4 . Схема становления икавизма была существенно уточнена В. М. Ганцовым 5 , в частности,

¹ Термином «икавизм» обозначаем характерное для украинского вокализма возникновение нового [i] из $\hat{\sigma}$, а также из *o, *e в новых закрытых слогах $(m^{(\cdot)})$ ik, $e^{(\cdot)}$ $ia^{(\cdot)}$, $\hat{\sigma}^{(\cdot)}$ iu, $m^{(\cdot)}$ iu, $\hat{\sigma}^{(\cdot)}$ ia, $m^{(\cdot)}$ iu, $m^{$

³ Раннюю библиографию см.: І. Г а л ю н, Як досліджувано українські дифтонги, «Зап. іст.-філол. від. [УАН]», кн. ІХ, Київ, 1926; кн. Х, ХІІ, Київ, 1927.

³ См.: А. А. III ахматов, Курс истории русского языка, ч. II, 2-ое литогр. изд., СПб., 1911—1912, стр. 238.

⁴ См.: О. Щ ахматов, А. Кримський, Нарисизісторії української мови та хрестоматія з пам'мятників письменської староукраїнщини XI—XVIII вв., Київ, 1922, стр. 69—70.

⁵ См.: В. Ганцов, Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку, «Зап. іст.-філол. від. УАН», кн. ІІ—ІІІ, 1923.

весьма важным было включение в качестве отдельных стадий развития ϕ передне- и среднерядных $\hat{y}\hat{o}$, $\hat{y}\hat{o}$, теоретически базировавшееся на артикуляционно-акустической характеристике дифтонгов как гласных, «на всем своем протяжении являющихся звуками одного ряда» 6. Схема В. М. Ганцова предусматривает единство дифтонгических стадий икавизма на всем украинском языковом ареале с ограничением их ударными позипиями пля северных говоров в связи с квантитативно-акцентологическими различиями старшего периода — разновременной утратой долгот в северной и южной диалектных группах. Эта точка зрения актуальна и в настоящее время.

Противоположное мнение, отрицающее дифтонгичность как икавизма в южных говорах, возводит i к монофтонгам $y, \ddot{y}, u << 0$). Наиболее четко эта концепция, находящая определенную аналогию в польском $\delta>u$ и поддерживаемая письменной традицией, была сформулирована Т. Лер-Сплавинским в его рецензии на статью И. Зелинского «Проба упорядкування українських говорів» 7, хотя подобные предположения высказывали и ранее (например, Я. Головацкий, П. Лавровский, В. Богородицкий, В. Шимановский) 8. Этот же тезис лежит в основе концепции О. Курило, допускавшей вокально-ассимилятивное сужение южноукраинских о. е перед слогами с ъ, ь еще до падения редуцированных и в связи с этим дальнейшую качественную трансформацию o, e после падения b, b.

Отрицая тезис О. Курило об отсутствии генетической связи между северо- и южноукраинскими рефлексами о, е, З. Штибер принимает в качестве исходных закрытые долгие монофтонги, дифтонгизировавшиеся в северных говорах под действием ударения, а в южных развившиеся в i через стадию \ddot{y}^{10} .

В современной украинистике 11 преобладает точка зрения, предусматривающая развитие качественных изменений о, е (включая и дифтонгические стадии) как обусловленный заместительной долготой процесс, единый для всего украинского ареала, хотя и неравномерно протекающий

10 Zd. Stieber, L'allongement compensatoire dans l'ukrainien et le haut sorbe,

⁶ В. Ганцов, указ. соч., стр. 123.

 ⁶ В. Ганцов, указ. соч. стр. 123.
 ⁷ «Всослік зґамізічуслу», VIII, 1918, стр. 211—213.
 ⁸ См. также: Н. Дурново, Кукраїнской диалектологии, «Slavia», IV, 1—2, 1925—1926, стр. 158; І. Панькевич, Уваги до вияслення процесу ікавізму в українських південнокарпатських говорах, Прага, 1942; W. К uraszkiewicz, Zarys dialektologii wschodniosłowiańskiej, Warszawa, 1963, стр. 36—37.
 ⁹ См.: О. Курни, о. Спроба поясинти процес зміни о, ев нових закритих складах у південній групі українських діалектів, Клів, 1928; е е же, Les voyelles e et e en ukrainien et leur transformation dans les syllabes fermées nouvelles, REsl, XII, 1932.
 ¹⁹ ⁷ Csticher, Vallorgement comparactorize dans l'ukrainien et le heat sephene.

[«]То honor Roman Jakobson», III, The Hague — Paris, 1967, стр. 1936. видання друге — Roman Jakobson», III, The Hague — Paris, 1967, стр. 1936. видання друге, Київ, 1966, стр. 48; И. О. Дзен дзе лізської мови, видання друге, Київ, 1966, стр. 48; И. О. Дзен дзе лізський й. Конспект лекцій з курсу української діалектології, ч. І, Ужгород, 1965, стр. 18. Свидетельством единства фонетических преобразований для всех украйнских говоров в настоящее время признаны следующие факты: 1) данные отдельных южных памятников, графически выделяющих рефлексы б либо о, е (см. папример: W. K u r a s z k i e w i c z, Gramoty halickowolyńskie XIV—XV wieku, «Byzantinoslavica», IV, 2, 1932, стр. 354—355; Л. Д э ж е, Очерки по встории закарпатских говоров, Будапешт, 1967, стр. 106—107); 2) сопоставление фактов современных дифтонтических говоров с их отраженем в местных письменных памятниках (см.: Ф. Т. Ж и л к о, Дифтонги в чернігівських говорах, «Діалектологічний бюлегень», VI, Київ, 1956, стр. 74); 3) слабие с следы лагобиализованной либо неоднородной артикуляции рефлексов в некоторых архаических южимх говорах (см., например: J. I а n ó w, Ważniejsze cechy gwar huculsko-pokuckich a teorie o Bołochowcach, Warszawa, 1938, стр. 5; М. II ш е п ю р с в к а, Надсянский говір, Warszawa, 1938, стр. 5; М. II ш е п ю р с в к а, Надсянский говір, Warszawa, 1938, стр. 5; М. II ш е п ю р с в к а, Надсянский говір, Warszawa, 1938, стр. 17; М. II а в л ю к, I. Р о б ч у к, Рефлекси давнік о, е в нових закритих складах в українських говірках Румунії, «Праці XIII Республіканської діалектологічної наради», Київ, 1970, стр. 166—170). тических преобразований для всех украинских говоров в настоящее время признаны

в различных его частях 12 . Однако последовательность преобразований, непосредственно предшествовавших возникновению нового i, не может считаться выясненной на всех ее этапах.

Рассматривая совокупность современных диалектных рефлексов в, о, е как развернутую ареальную проекцию диахронических изменений, которая с определенными коррективами может отображать их цепь полностью или частично, естественно обратиться прежде всего к реконструкции младших звеньев этой цепи, хронологически наиболее приближенных к современному состоянию. В связи с этим необходимо ввести некоторые ограничения.

- 1. В качестве исходной принимается система вокализма, различающая фонемы \hat{e} , \hat{o} с ДП для \hat{e} верхнесредний подъем, для \hat{o} верхнесредний подъем, лабиализованность. Генетическую основу \hat{e} , \hat{o} составляют: для \hat{e} \hat{e} и eС', для \hat{o} o и eС под заместительной долготой 13 . Оппозиция \hat{e} \sim \hat{o} рассматривается как исходная модель икавизма.
- 2. Для преобразований \hat{e} , \hat{o} постулируются отличия их распределения в северной и южной украинских диалектных группах в связи с исторически различными просодическими моделями в этих говорах 14 ; нейтрализация $\hat{e} \sim e \rightarrow e$ и $\hat{o} \sim o \rightarrow o$ в безударной позиции для северных говоров (кроме специфически развившихся западных их окраин) и сохранение соответствующих оппозиций независимо от ударения в южных говорах 15
- 3. Комбинаторные варианты \hat{e} , \hat{o} не учитываются. В монофтонгизации дифтонгов различается парадигматический и синтагматический планы с преимущественным вниманием к парадигматическим фактам; синтагматические изменения дифтонгов, включая и их монофтонгизацию в определенных позициях или темпах речи, известную в дифтонгических гово-

 $^{^{12}}$ Впрочем дискуссионность этого вопроса окончательно не снята; возможность $o>y>\bar{y}>i$ для южноукраинских говоров поддержал недавно А. Н. Савчепко (О. Н. Са в ч е н к о, Процес эміни o,eв закритих складах у діалектах української мови, «XIII Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей. Київ, квітепь 1969 р. [АН УРСР]», Київ, 1969, стр. 34—36).

квітень 1969 р. [АН УРСР]», Київ, 1969, стр. 34—36). 13 Общая судьба $\mathbf k$ и $e\mathrm{C}'$ подтверждается историко-диалектологическими данными (новый $\mathbf k$) и ареальным совпадением рефлексов этих гласных в украинских говорах

⁽южный тип — c'ino, oc'in'n'iŭ, северный — c'ieno, $oc'in'n'i\ddot{u}$). Это свидетельствует о том, что в период трапсформации eC' еще не было перехода b > l. Совпадение рефлексов o n eC имеет лексические ограничения, сокращающиеся в части кого-западных говоров и на северо-западных окраинах ареала; в остальных случаях совпадение так-

же подтверждается лингвогеографически (m'ik «ток», m'imка «тетка»— myoк, m'yomкa). Отмеченные в некоторых говорах карпатской зоны расхождения на младишх промежуточных стадиях икавизма могут отражать позднейшие лексикализации и морфологизации; определенную роль играет и междиалектнаи (межыязыковая) интерференция, например, n'ye «нес»— nic, ныс «нос» и т. п., см.: І. ІІ а н ь к е в и ч. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей, ч. І, Прага, 1938, стр. 51—53, 91—94, карта № 1; М. ІІ ше п ю р с ь к а, указ. соч. стр. 16; І. В е р х р а т с ь к и й, Про говір долівський, ЗНТШ, ХХХУ, Львів, 1900, стр. 16.

¹⁴ Из последних работ об этом см.: А. М. Залеський, З історії українського вокалізму, «Мовознавство», 1968, 5, стр. 27—28.

¹⁶ Формирование этих отношений, как и условий исходной трансформации ∂, ê, в данном случае остается вне избранных хронологических рамок; различные точки зрения по этому вопросу, кроме указанных выше общих работ, см. также: W. K u гаsz k i e w i c z, Przyczynek do iloczasu małoruskiego, «Lud słowiański», III, 1, Kraków, 1933; Л. А. Б у л а х о в с ъ к и й, Східнослов'янські мови як джерело вілбудування спільнослов'янської акцентологічної системи, «Мовознаавство», IV—V, Київ, 1947; Ф. Т. Ж и л к о, Возникновение дифтонгов в украинском языке, сб. «Вопросы теории и истории языка», [Л.], 1963; Ф. П. Ф и л и н, К истории исконных о и е в новых закрытых слогах, «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», 341 — Вопросы филологии, 1969.

рах, здесь не рассматриваем, хотя подразумевается, что парадигматическая монофтонгизация дифтонгов подготовлена их синтагматическими изменениями 16.

С фонетической точки зрения реализации исходной модели, отраженные в современных диалектах ¹⁷, составляют шкалу, охватывающую абсолютное большинство известных суммарному украинскому вокализму гласных (и их вариантов) в пределах высших (до среднего 18) подъемов. Для ê шкала ограничивается высшими подъемами нелабиализованной серии 19: [ie] (с вариантами, определяемыми как нисходящие, восходящие, исчезающие дифтонги; они свойственны всем отмеченным далее дифтонгам), [ne], [e(i)], [e(u)], [u], [u], [u(i)], [i] с ограничением для [i], [ie], [e(i)]позициями после мягких согласных, для остальных звуков, кроме [ы] — позициями после твердых согласных. Для о шкала охватывает гласные высших подъемов обеих серий: $[\widehat{yo}]$, $[\widehat{o(y)}]$, $[\widehat{yo}]$, $[\widehat{yo}]$, $[\widehat{yo}]$, $[\hat{ye}], [\hat{yn}], [\hat{yu}], [\hat{yi}], [\hat{ne}], [\hat{u}(\hat{e})], [y], [\hat{y}], [e], [u], [u(\hat{i})], [u], [u], [i]$ с ограничением для [ue], [u], [u(i)], [u], [e], [ы] позициями после тверлых согласных.

Ареальное распределение указанных гласных вычленяет 1) говоры с икавизмом ([i] $<\hat{e}$, \hat{o}) — преимущественно южная диалектная группа, изолированный ареал в Брестской области БССР и в соседнем Волынском Полесье; 2) говоры с отсутствием икавизма — северный дифтонгический массив и Побужское Полесье: 3) говоры с ограниченным икавизмом ([i] $<\hat{e}$ — не [i] $<\hat{o}$) — районы, смежные с дифтонгическим массивом, включая Брестщину и Волынское Полесье; большинство говоров карпатской зоны. Для всех групп существенны следующие ограничения: 1) [i]($\langle \hat{o} \rangle$) невозможно при не [i] ($\langle \hat{e} \rangle$); 2) [i] ($\langle \hat{e} \rangle$) невозможно при [$\langle \hat{v} \rangle$], $[\mathring{y}\mathring{o}]$, $[\mathring{y}\mathring{o}]$ ($<\delta$), но возможно при $[\widehat{y}\widehat{u}]$, $[\widehat{y}\widehat{i}]$, $[\widehat{n}\widehat{e}]$ ($<\delta$) и единственно возможно при $[y]^{20}$, $[\ddot{y}]$, [u], $[u]^{21}$, [u], причем в паре [i]—[u] ([u], [u]) в сферу [i] втянуты и рефлексы eС; 3) $[\widehat{yo}]$, $[\widehat{yo}]$, $[\widehat{yo}]$ ($<\delta$) возможно

17 Кроме опубликованных данных, использованы материалы подготовленного

к печати Атласа украинского языка и личные наблюдения.

¹⁶ Синтагматическое варьирование дифтонгов в особенности заметно в контактных (с недифтонгическими ареалами) районах, где оно обуславливает большое разнообразие рефлексов, в том числе и монофтонгических (см.: Т. В. Назарова, Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров, сб. «Полесье», М., 1968, стр. 78 и сл.; Г. Ф. Ш и л о, Поліські дифтонги і монофтонги в історичному та лінгвогеографічному висвітленні, «Праці XIII Республіканської діалектологічної наради», стр. 63 и сл.).

 $^{^{18}}$ Гласные среднего подъема [e], [o] в позициях, соответствующих $\hat{e},\,\hat{o}$ отмечены лишь на границах украинского языкового ареала в зонах контактов с южновеликорусскими, белорусскими (не развившими \hat{e} , \hat{o}) и частично со словацкими говорами (см.: I. Панькевич, Українські говори Підкарпатської Русі, ..., стр. 92). Неорганические [е], [о] не рассматриваются.

¹⁹ Если не считать единичных лексикализаций типа $\partial' \ddot{y} \ddot{v} \ddot{y} \kappa a$, $x \lambda' \ddot{y} \ddot{o} \ddot{y}$.

 $^{^{20}}$ Модель [i] — [y] включает лексикализованные либо морфологизованные параллелизмы [i]/[y] < еС в некоторых говорах карпатской зоны. 21 Исключение составляет [ы] < 6, еС' — [ы] / [i] < еС — [ы] < 0 на западных окраинах лемковских говоров (см.: 1. З і л и н є ь к и й, Лемківська говірка села Явірок, «Lud słowiański», III, 2, Kraków, 1934, стр. А 188, А 195; В. П. Латта, Словацько-українська мовна межа, «Діадектологічний бюлетень», ІХ, Київ, 1962, стр. 19-20).

лишь при $\widehat{[ie]}$ ($<\hat{e}$) 22 ; 4) синтагматические реализации $\widehat{[ie]}$ и $\widehat{[yo]}$, $\widehat{[e(i)]}$ и $\widehat{[o(y)]}$, как правило, синхронны.

Из этого следует, что 1) модель $[\hat{i}\hat{e}] - [\hat{y}\hat{o}]$ ($[\hat{e},\hat{e}] - [\hat{o},\hat{v}]$) по ряду и подъему наиболее соответствует исходной; 2) диалектные преобразования этой модели отражают повышение подъема для нелабиализованных гласных, повышение подъема, сдвиг ряда и делабиализацию — для лабиализованных гласных; 3) лингвогеографические данные подтверждают структурную взаимосвязь в смещениях подъема обеих серий и не отрицают возможности сдвига ряда для лабиализованных фонем в пределах исходного подъема; 4) возникновение [i] ((\hat{e},\hat{e})) предшествует возникновению [i] ((\hat{e},\hat{e})), что может свидетельствовать о более раннем сдвиге подъема реализаторов \hat{e} как об импульсе для соответствующего смещения в лабиализованной серии, и учитывает разность фонологических дистанций для \hat{e} , \hat{e} ; 5) диалектное разнообразие рефлексов \hat{e} допускает возможность нескольких путей преобразований этой фонемы; 6) наиболее ценен для реконструкции ранних стадий икавизма материал северных говоров, сохраняющих рефлексы \hat{e} , \hat{e} в верхнесреднем подъеме.

В конкретных системах среди указанных гласных выделяются единицы, преимущественно сохраняющие фонематическую самостоятельность,— дифтонги, узкие напряженные $\begin{bmatrix} y & 0 \\ 0 & 0 \end{bmatrix}$, $\begin{bmatrix} i & (i) \end{bmatrix}$, также $\begin{bmatrix} \ddot{y} \end{bmatrix}$, $\begin{bmatrix} i \end{bmatrix}$

Рассматривая икавизм как крайнюю возможность эдиминации верхнесреднего подъема в пользу верхнего, осложненную нейтрализацией противопоставления по лабиализованности — нелабиализованности, естественно представить его становление как цепь взаимосвязанных преобразований фонем \hat{e} и \hat{o} с перспективой совмещения на верхнем подъеме нелабиализованной серии. Из этого следует, что все промежуточные звенья этой цепи для каждой из фонем должны быть фонологически противопоставлены прочим единицам в каждой конкретной системе. Отождествление рефлексов на определенном этапе с гласными, не восходящими этимологически к \hat{e} , \hat{o} , отключает их от диахронической линии развития; в противном случае, в сферу дальнейших преобразований оказались бы втянутыми (в соответствующих позициях) гласные, этимологически не соотносимые с ê, ô. Поэтому реальными для реконструкции промежуточных стадий икавизма могут быть лишь дифтонги либо монофтонги типа [o (y)], [v], [и], сохраняющие потенциальную возможность к преобразованиям. Рефлексы [и], [у], в некоторых говорах [ы], изредка [е] замыкают определенные отрезки линии диахронического развития, за исклю-

 $^{^{22}}$ Эта закономерность прослеживается и в отношениях $[e\ (i)] = [o\ (y)]$, хотя в зонах контактов с ареалом $[i]\ (<\hat{e})$ возможны единичные отклонения.

чением случаев неорганического замещения $[y] \rightarrow [i]$, обусловленного премичиественно междиалектной интерференцией 23 .

С точки зрения утраты ДП, преобразования исходной модели для \hat{e} реализуют одну возможность: повышение подъема, для \hat{o} — две возможности: повышение подъема и делабиализацию (а также связанное с ней смещение ряда).

Вывод, полученный в результате ареально-типологического сопоставления моделей икавизма в украинских говорах, предполагает повышение подъема \hat{e} как импульс для аналогичного изменения \hat{o} ; это согласуется с известным фактом структурной соотнесенности и параллелизма в развитии \hat{e} , \hat{o} для всего восточнославянского ареала. Однако специфика реализации этой соотнесенности в украинском языке по сравнению с соседними восточнославянскими территориями, даже если рассматривать ее лишь в лингвогеографическом плане 24 , позволяет обратиться к внутрисистемным факторам как основному источнику изменений $\hat{e} > i$. Таким фактором признано преобразование $^{*i} > u^{25}$ в комплексе вокалических и консонантных изменений (отвердение согласных перед *i , *e , дефонологизация *i ь и совпадение *i , *i в u) 26 . Перераспределение ДП между \hat{e} , i можно, по-видимому, интерпретировать как перефонологизацию $\hat{e} \sim i \rightarrow i \sim u$ (что, в конечном счете, обуславливает и место u в системе большинства говоров с инавизмом).

При преобразованиях фонемы \hat{e} естественно было бы ожидать аналогичных изменений ее заднерядного коррелята \hat{o} , учитывая также его позиционную ограниченность. Однако симметричные преобразования в пределах заднего ряда должны были бы ограничиться повышением подъема $\hat{o} > y^{27}$, что замкнуло бы цепь дальнейшего развития. Ареалы [у] ($<\hat{o}$) группируются на окраинах либо дифтонгического массива, либо говоров с ограниченным икавизмом, например, в северной Сумщине (окрестности г. Глухова), на западной окраине правобережнополесских говоров, в западных районах Брестской области и в Закарпатье 28 ([у] < [уо] как результат синтагматической монофтонгизации известно в дифтонгических районах).

²³ См.: О. Курило, указ. соч., стр. 79. О нефонетическом [i] см. также: Л. А. Булаховський мови. Голосні повного утворення, «Наук. зап. [КДУ]», V, І, 1946, стр. 102—103; Й. О. Дзендзелівський кий., указ. соч., стр. 20.
²⁴ В юго-западных белорусских говорах, где & и в снетически тождественны со-

 $^{^{24}}$ В юго-западных белорусских говорах, где \hat{e} и $\hat{\sigma}$ генетически тождественны соответствующим укравнским гласным, наоглоссы $\hat{O}(\widehat{go})$ и $\hat{e}(\widehat{te})$ полностью совпадают, составляя единый массив с соседними укравнскими дентральными и восточными полесскими областями (без юго-западных районов Брестской области, развивших различные стадии икавизма). См.: «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», Мінск, 1963, карты: № 34, 35.

²⁵ См.: Ф. Т. Жилко, Голосні неоднорідного творення («дифтонги») в українській мові, «Українська мова в школі», 1962, 3, стр. 18—19. Соотнесенность в реализации и развитии рефлексов ѣ и і отмечалась и ранее (см., например: П. Жите цкий, Очерк звуковой истории малорусского наречия, Киев, 1876, стр. 125; А. Крымский, Украинская грамматика, 1, вып. 1, М., 1907, стр. 205е—2055).

 $^{^{26}}$ В известной степени это подтверждается и юго-западными белорусскими говорами, где стабильность оппозиции $\hat{\epsilon} \sim \delta$ соотносится с [i] < *i, а также украинскими правобережно- и частично левобережнополесскими говорами, где *i, $*\iota$ совиали в непониженном переднем гласном верхнего подъема.

²⁷ Это произошло, например, в восточнословацких говорах, см.: Е. P a u l i n y, Fonologický vývin slovenčiny, Praha, 1963, стр. 263—265.

 $^{^{28}}$ В некоторых закарпатских говорах сохранились следы фонемы g ($< \delta$), противопоставленной y по степени закрытости артикуляции и потенциально совпадающей с y (см. 3. Н. 3 а л е с с к и й, Вокализм юго-западных говоров украннекого языка. Автореф. канд. диссерт., Киев, 1969, стр. 13). Однако возникновение g, возможно, обуславливается локальными особенностями реализации y. По свидетельству g особенностями реализации g по выпрательству g особенностями реализации g по свидетельству g особенностями реализации с этимологическим g перед

Следовательно, с точки зрения дальнейшего развития повышению полъема о должно было предшествовать смещение ряда реализаторов этой фонемы. Причины смещения ряда о могли корениться в слабости отдельных звеньев исходной консонантной системы. Установившейся после отвердения согласных перед i, e (кроме позиций перед eC, eC') и с развитием фонологического противопоставления согласных, парных по твердости — мягкости. Поскольку позиция перед е была позицией нейтраливации для парных согласных $C' \sim C \rightarrow C'$, исходная система ставила фонему \hat{e} , ограниченную позицией после мягкого согласного, в изолированное положение как по отношению к другим передним гласным, перед которыми $C' \sim C \to C$, так и по отношению к непередним гласным, допускавшим коррелятивные сочетания с парными согласными, следовательно: Ca - C'a. Co - C'o (ограниченно), Cu - C'u. $C\hat{o} - C'\hat{o}$: Ci(Cu), Ce: C'ê.

Естественным было бы ожидать тенденции к выравниванию изолированного звена, которая могла реализоваться соответственно в двух направлениях: 1) в развитии непротивопоставленных сочетаний Се; 2) во включении е в систему коррелятивных противопоставлений, т. е.

C'e ~ Ce.

Первая реализация, ставящая е в один ряд с другими передними гласными, представлена в говорах западной части правобережнополесского массива (частично северные районы Ровенской области, северо-западные — Житомирской области без смежной с БССР полосы): нейтрализадия $C' \sim C \rightarrow C$ перед репрезентантами $\hat{i}e$ ($\hat{\partial}ue\hat{\partial}$, $\hat{m}ue\hat{\partial}$, $\hat{c}ue\hat{\partial}$), $\hat{c}ue\hat{\partial}$, $\hat{c}ue\hat{\partial}$, $\hat{c}ue\hat{\partial}$), $\hat{c}ue\hat{\partial}$ на $\kappa o h^{\widehat{u}} e$, на $ho s \widehat{u^e}$) с преимущественным отвердением в этой позиции непарных согласных в большей части правобережнополесских говоров (pueuka, suepa, ouuenok).

Вторая реализация поставила бы е и о в отношения дополнительной дистрибуции, т. е. привела бы к функциональному отождествлению \hat{e} , о в пределах одного подъема с утратой релевантности ДП «лабиализованность — нелабиализованность» и связанного с ним различения по месту образования. Учитывая, что в данном случае для большинства говоров (исходя из состояния с дефонологизованным ы) именно утрата лабиализации о представляется мутационным изменением, естественно предполагать, что функциональное отождествление \hat{e} , \hat{o} явилось бы результатом постепенного смещения места образования аллофонов ов передний ряд с делабиализацией на последней его стадии 29. Возможно, что в юго-западных украинских говорах, где исходная консонантная система развилась ранее,

мягким согласным, в чем можно видеть следы распределения аллофонов у в зависи-

ции $y = \hat{y}$. Л. Дэже (указ. соч., стр. 109) как будто указывает и на возможность

мости от вокально-ассимилятивных условий: [у] — [у] подобно позиционно более широкому [o]—[6]; см.: О. Б р о х, Угрорусское наречие села Убли (Земилинского комитата), СПб., 1900, стр. 15, 49—51. Эти отношения в ударной позиции реализуются также в $[\hat{y}]$ —[y], $[\hat{y}]$ — $[\hat{y}]$ (там же, стр. 15, 38—39, 49—50, 71; см. также: І. Панькевич, Українські говори Підкарпатської Русі..., стр. 99—100; І. Д. Пагіря, Система голосних у говірках північно-західної Мукачівщини, «Наук. зап. [Ужгородськ. ун-ту]», XXVI— Діалектологічний збірник, 2, 1957, стр. 85). Повышение $\delta > g$ привело к фолологизаций g, нестабльной в связи с незначительностью дистанний.

 $[\]dot{y}>\ddot{y}$, однако описанная им ситуация предполагает контакты \dot{y} - и \ddot{y} -рефлексов. нице дифтонгического и недифтонгического ареала в Брестской области (где могли сыграть роль междиалектные контакты): кией', кией — xa'ie6, a'iec, см: Д. С. Т е л е нт ю к, Перехідні говірки Лунинецького району, Пінської обл., Білоруської РСР, «Діалектологічний бюлетень», IV, Київ, 1953, стр. 56.

чем в других районах украинского языкового ареала 30, действовала указанная тенденция к включению \hat{e} в систему коррелирующих противопоставлений: полное проявление этой тенденции в свою очередь ликвидировало бы позицию нейтрализации $C' \sim C \rightarrow C'$ перед \hat{e} в соответствии с развитием в этих говорах признаков палатального ряда 31. Тем самым в этих говорах наметился путь к дефонологизации о в рамках оппозиции $\hat{e} \sim \hat{o}$, т. е. до $\hat{e} \rightarrow i$. Эта тенденция, находящая поддержку и в позиционной ограниченности и, по-видимому, в более низкой частотности о в сравнении с \hat{e}^{32} , обусловила продвижение репрезентантов \hat{o} к переднему ряду: $\hat{o} > \hat{o} > \hat{o}$.

Типологически указанные отношения восстанавливаются на основе диалектного массива в центральных районах Черниговской области ³³, где исходная модель реализуется в $[\widehat{ie}] - [\widehat{yo}], [\widehat{ie}] - [\widehat{yo}], [\widehat{ie}] - [\widehat{yn}],$ Сдвиг ряда здесь в некоторых говорах сопровождается ослаблением лабиализации после мягких согласных, что заметно снижает различительную способность позиций $C'\hat{o} \sim C'\hat{e}$ (ca'vies «слез» род. мн. $\sim a'\hat{i}e^3$ прош. вр. от лезть) и в некоторых случаях (например, в украинских воронежских говорах 34) приводит к их неразличению, тем самым — к потенциально возможной дефонологизации $\widehat{ie} \sim \widehat{yo}$ 35. В схеме, реконструируемой

ў беларускай мове, Мінск, 1970, стр. 11—12. В современных юго-западных говорах представлены такие черты падатального ряда, как, например, ограничение дистрибуции мягких согласных (в том числе сибилянтов и аффрикат μ' , $\partial s'$ для буковинских, покутских, гупульских говоров), отсутствие мягких геминат, развитие сочетаний

стр. 77).

33 Имеются в виду, в основном, Менский, Сосницкий, Корюковский, частично

36 Україн См. также: О. К. у. р. и. д. о., До характеристики і процесу монофтонгізації чернігівських дифтонгічних звуків, «Україна», кн. 5, Київ, 1925, стр. 19—21; В. М. Б.р ахнов, До акустичної характеристики північноукраїнських дифтонгів, сб. «Питання експериментальної фонетики», Київ, 1963,

стр. 46-47.

34 См.: Г. Т. Солонська, Довивчення українських говірок Воронежчини та їх зв'язку з іншими діалектами української мови, «О. О. Потебня і деякі питання сучасної славістики», Харків, 1962, стр. 247—248.

³⁰ Историко-диалектологические исследования дают серьезные основания докализовать ядро инноваций, существенных для украинской фонетической системы, в югозападном украинском ареале, в особенности — в южной его части (буковинские, покутские, частично подольские, гуцульские говоры). См., например: А. К р ы м с к и й, указ. соч., стр. 205; В. Ярошенко, Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV вв., «Збірник Комісії для дослідження історії української мови», І, Київ, 1931, стр. 247 и сл.; Б. В. Кобилянський, Діалект і літературна мова, Київ, 1960, стр. 173; А. М. Залеський, указ. соч., стр. 27.
³¹ Ср.: В. М. Чэкман. Гісторыя проціпастаўленняў па цвердасці— мяккасці

C+j, реализация некоторых мягких фонем палатальными звуками.

²² Лингвогеографическое распределение \hat{e} (< \hat{b}) и \hat{o} (< δ) в севернорусских говорах также свидетельствует о большей стойкости \hat{e} , выражающейся в диспропорции ареалов ê и ô в пользу ê (см.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», М., 1970, стр. 255—259; К. В. Горшкова, Очерки исторической диалекто-логии Северной Руси, [М.], 1968, стр. 137—138; С. С. Высотский, Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах, сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров», М., 1967, стр. 15); ср. также данные об абсолютной частотности \$t', \$t и о в ударенном слоге, приводимые В. В. Колесовым (В. В. Колесов, Особенности фонологической модели, развивающей аканье, ВЯ, 1964, 4,

³⁵ По мнению Р. Якобсона (см. ero «Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves», TCLP, 2, Prague, 1929, стр. 70—71), смещение ряда аллофонов δ (yo) связано с тенденцией к симметрии с \hat{e} (ie): более передние — более закрытые аллофоны. Это объяснение предполагает стабильность оппозиции $\hat{e} \sim \delta$ и, следовательно, приложимо лишь к северным говорам; однако факты северных говоров, как видно из вышеизложенного, не подтверждают стабильности $\hat{e} \sim \hat{o}$ именно в районах со смещенными аллофонами д. Следует учесть и лингвогеографические данные, в частности, факт исключительного распространения заднерядных ал-

для южной диалектной группы, естественно допустить утрату лабиализации на более позднем этапе преобразований. Лингвогеографические данные, запрещающие модели $[i] - [\widehat{yo}]/[\widehat{yo}]$ и допускающие $[\widehat{ie}]$ — $[\widehat{yn}]/[\widehat{yi}], [i] = [\widehat{yn}]/[\widehat{yi}], [i] = [n],$ подтверждают вывод о преимущественной делабиализации в последней стадии смещения в передний ряд и. с точки зрения относительной хронологии,— после $\hat{e} > i$. Об этом свидетельствуют и факты письменных памятников с территории икавизма: процесс $\hat{e} > i$, отражаясь в письменности с XIII в., завершается, по ее данным, к XV в.: графемы у, ю, рассматриваемые как показатель лабиализованного характера рефлексов ô, сохраняются в памятниках с XIII— XIV BB. go XVII B. 36.

Для становления икавизма на позднейших стадиях существенна противопоставленность двух зон образования гласных в связи с дефонологизацией ы в большинстве говоров украинского ареала и сохранение

трехклассной системы с оппозицией $i \sim u$ на его окраинах.

Если принять, что для говоров, не развивших симметрично $\hat{e} > i$, $\hat{o} > y$, процесс $\hat{e} > i$ завершился позже начала смещения ряда $\hat{o} > \hat{o}$... и раньше делабиализации континуантов о, то можно допустить три воз-

можности дальнейших преобразований ô.

1. Повышение подъема в пределах смещенного ряда — переднего (тип а) либо среднего (тип б) до делабиализации континуантов ô. Для (a) реконструируется цепь $\hat{o}>...>\hat{o}$ с повышением подъема $\hat{o}>\ddot{y};$ тип вероятный, по-видимому, при более позднем $\hat{e} > i$, что возможно реконструировать по данным говоров, маргинальных относительно дифтонгического ареала: $[\hat{y}u]$, $[\hat{y}i] > [\hat{y}]$ (брестский ареал $[\hat{y}]^{37}$ непосредственно соседствует с подлясским [уи] 38). Для (б), по-видимому, предпочтительна система с сохранением і ~ ы; трехчленное противопоставление способствовало релевантности места образования для о и тем обусловило трансформации в пределах среднего ряда, в частности, смещение подъема: $\hat{\pmb{\delta}} > \hat{o}; \; \hat{o} > \hat{y}.$ Постулируя для этих говоров фонему \hat{y} (лабиализованную, среднего ряда высокого подъема) как возможную стадию в становлении икавизма, допускаем y>ы либо y>y (поскольку поля рассеивания этих фонем незначительны), а также y>y 39. Соседство в карпатском ареале территорий с [y]-, [y]-, [ы]-рефлексами 40 и следы промежуточ-

30 Графему у закарпатских памятников, давшую основания И. Панькевичу возводить рефлекс ў к у, в таком случае можно считать обозначением ў (см.: І. П а ныке в и ч, Нарис історії українських закарпатських говорів, ч. І, «Аста Universitatis

лофонов \widehat{yo} в районах правобережного украинского и белорусского Полесья с наибо-

лее стабильной оппозицией $\ell \sim \delta$.

36 См.: А. Соболевский. Очерки из истории русского языка, ч. 1, Киев, кер. 89; А. Крымский, указ. соч., стр. 150—151 и сл.; О. П. Без и алько, М. К. Бойчук, М. А. Жовтобрюх, С. П. Самійленко, І. Й. Тараненко, І. Странна граматика української мови, Київ, 1962, стр. 151—154. 37 Центральные и западные районы брестского массива; см. также: I. P. P a u l s,

Monoftongi *ĕ, *e i *o w dialekcie kobryńskim (Białoruska SRR), «Slavia orientalis», XIX, 1, 1970, стр. 79.

*8 См.: W. K u r a s z k i e w i c z, Rozwój'a na tte dyftongów i palatalizacji w dawnych gwarach ruskich Podlasia i Chełmszczyzny, «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 3, Warszawa, 1958, стр. 215—216 и карта; М. К о n d r a t i u k, Wokalizm białorusko-ukrańskich gwar powiatu Hajnowskiego, «Slavia orientalis», XIII, 3, 4064 cm. 340 и колу в развания прави променения променения прави променения 1964, стр. 340 и карта на стр. 350.

Carolinaes. Philologica, I, 1958, стр. 83, 95).

40 См.: І. Панькевич, Українські говори Підкарпатської Русі..., карта № 1;

В. О. Дзендзелівський, Пінвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика), ч. ІІ, Ужгород, 1960, карты № 132, 134,

ных стадий между [y] и $[\ddot{y}]^{41}$, как кажется, подтверждают эту гипотезу. хотя, по-видимому, четко размежевать (а) и (б) по современным данным затруднительно и не исключена возможность совмещения обоих типов преобразований, приведших к у. Делабиализация у является завершающей стадией в этом типе развития икавизма.

2. Повышение подъема в пределах переднего ряда после делабиализации от. Делабиализация от образовывала новую переднерядную единицу, место которой в системе обуславливалось в конечном счете характером отношений между соседними фонемами нелабиализованной серии. При $\hat{e} > i, i > u$ до завершения $\hat{o} > \dots \hat{o}$ переднерядная клетка, противоположная о̂, оказывалась занятой фонемой и, весьма лабильной относительно подъема (с независимой реализацией в пределах [i, i...e, e] 42) и соответственно ареально вариативной (пониженные репрезентанты локализуются преимущественно в юго-западных и северо-западных частях украинского языкового ареала). Поскольку после $\hat{e}>$ і позиция перед ['i] оставалась изолированной позицией нейтрализации для парных $C'\sim C \to C'$, тенденция к ликвидации этой позиции могла реализоваться либо в развитии противопоставленных по твердости — мягкости сочетаний согласных с [i] (C' $i \sim Ci$), либо в дополнительной дистрибуции [i] и [u] (C' $i \sim Cu$).

понижением) подъема [u, i) (из делабиализованного о) и впоследствии развивающая с [і] отношения дополнительной дистрибуции. Место в системе делабиализованного континуанта о, таким образом, определялось противопоставлением с и по степени подъема (соответственно, высшей -

Для первой реализации, регулярной в большей части юго-западных говоров (кроме южной полосы) в качестве промежуточной стадии предполагается фонема і, представленная звуками переднего ряда высокого (с

низшей: $mu\kappa$ «ток» — $mu\kappa$ (от «тыкать»), huc «нос» — hus ⁴³). Перегруженность верхних польемов нелабиализованной серии и недостаточная различительная способность репрезентантов фонемы г способствовали ее дефонологизации и звуковому отождествлению с і при твердости предшествующего согласного (так «ток» ~ т'ік' «тек»). В современных говорах і как самостоятельная единица сохраняется преимущественно лишь в тех районах (частично волынско-полесские, волынские, гуцульские говоры 44),

где интенсивно пониженная реализация u = [u, e, e] -создает лучшие условия для известной стабилизации дистанции между $i-\iota-u$, хотя тенденция к дефонологизации г действует и здесь.

В частности, волынско-полесские говоры, представляя все этапы разрушения оппозиции $i \sim \iota$, свидетельствуют о том, что пониженная реализация u, являясь определяющей для места в системе континуанта \hat{o} , по-видимому, замедляет дальнейшие преобразования, но не останавливает их окончательно. Это отражает общую закономерность: последовательные изме-

^{180, 208, 235, 247;} В. П. Латта, указ. соч., ст. 19; Zd. Stieber, Systemy wokaliczne dawnej Łemkowszczyzny, «Slavia», XXIX, 2, 1960, стр. 208. Рефлекс [у]

ант о занимает низшую ступень — [и], откуда [е]: нис, тик, стел, вез (на окраинах правобережнополесского ареала). 44 Cm.: A. H. Залесский, указ. соч., стр. 8-9.

нения δ на каждом новом этапе создают перегрузки в соответствующих фрагментах систем, что препятствует стабилизации этих гласных на промежуточных стадиях и является конкретным источником их последующих изменений. Сопутствующим (но не определяющим 45) фактором, ощутимым более в фонетическом плане, является характер артикуляции соседних фонем. Неустойчивость континуантов δ в конкретных системах на промежуточных стадиях ослабляет возможность обратного давления их на соседние гласные.

Во многих юго-восточных говорах представлена модель с неразличением позиций С'і. Если исходить только из позиционно независимой реализации u в этих говорах (высокопередняя с понижением), признанной в качестве нормативной 46, то можно было бы считать, что злесь сложились лучшие фонетические условия для функционального объединения і и и. Однако неразличение позиций С'і (m'ік «ток» — m'ік «тёк») не дает оснований для вывода о функциональном отождествлении і и и в локальных системах ввиду возможности сочетаний [i] с непарными (делабиализованными) согласными 47. Позиции C'i - Cu можно было бы либо интерпретировать как частную подсистему противопоставлений перед [i] согласных, парных по твердости — мягкости (зубных, n, в некоторых говорах — р), что было бы наиболее экономной реализацией максимальных возможностей исходной вокалической системы и снимало бы позицию нейтрализации парных согласных (но в случае генерализации этих отношений привело бы к неоправданному разрастанию системы согласных фонем 48), либо рассматривать как результат нейтрализации парных C'~C→C' перед [i]. В обоих случаях спонтанное развитие модели (условно) юго-восточного типа C'i — Cu как преобразование юго-западной Ci/C'i \sim \sim Си представляется оправданным 46 и при определенных условиях может расцениваться как свидетельство более раннего становления икавизма в говорах с неразличением позиций С'і 50.

3. Совпадение делабиализованного континуанта $\hat{\sigma}$ с переднерядными единицами в пределах между средним и высоким подъемом. Кроме единичных случаев $\hat{\sigma}>e$, компактный ареал на границе полесских и южных

 $^{^{46}}$ Как это предполагает Л. Э. Калнынь (см. ее «Корреляция твердых и мягких согласных фонем в украинском языке», «Ут. зап. Ин-та славяноведения», ХХИИ, 1966, тр. 72). Об относительности роли пониженной реализации и для стабилизации сочетаний С' $i \sim$ Сi можно судить на основании фактов неразличения позиций С'i при пони-

женном [n, e]; пример такого говора см.: Л. К алнынь, Вокализм одного надднестрянского говора, «Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу», М., 1968, стр. 215—216.

⁴⁶ См.: «Сучасна українська літературна мова», за заг. ред. І. К. Білодіда, т. І, Київ, 1968, стр. 64.

⁴⁷ Tam же, стр. 237—238.

⁴⁸ См.: В. С. Перебийніс, Кількісні та якісні характеристики системи фонем сучасної української літературної мови, Київ, 1970, стр. 30.

⁴⁹ Эта тенденция наблюдается и в нормативной орфоэшии (см.: М. А. Ж о в т обр ю х, Українська літературна мова в радянський час, «Мовознавство», 1968, 6, стр. 8—9).

бо Этот критерий (см.: В. М. Г а н ц о в. Діалектологічна класифікація українських говорів, Київ, 1923, стр. 44) можно было бы отнести, в частности, к некоторым говорам Среднего Поднепровья, а также южной полосы юго-западного массива (бойковским, южным надднестрянским, буковинско-покутским, буковинским), развившим сут, что согласуется и с выводами относительной хропологии по поводу локализации других ранних инповаций. Однако в каждом конкретном случае необходимо учитывать все возможные факторы диалектотворческого процесса и цутей развития икавизма В частности, возможно [7] с [ў], о чем свидетсьствуют бойковские говоры, соседствующие с закарпатским ареалом [ў] (см.: І. Панькевп, Українські говори Підкарпатської Русі ..., стр. 51, 96), а также отдельные говоры брестского ареала. Большая роль в возникновении С'й принадлежит междиалектным контактам.

диалектов образует совпадение континуанта \hat{o} с [и] (сик «сок» — оси́ка «осина», рис «рос» — рис, сил' «соль» — си́л'ний). Возможно органическое развитие t > u вследствие дефонологизации ι (например, в некоторых брестских говорах), однако локализация ареалов u преимущественно на стыке дифтонгического массива и говоров с икавизмом позволяет во многих случаях рассматр \hat{u} вать u нак результат замещения $\hat{o} ou u$ в контактной зоне. Имея фонетической подосновой непониженную артикуляцию [и], оппозиция $i \sim u$ на стыке с дифтонгическими говорами реализуется, сохраняя органическую твердость согласного перед континуантом о и противопоставленность его континуанту \hat{e} . Тем самым изменяется словарное распределение i, u, что соответствует принципу интерферентных явлений — реализация отношений воспринимаемой системы средствами воспринимающей. Возможны следующие контактные ситуации:

а) Говоры с ограниченным икавизмом воспринимают восточного типа (схематически: $C'i \sim Cu \rightarrow C'i - C\widehat{yu}/C'\widehat{y'i} - Cu$). Ввиду идентичности реализации и различия в объеме оппозиции $i \sim u$ в контактирующих говорах воспринимающая модель приводится в соответствие с воспринимаемой за счет словарного перераспределения фонем. сохраняя качество согласных: $[\hat{\mathbf{v}}_{\mathbf{u}}] \rightarrow [\mathbf{u}], [\hat{\mathbf{v}}_{\mathbf{i}}] \rightarrow [\mathbf{i}]$. Ср. в южных диалектах: $m'i\kappa$ «тёк», «ток» — $mu\kappa$ (от «тыкать») и в переходной полосе: т'ік «тёк» — тик «ток», тик (от «тыкать»). При [уи] в северных говорах

контакты активизируют органическое развитие $[\hat{y}u] > [u]$.

б) Говоры, не развившие икавизма, воспринимают модель С'і ~ ~ Си. Возникновение интерферентной оппозиции происходит по той же схеме; при $[\widehat{\mathrm{ie}}] > [\mathrm{i}]$ возможно нефонетическое замещение заднерядного дифтонга звуком [и]. Наибольший ареал [и] ($\leftarrow \hat{o}$) — на юге левобережнополесских говоров, где сложились оптимальные условия: контакты дифтонгического ареала $[\hat{y}u]$ с типом С' $i \sim Cu$. В правобережном Полесье контактирующая южная окраина ареала сохранила преимущественно $[\widehat{\mathsf{iel}}] = [\widehat{\mathsf{yol}}] ([\widehat{\mathsf{el}}]) = [\widehat{\mathsf{ol}}],$ поэтому здесь полоса $[\mathsf{u}] (\leftarrow o)$ ýже. Как и при $\hat{o} > y$, цепь развития прерывается.

Следует рассмотреть и возможность контактов дифтонгических говоров_ с ареалами модели юго-западного типа: $C'i/Ci \sim Cu \rightarrow C'i - C\hat{y}u/c$ / С' $\hat{y}\hat{i}$ — Сu. Помимо неодинакового объема, для оппозиции $i\sim u$ в контактирующих говорах характерны различия в условиях функционирования і, поэтому для возникновения интерферентной оппозиции недостаточно перераспределения мощности фонем. Здесь возможно: a) замещение $[\hat{y}_{\mathbf{n}}] \rightarrow$ \rightarrow ['i], т. е. тенденция к функциональному объединению рефлексов \hat{e}, \hat{o} (по аналогии с воспринимаемым [i]/['i] реализуется средствами воспринимающей системы, а именно - сохраняя мягкость согласного перед [i]; б) $[\widehat{\mathbf{u}}] \rightarrow [\widehat{\mathbf{u}}]$ с функциональным объединением $[\widehat{\mathbf{u}}]/[\widehat{\mathbf{u}}]$, но с сохранением звукового различения рефлексов \hat{e} , \hat{o} . В полесской модели [ie] — [yo] замещения происходят по той же схеме, учитывая $[\widehat{ie}] > [i]$.

Возможность указанных замещений позволяет сделать следующие выводы: 1) отмеченные на южных границах дифтонгического массива вкрапления говоров с [и] < о в непосредственной близости с ареалами $\mathrm{C}'i \sim \mathrm{C}u$ могут свидетельствовать о прошлых контактах дифтонгических говоров с южными говорами (тип $C^{\dagger}i/Ci \sim Cu$), впоследствии развившими $C'i \sim Cu$, т. е. об органичности становления C'i в этих районах. в частности, в Среднем Поднепровье и восточной Волыни; 2) возможна реконструкция механизма нефонетического возникновения ['i] в говорах контактных территорий в соответствии с неоднократно отмечаемыми в интерферентных ареалах инвентарными либо дистрибутивными упрощениями. Не исключено, что именно этот тип становления икавизма был характерным для многих говоров юго-восточной группы.

Подводя итоги сказанному, можно реконструировать следующие возможности для младших преобразований исходной модели икавизма:

4) Замкнутые отрезки цепи:

К замкнутым отрезкам цепи (4) относятся также случаи консонантизации компонента дифтонга (типа квет, квит «кот»), допускающие дальнейщие изменения лишь путем субституции.

Приведенные схемы раскрывают фонологическое содержание преобразований, которое можно сформулировать как перефонологизацию $\hat{e} \sim i \rightarrow i \sim u$ и дефонологизацию \hat{o} , а также представляют их конкретные реализации. Учитывая, кроме того, возможности нефонетического развития, следует признать множественность путей становления икавизма реальной для каждой из украинских диалектных групп.

Возвращаясь в заключение к вопросу о реальном звуковом качестве фонем на промежуточных стадиях икавизма, нужно признать возможность его реконструкции весьма условной, в особенности в отношении нерелевантных признаков (дифтонгичность - недифтонгичность). Следует исходить, по-видимому, из представления о фонематической самостоятельности гласных, характеризующих незамкнутые стадии икавизма, и из отмеченного в говорах факта преимущественной синхронности синтагматических и парадигматических изменений дифтонгов, восходящих соответственно к \hat{e} , \hat{o} . Важную роль в решении вопроса о дифтонгичности (resp. закрытости, напряженности) аллофонов о играет выяснение артикуляционно-акустической природы фонемы 5, сохранившей свое звуковое качество в \hat{e} . Принятие традиционной точки зрения о дифтонгичности как о стадии, предшествовавшей $5 > i^{51}$, подразумевает, по-видимому, и признание синхронно дифтонгического \hat{o} на этапе, когда фонема \hat{o} уже осознавалась как заднерядный коррелят \hat{e}^{52} . Учитывая разнообразие синтагматических характеристик, можно предполагать, что в какой-то степени аналогами исходных дифтонгов могут быть гласные неоднородной артикуляции с акустически нечетко выделяемыми компонентами ($[\widehat{y_0}], [\widehat{y^0}], [\widehat{ie}], [\widehat{ie}],$ — тип, распространенный в правобережнополесских украинских и соседних белорусских говорах 53. Помимо общей

⁵¹ Интересные данные о возможности $\hat{e} > i$ через стадию \hat{e} см. К. В. Г о р ш к ов а, указ. соч., стр. 131—134.
⁵² См.: Л. М ош и н с к и й, К фонологии просодических элементов в славян-

⁵² См.: Л. Мошинский, К фонологии просодических элементов в славянских языках, ВЯ, 1965, 2, стр. 10.

[%] Указания на специфику артикуляции правобережнополесских рефлексов ô, ê можно встретить неоднократно; см., например, относительно южных окраши белорусских говоров: J. R o z w a d o w s k i, Uwagi o dyttongax ie, uo w poludniowo-zachodnim narzeczu białoruskim, «Materiały i prace Komisji językowej PAU», I, 1904, стр. 214.

архаичности, выделяющей правобережнополесские говоры среди украинского дифтонгического массива, в пользу этого предположения свидетельствует наличие здесь высокого переднерядного [i] (<*i,*ы), что позволяет воссоздать близкие к исходным условия функционирования гласных верхних подъемов (в белорусских говорах сохраняется [i]). Варьирование аллофонов \hat{e} . \hat{o} было широким, они дегко могли развиваться в дифтонг с достаточно четко выделяемыми обоими компонентами, подобно фиксируемым в современных черниговских говорах, либо в закрытый монофтонг, сохраняя $\Pi\Pi$ верхнесредний подъем 54; вариантность реализаторов \hat{o} была обусловлена как акцентологическими факторами, так и синхронными соответствиями с реализацией ê. Не исключена возможность, что некоторое «усиление» дифтонгичности в черниговских говорах по сравнению с правобережнополесским ареалом отражает тенденцию сохранить самостоятельность \hat{e} (resp. \hat{o}) после образования u (<*i, $*\omega$) 55 . В дальнейшем монофтонгизация о, как свидетельствуют полесские говоры, шла следом за монофтонгизацией $\hat{e}>i$; по-видимому, дифтонгичность \hat{o} $(\hat{i},\ \hat{\hat{o}})$ могла еще сохраняться как избыточный признак и окончательно утрачиваться при $\hat{o} > \dot{y}$, $\hat{\ddot{o}} > \ddot{y}$, u, ι . В таком случае для $\hat{\ddot{o}}$, как для последней и, возможно, одной из наиболее распространенных реконструируемых стадий перед $\hat{\ddot{o}} > \iota$, можно предполагать двойную реализацию: лабиализованный гласный переднего (сдвинутого к среднему) ряда, верхнесреднего (с повышением, учитывая основу для различения с і) подъема — исчезающий дифтонг типа $[\hat{y}^{\mathbf{u}}]$, $[\hat{y}^{\mathbf{u}}]$, либо монофтонг типа пониженного $[\hat{y}_{1}]$, различающегося с высокопередним [у] степенью подъема.

го вокализма, ВЯ, 1958, 1, стр. 9.

Возможно, этим объясняется параллелизм дифтонгов и закрытых монофтонгов, отмеченный в Подлясье, см.: М. К о n d r a t i u k, указ. соч., стр. 340.
 О такой возможности см.: П. И в и ч, Основные пути развития сербохорватско-

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. А. ШАХМАТОВА

в. в. колесов

ЗНАЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДОВ А. А. ШАХМАТОВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. А. Шахматов — славист по образованию, научной специальности и основным интересам. Свою исследовательскую работу он начинал как русист, учился у филологов-славистов, его первое публичное выступление было на лингвистическом диспуте, его основные научные работы и обе диссертации посвящены истории русского языка, последние фундаментальные публикации также связаны с проблемами русского языкознания, наконец, половина его работ (78 из 160 опубликованных) — это работы по славянскому языкознанию.

Вместе с тем А. А. Шахматов продуктивно работал и в других областях гуманитарного цикла. Он был палеографом, текстологом, историком, литературоведом, искусствоведом. Есть нечто общее во всех трудах Шахматова — в них видно характерное свойство личности ученого, его научного дара, который объединяет все сферы его исследовательской и преподавательской деятельности. Это - чрезвычайно пристальное внимание к многоразличным и мельчайшим фактам, углубленное изучение всей совокупности данных, проникновение в сущность их внутренних соотношений — интуитивное прозрение, выросшее на основе исследования факта. В любой работе А. А. Шахматова можно проследить внутреннюю борьбу двух стихий: интуиция и факт — каркас и материал каждого исследования. Собственно, соотношение этих двух элементов исследования в конкретной работе А. А. Шахматова и определяет сегодня относительную ценность шахматовских результатов: все зависит от того, насколько удачно в том или ином случае Шахматову удалось построить концепцию, исходя из суммы им обнаруженных и отобранных фактов. Именно им, потому что не всякое открытие, сделанное другими, он допускал в свое исследование, в свое построение. Достаточно вспомнить некоторые работы Н. М. Каринского, результаты которых А. А. Шахматов не принял в свое построение исторической диалектологии 1. Интуиция и факт в исследовательской практике Шахматова — это нечто единое, двуликий Янус его творческой манеры, и сам А. А. Шахматов не волен был отдать предпочтение чему-то одному в ущерб другому.

На этом общем свойстве творческой манеры А. А. Шахматова прежде всего следует остановиться, давая оценку конечным результатам его ис-

следований.

В каждодневной нашей работе необходимы моменты сосредоточенного размышления, с тем, чтобы, прекратив полемику и оглянувшись назад, не опровергать, критиковать и иронизировать над нашими предшественниками, а всесторонне и честно оценить их вклад в последовательное раз-

¹ См.: А. А. Шахматов, Несколько заметок обязыке исковских памятников XIV—XV вв., ЖМНП, 1909, 7; его же, К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры, РФВ, XIX, 1, 1913.

витие науки. Другими словами, оттеняя различия между предшественниками и нами, различия, являющиеся нашими достижениями, не следует забывать об одновременном выделении общего между нами и ими. Это и есть вклад наших учителей в развитие науки, исток, зерно современного языкознания. Научная традиция — фактор не менее плодотворный, чем новаторство.

Обращаясь к научному наследию А. А. Шахматова, прежде всего следует оценить его метод исследования, а затем — конкретные научные открытия, сделанные им. Первое имеет значение не только для лингвистов, второе — важно не только для современных Шахматову лингвистов.

В сопоставлении с другими современными ему учеными, работавшими в той же области, например, в сопоставлении с Ф. Ф. Фортунатовым (учителем) или А. И. Соболевским (постоянным оппонентом и соперником), Шахматов в своих исследованиях отрабатывает не просто исторический (как Соболевский) и не просто сравнительный (как Фортунатов), а сравнительно-исторический метод, т. е. соединяет воедино историческое изучение сравнительных данных. Сравнительно-исторический метод - не открытие Шахматова, и не он дал ему название ², но формулу и определение он облек в плоть фактов и тем самым обосновал необходимость и показал плодотворность такого типа исследований. Каждый рассматриваемый факт включается у него в две координаты — синхронное соотношение этого факта в современных славянских языках и их диалектах и его проекция в прошлое. Такая ориентация Шахматова подтверждается многими данными, прямыми и косвенными. Закончив большую статью «О звуковых особенностях общерусского языка», А. А. Шахматов так и не опубликовал ее, потому что она представляла собою результат реконструкции на основе сравнения современных восточнославянских языков и их говоров. Отсутствие доказательств исторического характера послужило достаточным основанием, чтобы воздержаться от публикации 3. То же случилось со статьей «Дифтонги \widehat{yo} и \widehat{ie} в великорусских говорах». Узнав об исследовании Л. Л. Васильева, посвященном той же теме, но решенном с позиции сравнительно-исторического метода, А. А. Шахматов откладывает пуб-ликацию своей работы, представляющей собою реконструкцию прарусского состояния на основе чисто сравнительных данных 4. Из открытий других ученых Шахматов принимает как доказанную истину только те, которые основаны на совмещении исторических и сравнительных данных (например, открытие А. И. Соболевским нового в галицко-волынского типа) и неоднократно заявляет о продуктивности именно такого метода исследования 5. Речь идет не о форме изложения материала, а о научном методе, лежащем в основе системы доказательств. Ведь и Ф. Ф. Фортунатов писал статьи о языке старославянских памятников, однако в своих теоретических построениях он всегда оставался компаративистом в узком смысле слова, точно так же как А. И. Соболевский был преимущественно историком по своему лингвистическому мировоззрению. Ставшее расхожим в биографической литературе мнение о противопоставлении А. И. Соболевского А. А. Шахматову (соответственно: исторический памятник как основной источник исследования - современный говор как основной источник ис-

² Одно из ранних определений этого метода в руской литературе можно найти в рец. А. А. Потебни на кн. П. Житецкого «Обаор звуковой истории малорусского наречия», см. «Зап. Имп. Акад. наук», 33, Приложение, СПб., 1878.
³ См.: Архив АН СССР, фонд 134, опись 1, № 131.

⁴ Статья опубликована в ВЯ, 1964, 5 и 6.

⁶ См.: А. А. Шахматов, [рец. накн.:] Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неоргавическим и непереходным смягчением задненебных согласных, ИОРЯС, ХХ, 3, 1915.

следования) не соответствует действительности, если иметь в виду всю творческую деятельность Шахматова во всем ее объеме. В своих ранних работах он действительно полностью следует Ф. Ф. Фортунатову, противопоставляя свой метод исследовательским принципам А. И. Соболевского. В зрелые годы А. А. Шахматов творчески совмещает разные методы исследования, превращая их сплав в собственный метод.

Современной науке понятно четкое противопоставление синхронии и диахронии; А. А. Шахматов же признавал их синтез, но он уже осознад

разницу между ними, хотя бы и на эвристическом уровне.

А. А. Шахматова интересует не просто факт, а группа родственных фактов — также в отличие от многих современных ему исследователей. В его работах читатель видит не иллюстрации развиваемым положениям, а выводы из тщательно и исчерпывающе рассмотренных фактов. Чтобы построить свою теорию редуцированных, Шахматов 30 лет изучает древнерусские источники; чтобы определенно установить наличие фонемы («звука») о в древнерусском — шесть лет скрупулезно, по печатным и рукописным трудам, по забытым провинциальным газетам, в собственных диалектологических поездках изучает «произношение ô» в современных говорах; чтобы написать короткую статью о втором полногласии — около десяти лет собирает редкие по памятникам примеры этого явления. Он изучает не отдельно вычлененный факт, строит исследование не «атомарно», как это склонны считать некоторые историки науки сегодня, включающие А. А. Шахматова в общий ряд правоверных младограмматиков. Редуцированные рассматриваются в связи с просодическими изменениями древнерусского языка, \hat{o} в связи с \hat{e} , второе полногласие — в общих границах изменений, называемых первым и третьим полногласием, и т. д. А. А. Шахматова, таким образом, интересует фрагмент системы, а не изолированный факт. Такое интуитивное в рамках младограмматической школы стремление к осознанию системности характерно не только для Шахматова. Он был первый, но после него работал Т. Лер-Сплавинский, который указал на то, что во всех славянских языках история | е | тесно связана с историей носовых гласных (развитие одной из этих единиц предсказывает направление в развитии другой); работал А. М. Селищев, который указал на то, что в славянских языках рефлексы носовых гласных соотносятся с разными типами изменения плавных сочетаний между согласными; работал Л. Л. Васильев, который показал тесную связь согласного и гласного в пределах слога в позднем праславянском. Если эти открытия, сделанные в границах традиционного языкознания, спроецировать на современную нам славянскую историческую фонологию, можно увидеть, что именно них, как на опорных звеньях, и построена историческая фонология праславянского языка.

Добросовестно собранный и истолкованный материал и не давал возможности для иных выводов. Историк языка, работающий над письменными источниками, не мог не говорить о соотношении различительных фонетических единиц. В средневековом письменном тексте всегда отражается не фонетическое изменение, а изменение фонемы в синтагматическом плане. Историческая фонетика традиционного типа с самого начала оперирует не «звуками», а фонемами, связанными теми или иными отношениями 6. Именно А. А. Шахматов первый понял и на многих примерах показал, что односторонняя замена, например, в на е не указывает на совпадение фонем («звуков») $|\check{e}|$ и |e|. Об их слиянии можно говорить лишь в том случае, если памятники отражают взимное смешение букв t и е. Действительно,

⁶ Хорошая характеристика этой особенности младограмматической эпохи в исторической фонетике дана в статье К. В. Горшковой «О понятиях исторической фонологии» в сб. «Проблемы современной лингвистики», М., 1968.

изменение t>e отражает только изменение в синтагматической системе фонем, т. е. факт нейтрализации противопоставления $|\dot{e}|$ и |e| в слабой позиции. А. А. Шахматов не употребляет всех этих терминов, разъясняющих современному читателю суть описанного изменения, но само изменение понимает именно фонологически.

Из этой эмпирически возникшей мысли о необходимости совместного изучения целого ряда однородных фактов и вышла впоследствии идея системности языка.

В своей ориентации на живой язык А. А. Шахматов больше младограмматик, чем, например, А. И. Соболевский, но в своей конкретной работе он и здесь выходит за границы узкого младограмматического ложа и смыкается с Ф. Ф. Фортунатовым (недоброжелательно относившимся к младограмматикам) и с И. А. Бодуэном де Куртенэ (воинствующим противником младограмматиков). А. А. Шахматов ориентируется на живой говор (но не в значении «диалект», а в смысле «говорение, речь») как на единственно объективный критерий научного исследования - и между прочим потому, что только живой говор можно изучить последовательно и всесторонне, т. е. систематично, тогда как историческое исследование по необходимости состоит из фрагментов. «Реконструировочное пенкоснимательство», как Бодуэн де Куртенэ в одном из писем назвал школу Ф.Ф. Фортунатова и работы Шахматова в ее русле 7, сменяется интересом к функционирующему языку. Можно говорить, что двадцатилетний дружеский контакт с Бодуэном де Куртенэ и постоянные «наветы» последнего способствовали такому изменению во взглядах Шахматова, который стал автором первого университетского курса по современному русскому языку и подготовил исследования по грамматике современного русского литературного языка (большой том, посвященный синтаксису, вышел уже носле смерти автора). А. А. Шахматов — создатель курса русского литературного языка; в трудах его учеников этот курс стал наукой. Шахматов дал образец описания грамматической системы на синхронном уровне (оставляем в стороне вопрос о теоретических и философских основах такого описания), где последовательно различается устойчивое и маргинальное, продуктивное и непродуктивное «в языке», т. е. другими словами, но очень определенно говорится о противопоставлении языка и речи. Это также пока чисто эмпирическое восприятие важного лингвистического разграничения, но оно осознанно проводится при анализе материала.

Соединяя вместе все отличия шахматовской концепции языка от традиционных представлений современного ему языкознания, можно обнаружить, что чисто опытным путем, исходя из материала и умело его интерпретируя, Шахматов различает синхронию и диахронию, язык и речь, систему и явление. Это еще период синтеза данных лингвистических противопоставлений, но все-таки не их смещения. Только позже эти противопоставления были представлены аналитически — как модель и процесс, как форма и содержание, как частное и общее.

Из сказанного выявляется еще одно важное свойство Шахматова как исследователя: его неустанный поиск нового. За сорок лет своей исследовательской деятельности он прошел путь от Фортунатова до Бодуэна, т. е. от традиционной компаративистики до исходных плацдармов современной лингвистики. В своих исследованиях и теоретических воззрениях Шахматов находился в постоянном развитии, имея смелость отказаться и от собственных устаревших взглядов.

⁷ См. письмо к Л. В. Щербе — Архив АН СССР, фонд 770, опись 2, № 15, лист 70. В другом письме к Л. В. Щербе Бодуэн дополняет свою характеристику методики ремонструкции Фортунатова: «Вот паутина и бумажная фонетика в n-ой степени. Особый талант простые вещи делать темными и запутанными» (там же, лист 113).

Из работ Шахматова наиболее устарелите, которые касаются вопросов внешней истории языка, например, языковых контактов, образования русских наречий и т. д.⁸. Те же его труды, в которых речь идет о собственно языковых изменениях, мы можем только дополнять новыми фактами — или иначе интерпретировать уже известные факты. Шахматов в своих реконструкциях настолько точно схватил основные особенности древнерусской системы, что их трудно опровергнуть в целом.

*

На примере акцентологических открытий Шахматова можно показать плодотворность его конкретных результатов и вместе с тем расхождения с современным нам языкознанием. Акцентологические работы удобно привлечь в качестве примера потому, что Шахматов был одиниз основоположников славянской акцентологии и создал последовательную концепцию в этой области славистики. Кроме того, акцентологические изменения так или иначе затрагивают все уровни языка и в этом смысле могут считаться универсальными.

Суть акцентологических исследований А. А. Шахматова сводится к установлению следующих трех основных закономерностей в позднем

праславянском языке.

1. Прежде всего, происходит ослабление конечного слога и как результат этого — возместительное усиление предконечного слога. Все остальные слоги слова соответственно ослабляются. В праславянском языке наряду с музыкальными появляются экспираторные ударения. Такова суть первого вакона Шахматова. Только семнадцать лет спустя в работах Я. Розвадовского эта новая интонация, открытая для праславянского языка Шахматовым, получит название новоакутовой и под этим названием войдет в науку. Первый закон Шахматова определяет многие фонетические изменения; уже современники Шахматова связывали с ним утрату редуцированных. Он же объясняет внешне противоречивые шахматовские толкования по вопросу об этапах утраты редуцированных в словах типа мъногъ: в одних случаях утверждалось, что раньше всего исчез конечный | ъ |, в других — | ъ | первого (предударного) слога. Между тем никакого противоречия в этих высказываниях нет, ибо в обоих случаях редуцированные находятся в абсолютно слабой (изолированной морфологически) позиции, образовавшейся в результате действия первого закона Шахматова.

2. Следствием первого закона было следующее. Нисходящее ударение соотносилось теперь только с первым слогом слова; в других слогах оно ликвидировалось двумя способами: если старому нисходящему ударению предшествовал долгий слог — оно изменилось в восходящее $(\hbar a \bar{p} \hat{o} \partial \tau > \hbar a \bar{p} \hat{o} \partial \tau)$, если старсму нисходящему ударению предшествовал краткий слог — оно перенссилссь на этот краткий слог $(s\hat{o}s\partial y \bar{y}x > s\hat{o}s\partial y \bar{y}x)$ — второй закон Шахматова, который обычно и называют акцентологическим законом Шахматова, не всегда точно излагая его суть. Основное содержание его заключается в констатации факта, что нисходящая интонация со

срединных слогов отбрасывалась к крайним слогам слова.

3. После того как не в начальном слоге слова стало возможным только восходящее ударение, в тех редких случаях, где данная закономерность нарушалась, произошло распространение долготы и восходящей интонации по аналогии. Это вызвало морфологическое обобщение нововосходящего

⁸ См., например: Р. И. А в а н е с о в, Вопросы образования русского языка в его говорах, «Вестник МГУ», 1947, 9; Ф. П. Ф п л и и, Древнерусские диалектные зопы и происхождение восточнославянских языков, ВЯ, 1970, 5.

ударения не в начальном слоге и завершило чисто фонетические изменения. Такое (морфологическое в своей основе) следствие из акцентологических преобразований Д. В. Бубрих назвал третьим акцентологическим законом Шахматова 9 .

Изложенные схематически, эти законы могут показаться частными. В действительности же Шахматов обнаружил тот внутренний нерв, ту магистральную линию, которая определяла развитие языка на фонологическом и просодическом уровне в течение первого тысячелетия нашей эры. Нет ни одной работы по славянской акцентологии, где в том или ином виде не обсуждались бы все обозначенные здесь закономерности: они действовали объективно, их действие доказано многими фактами и отношениями современных славянских языков — они бесспорны. Забывается только, что указанными открытиями мы обязаны Шахматову. Хр. Станг в своей книге на протяжении целой главы обсуждает первый закон Шахматова, не упоминая его имени; в акцентологической концепции Е. Куриловича можно было бы усмотреть много общего с фактами, обобщенными во втором и особенно третьем законе Шахматова; Л. А. Булаховский неоднократно обсуждает славянский материал с точки зрения второго закона Шахматова; есть серьезные основания подозревать, что закон Ю. Крижанича, выведенный В. А. Дыбо, генетически связан с первым законом Шахматова или представляет его вариацию, и т. д. Таким образом, открытия Illa хматова разошлись по трудам других ученых, стали ходячей монетой современной славянской акцентологии. Они настолько неопровержимы и потому общеприняты, что из отдельных частей шахматовской концепции создаются с большим или меньшим успехом современные акцентологические теории или толкования конкретного типа. Здесь, как в зеркале, отражена судьба многих шахматовских построений: принимается конкретный результат исследования («открытие»), но игнорируется основанная на нем теория, которую связывают с интуицией; шахматовская же интуиция, как известно, у современных лингвистов подвергается сомнению и порицанию. А между тем именно в данном случае теория исключительно важна: частные открытия в виде вскользь брошенных замечаний делали и до Illaxматова (например, А. Лескин и Т. Маретич относительно некоторых явлений, объединенных во втором законе Шахматова), но только в цельной шахматовской теории они получили свое объяснение.

А. А. Шахматова можно упрекнуть лишь в слишком обобщенном толковании ряда закономерностей, например, тех, которые объединены во втором его законе. Здесь совпадают принимаемые современными акцентологами закон Станга, закон Васильева — Долобко и собственно закон Шахматова (в интерпретации Л. А. Булаховского). Отсюда же можно вычленить и другие акцентологические закономерности позднего праславянского языка. Не случайно, по-видимому, именно второй закон Шахматова в специальной литературе получил самое различное и весьма противоречивое толкование. В закономерность, обнаруженную Шахматовым, входит широкий круг вопросов: о взаимодействии оттяжки на краткий с ее отсутствием на долготный предшествующий слог, о структуре слова с возможной рецессией, о характере предшествующего ударению слога, о характере интонации в новоударном слоге, о соотношении оттяжек со срединного краткостного и со срединного циркумфлексового слога и т. д.

Можно отметить это обстоятельство и на его основании сделать вывод, что Шахматова в конечном счете не интересовали фонетические подробности изменения. Как и в исследованиях по исторической фонетике, он обраба-

⁹ См.: Д. В. Б у б р и х, О трудах А. А. Шахматова в области славянской акцентологии, ИОРЯС, XXV (1920). Игр., 1922, стр. 203.

тывал факты на том уровне, который теперь мы называем фонологическим. Чтобы убедиться в этом, попробуем интерпретировать изложенные выше акцентологические законы Шахматова с точки зрения современной акцентологии.

В соответствии с первым законом в противопоставлении трех интонаций на долгих слогах происходит перераспределение: теперь не восходящая интонация противопоставлена нисходящей, а нововосходящая (новоакутовая) — старым восходящей и нисходящей, потому что в противопоставление в связи с возникновением новоакута включается новый различительный признак: новоакутовая интонация связана с оттянутым ударением, тон и иктус в ней совмещены. Это фонологическое ударение, маркированный член акцентного противопоставления.

Отсюда следствие — только фонологическое ударение возможно в середине слова, и все прочие типы интонаций приводят к отбрасыванию иктуса при разных условиях на крайние слоги фонетического слова. Следствием этого же является и синтагматическая обусловленность возможных колебаний ударения, связанного с исконными интонациями на долготах — факт, еще не учтенный при реконструкциях древнейших ритмических памятников и вообще в историческом стиховедении.

В конечном результате происходит выравнивание иктуса в пределах парадигмы. Обобщается всегда фонологически важное ударение, в данном случае новоакут, потому что в соответствии с основным законом диахронического изменения выравниванию подлежит не аллофон и не второстепенный признак аллофона, а только дифференциальный признак или, на уровне самостоятельных единии, фонема.

В этих трех закономерностях содержится суть акцентологических преобразований в позднем праславянском языке, если интерпретировать их фонологически. Можно утверждать, что именно Шахматову принадлежит открытие этих закономерностей и тем самым — создание основы современной славянской акцентологии, правда, с некоторыми оговорками.

Сам Шахматов, разумеется, не мог до конца осознать идею иерархии лингвистических единиц (фонема — аллофон) и иерархии фонетических изменений (разного типа фонологические и собственно фонетические изменения). Это вообще затрудняет интерпретацию шахматовских работ и извлечение из них рационального зерна. Очевидно, многие совпадения у современных исследователей с результатами шахматовских открытий не связаны с заимствованием у Шахматова, а являются вторично открытыми истинами. В акцентологических работах Шахматова неоднократно встречаются высказывания об интонационных различиях в безударных слогах, даже после образования фонологического ударения, о сверхкратких, кратких, полудолгих, долгих и сверхдолгих слогах как реально существовавшей фонетической характеристике и т. п. Все это издержки реконструкции на том этапе развития науки, когда пришлось работать Шахматову. И именно это сложное переплетение фонетических в узком смысле слова и фонологических фактов усложняет понимание шахматовских работ сегодня. Но удивительно другое, удивительно то, как, несмотря на это и вопреки этому, Шахматову удалось четко предвидеть самое существенное в составе различительных единиц языка и в их изменении. В докладе Р. А. Якобсона на V съезде славистов дана прекрасная интерпретация законов Шахматова с точки зрения современной акцентологической теории 10.

И во многих других случаях можно отметить аналогичную зависимость современных исследований от результатов, достигнутых Шахматовым.

¹⁰ См.: Р. О. Я к о б с о н, Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии (Поздний период славянской языковой праистории),

∢American contributions to the V international congress of slavists», The Hague, 1963.

Особенно наглядно это видно на тех фонологических работах, которые по времени недалеко отстоят от шахматовского «Очерка древнейшего периода

истории русского языка» (1915) и связанных с ним работ.

В 1925 г. Н. С. Трубецкой написал работу о фонетических диалектизмах в древнерусском языке, а в 1929 г. Р. О. Якобсон издал свое исследование по русской исторической фонологии (первое исследование по диахронической фонологии вообще, обеспечившее его автору по-четный титул «пионера диахронической фонологии») 11. Обе эти работы исходят не просто из фактов, собранных Шахматовым (а не другим исследователем, например, А.И. Соболевским, у которого попросту не было теории исторического изменения, хотя конкретных наблюдений и открытий он сделал больше, чем Шахматов); они исходят из системы Шахматова, из имплицитно вырисовывавшейся системы, созданной и фактом, и творческой интуицией Шахматова. Круг фактов, привлеченных к исследованию Трубецким и Якобсоном, точно повторяет законченную схему Шахматова; отличие заключается в том, что схему Шахматова, шахматовскую систему фактов они интерпретируют фонологически. За шахматовской системой фактов они увидели систему языка. За чисто внешним заимствованием фактологической структуры стоит и более глубинное заимствование методики: все ранние интерпретации Трубецкого и Якобсона не выходят за пределы синтагматической системы фонем, а ведь именно на этом уровне чисто эмпирически работал и Шахматов. Только значительно позже, начиная с тридцатых годов, те же ученые пришли к идее парадигматического, функционального, а затем и аллофонного моделирования. Говоря о заслугах названных и многих других современных ученых, не следует забывать о том периоде в развитии нашей науки, когда эта лавина открытий еще только начиналась. Качественный скачок в развитии исторического языкознания был подготовлен всем предшествующим периодом развития отечественной науки.

В работе Шахматова, таким образом, менее всего важна интуиция в обычном понимании этого слова — он слишком глубоко проник в сущность фактов и основных закономерностей их развития, чтобы не сделать тех определенных и окончательных выводов, которые и сделал. Пресловутая шахматовская интуиция — это не субъективные намерения ученого, а проекция тех же реально установленных фактов на те звенья прошлых систем, которые не могут быть объяснены с помощью фактов. Вот почему современная историческая фонология русского языка исходит именно из шахматовской фактологии: это осознанный и уже включенный в систему факт, а не набор интересных подробностей. Это система в готовом виде,

Любопытно, что современники Шахматова и современные ученые упрекали и упрекают Шахматова за прямо противоположные черты его научных работ. Современники видели недостаточность или недоказательность приводимых Шахматовым фактов, теперешние исследователи вменяют ему в вину чересчур активное пользование «интуицией». Это касается и фонетических, и акцентологических работ Шахматова. Так, М. Решетар и Д. В. Бубрих считали, что Шахматов строит свою теорию на недостаточно надежных и на редких фактах, а современные акцентологи склонны принижать значение шахматовских работ по той причине, что в них слишком

но еще не осознанная как система.

работе осознал системный характер диалектных различительных приз
11 N. S. Trubetzkoy, Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit, ZfSIPh, 1, 1925; R. Jakobson, Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, TCLP, II, 1929.

много «приписанных» закономерностей. Трубецкой в указанной выше

наков, выявленных Шахматовым, и подтвердил их достаточность для диагностики ареальных систем: наоборот, Селищев по-прежнему воспринимал проблему с фактологической стороны и упрекал Трубецкого за недостаточность положительных данных для построения «системы» 12. Истина. видимо, заключается в том, что для Шахматова не было в этом соединении факта и интуиции никакого противоречия; если ему приходилось пересматривать свои взглялы, он отвергал не какие-то конкретные факты или частные объяснения этих фактов — он отказывался от всего построения в целом. Значение Шахматова для современной науки состоит в том, что он своими исследованиями подготовил качественный сдвиг в осознании языковых фактов на системном уровне. Всю жизнь развиваясь сам, он не мог не оказать влияния на развитие столь дорогой для него науки.

 $^{^{12}}$ См.: А. М. С е л и щ е в, Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов, «Slavia», VII, 1, 1928.

Л. С. КОВТУН

основная идея шахматовской лексикографии

В период издания последнего (семнадцатитомного) академического Словаря вопрос о шахматовской традиции не терял своей остроты. Профиль академического словаря, предложенный в выпусках под редакцией А. А. Шахматова 1, вызывал и продолжает вызывать двойственное отношение: а) попытка создать thesaurus в применении к живому языку расценивается как утопия, замысел, который не может увенчаться успехом; б) шахматовский период русской академической лексикографии признается ее научной вершиной 2.

Итак, с одной стороны, неосуществимость замысла А. А. Шахматова, с другой — высокий научный потенциал выдвинутых им принципов описания словарного состава языка. Речь идет не о борьбе мнений: оба положения каким-то не совсем понятным образом сосуществуют, они ужились.

В очерке по общей теории лексикографии Л. В. Щербы З Словарь Шахматова нашел место в двух противоположениях: a) thesaurus — обычный (толковый или переводной) словарь, б) словарь академического типа — словарь-справочник. Автор стремится найти научный прицел шахматовского thesaurus'a. Раскрывая смыслоппозиции, он отмечает, что обычный словарь дает лишь правила (иначе: значения слова с иллюстрациями, подтверждающими толкования), словарь thesaurus — весь материал и «до известной степени» предоставляет читателю самому выводить из него значения. Очевидно, что последнее из положений не может быть отнесено к шахматовскому Словарю: его отличает стремление к детальной разработке семантики на базе материала, способного отразить реальное состояние языка. Это качество Словаря отметила Е. С. Истрина: «Словарные материалы, так вдумчиво и тщательно собиравшиеся Шахматовым, явились основанием "Словарной картотеки" Академии наук, которая насчитывает уже несколько миллионов карточек, непрерывно расширяется и служит богатым источником современной лексикографии» 4.

М.— Л., 1965—1970). ⁸ Л. В. Щ е р б а, Опыт общей теории лексикографии, в кн.: Л. В. Щерба, Избрработы по языкозпанию и фонетике, Л., 1958.

4 Е. С. Истрина, А. А. Шахматов как редактор словаря русского языка, ИАН ОЛЯ, 1946, 5, стр. 417.

¹ «Словарь русского языка», сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук. И (буквы Е. Ж., 3), 9 выпусков, первый из которых Е—железный (СПб., 1897) имеет теоретическое введение. Шахматов работал над словарем 12 лет (1895—1907).

² Акад. В. В. Виноградов не раз сообщал коллективу семнадцатитомного академического словаря, что зарубежные ученые предпочитают (там, где это возможно по составу букв) подъзоваться словарем Шахматова: они находят в нем ценные для славистики материалы. При обсуждении первых четырех томов семнадцатитомного Словаря (1948—1955) на расширенном заседании ОЛИ АН СССР Б. В. Томашевский отстаивал преимущества лексикографической конценцции А. А. Шахматова. Видный сербский лексикограф Митар Пешикан, гостивший в Ленинграде в 1969 г., на вопрос, уковистворяет ли его Большой академический словарь, ответил, что ценность его как словаря современного русского языка будет возрастать по мере издания сводного «Словаря русских народных говоров» [в настоящее время опубликовано шесть выпусков (А — гон), М. ц. 1965—1970)

Такова лексическая база Словаря. «Широкая картина значений и оттенков слова, прямых и переносных, широкая картина употребления слов, оборотов, выражений, продуманная система грамматической характеристики слова и общие строго научные установки "редакции Шахматова"...» ⁵ — таков уровень анализа слов в Словаре.

Заметим, что оценка разработки семантики в выпусках ІІ тома академического Словаря русского языка под редакцией А. А. Шахматова, данная Е. С. Истриной, известным советским лексикографом и ученицей А. А. Шахматова, не расходится с мнением придирчивого критика «шахматовской» редакции И. Х. Пахмана: «Никто, конечно, не станет порицать редакцию нового Академического Словаря, пишет он, за ее заботу всестороние разрабатывать каждое слово, доискиваться всевозможных оттенков его значения, приводить все встречаемые в литературе применения» 6.

Шахматов и его сотрудники не оставляли, как видим, «языковой материал» сырым, но, прежде чем подвергнуть его анализу и систематизации, они добивались фундаментальности той базы, на которой будут строиться обобщения. Это внимание к языковому материалу оценил Л. В. Щерба, видя в нем попытку изучения процессов речетворчества в области словоупотребления. Отметив, что шахматовский Словарь, видимо, и составлялся под знаком этих идей, Л. В. Щерба дает ему такую характеристику: «Он, конечно, не должен был быть настоящим thesaurus'ом, но максимум цитат был его основным принципом, а поскольку дело шло об "областном языке", постольку абсолютно все имевшиеся материалы обязательно вхолили в его ткань» 7.

Нельзя не согласиться с тем, что полноту материалов А. А. Шахматов ценил превыше всего и предела в этом отношении не ставил (в предисловии ко II тому он отмечает, кстати сказать, относительность достигнутых результатов) 8. Нельзя не согласиться и с тем, что широта документации словоупотребления - характерный признак «шахматовской редакции». Пусть вспомнят участники работ над последним академическим Словарем всю жесткость невыполнимого правила: показать вариации употребления слова в хронологической перспективе от Пушкина до наших дней в трех цитатах на каждое деление словарной статьи.

Другое противоположение Л. В. Щербы, где упомянут в качестве типичного примера Словарь А. А. Шахматова, характерно тем, что в основе академического словаря лежит «единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» 9, в то время как слова, описанные в словарях-справочниках 10, могут привадлежать разным коллективам, относиться к разным эпохам и «вовсе не образуют какой-либо системы» 11. Именно таков, по мнению автора, словарь Академии под редакцией А. А. Шахматова. Л. В. Щерба считал, что в основе подобных словарей в наше время лежит идея нации.

⁵ Там же.

⁶ «План нового академического словаря с точки зрения иноязычного. Записка И. Х. Пахмана», СПб., 1899, стр. 9, 10.

 ⁷ Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 74.
 8 Отом, какое значение А. А. Шахматов придавал собиранию «языкового материала», и об его осведомленности в источниках можно судить по отзыву, данному им о лая, а чо его осведомленности в источниках можно судить по отвару, даному им ссловаре украинского языка Б. Д. Гринченко и о материалах для словаря письменной и книжной южнорусской речи XV—XVIII вв. Е. Тимченко. Ср. «Отчет о присуждении премии Н. И. Костомарова за словарь малорусского наречия», СПб., 1906.

⁹ Л. В. Ще р ба, указ. соч., стр. 55. В качестве примера назван словарь французской Академии («Dictionnaire de l'Académie Française»).

¹⁰ Об уязвимости термина «словарь-справочник» ср.: Н. И. Фельдман, О специфике небольших двуязычных словарей, ВЯ, 1952, 2, стр. 13.

¹¹ Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 55.

Действительно, Словарь А. А. Шахматова — это словарь языка русской нации, но эпохи вполне определенной (нижний предел — язык времени Ломоносова); лексика, собранная в нем, не есть некий конгломерат, соединение разнородных материалов. И если признаком академического словаря счесть системность, как предлагает Л. В. Щерба, она может быть присуща и словарю языка нации. Академический словарь литературного языка в идеале должен содержать описание системных отношений словарного фонда литературного языка. Однако при всей значительности роли этого языка как языка общенационального он не автономен, так как сам входит в систему более сложного порядка (систему систем), которая покрывается понятием языка нации. Цементирующей основной языка нации, по идее А. А. Шахматова, служит живая речь.

Стремясь соблюсти хотя бы внешне связи преемства с I томом Словаря русского языка под редакцией Я. К. Грота (А—Д), А. А. Шахматов включает в предисловие ко II тому все те места из «Введении» к I тому, где упомянут живой разговорный язык, наполняя термины иным, более конкретным содержанием. «Назначение словаря быть истолковатолем живого языка...»,— пишет Я. К. Грот во «Введении» (стр. VI), понимая под этим лишь слова, не вышедшие из употребления. «В словаре появляются иногда и слова областные»,— говорится в том же «Введении» со ссылкой на трудность определения общеупотребительности слова (стр. V). Во «Введении» Я. К. Грота приведены слова И. И. Срезневского, где упомянут и разговорный язык: «Если авторитет употребления в языке письменном или разговорном стоит за то или другое слово», то, считает редактор I тома, независимо от его происхождения оно должно быть показано в словаре (стр. VI). цеясным остается, одпако, по каким источникам Академии собиралась

судить о состоянии разговорного языка.

В предисловии ко II тому А. А. Шахматов раскрывает, как бы досказывает каждое неотчетливое место из «Введения» к I тому, стремясь принципиально, а не половинчато решить вопросы, стоящие перед Словарем. Разница между академинами-редакторами в этом смысле огромная. «Отделение русского языка и словесности, - пишет А. А. Шахматов, - оставаясь при том положении, что в основу Словаря должен быть положен современный наш живой язык, решило обнять этот язык во всей его совокупности, т. е. включить в настоящее издание весь словарный материал, представляемый живыми говорами» (стр. VI). Нечеткий термин «общеупотребительный язык» он поясняет словами: «язык Москвы и Петербурга, центров нашей образованности» (стр. V), тут же подвергая сомнению общую употребительность означенного языка (во-первых, среди областных слов попадают нередко известные на большом пространстве России, но чуждые так называемому «общеупотребительному языку», во-вторых, русские писатели не только влагают слова местного происхождения в уста действующих лиц, но и сами охотно их употребляют). Тем самым подчеркнута связь между разными частями языка русской нации и отмечено воздействие народных говоров на литературный язык, указано на продолжающийся процесс развития литературного языка — отработку народных слов в лаборатории художественной литературы. Нельзя забывать, что крупнейшие писатели XIX в. стремились все теснее сблизить литературный язык с народным.

В оценке А. А. Шахматовым Словаря Даля— не только знак крутого поворота академической лексикографии (достаточно вспомнить полемику В. И. Даля с редакцией Словаря 1847 г., возглавляемой А. Х. Востоковым) 12. В этой оценке выражена суть замысла словарного предприятия

 $^{^{12}}$ «Словарь церковнославянского и русского языка», сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук, I, СПб., 1847.

самого А. А. Шахматова: «В словаре Даля впервые с м е ш а н ы два языка — язык письменный и живой язык современных "великорусских" говоров» (разрядка наша — Л. К.). (стр. VII). В этом А. А. Шахматов видел главную заслугу Даля, причем на нее указано как на прецедент, так как вслед за этим в «Предисловии» говорится, что новый словарь Академии приближается к словарь В. И. Даля «по своему объему и по своим задачам» (стр. VI). Для А. А. Шахматова важно было подчеркнуть эту близость двух словарей, проявляемую в доверии к словам из народной речи, но сейчас очевидно, что они весьма далеки по своему типу. Оба они заняли свое место среди лучших достижений русской лексикографии, но каждый — особое.

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля — это первый и пока единственный словарь русской разговорной речи; вряд ли кто-нибудь ищет в нем сведений по лексике письменного языка. Ценность Словаря Даля не в том, то он повторил за другими словарями, которые, как сказано в его «Напутном слове», «набирались из книг» 13, а в том, что он добавил к ним десятки тысяч слов из устного народного языка. В. И. Даль счел нужным особо отметить, что девять десятых собранной им лексики— «простые, обиходные слова», а не какие-нибудь «неслыханные областные выражения», причем в нем описана не только речь русского крестьянина, но и «русского горожанина из демократических слоев» 14, терминология и фразеология разных ремесел, цехов и профессий. Даль не записывал лишь разговорной речи образованных слоев общества, в нем нет, за редким исключением, и цитат из русских писателей.

Словарь А. А. Шахматова не таков. Правда, редактор считает необходимым положить в его основу живой язык ¹⁵, но убежден, что русский язык представляет собой синтез языка народного и письменного. «До сих пор можно с письменным языком обойти всю Великую Россию и Сибирь и всюду быть понятым народом; и до сих пор архангелогородец и курянин, не зная письменного языка, могут обойтись со своим родным наречием как в столицах, так и во всяком захолустье...» ¹⁶. Здесь выделено то общее, что спаивает отдельные части или проявления русского языка в язык нации.

Словарь А. А. Шахматова—это словарь языка русской нации в его единстве и сложности; в этом состоит основная идея шахматовской лексикографии. Словарный фонд русского литературного языка здесь на затерялся, но занял подобающее ему место, язык писателя отражен вплоть до частных употреблений (с пометой «встретилось у Толстого», «встретилось у Тургенева» и т. д.), включены, в отличие от І тома, редактированного Я. К. Гротом, даже церковнославянские слова, если их употребляют русские церковные писатели или если они встречаются в русском переводе Писания. Областные слова соотнесены с литературными. Научные и технические термины включены в объеме еще небывалом и им даны точные логические определения,

¹³ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, І, М., 1955, «Напутное слово», стр. XXVI.

¹⁴ В. В. Виноградов, Толковые словари русского языка, сб. «Язык газеты», — Л., 1943, стр. 380.

¹⁶ В письме Ф. Ф. Фортунатову 2 ноября 1895 г. и в Записке, которую Шахматов прочел в Отделении о программе словаря 16 ноября того же года, сказано, что для академического словаря есть два пути; первый из них — признать источником словаря письменный язык, второй — признать язык писателей лишь подспорьем при определении значения слов и их употребления, а источником словаря сделать живой русский язык; при этом задачей словаря является объяснение всех и всяких известных Второму отделению русских слов (Е. С. И с т р и н а, указ. соч., стр. 413).
16 Записка Отделению 16 ноября 1895 г. (Е. С. И с т р и н а, указ. соч.), указ. соч.)

⁵ Вопросы языкознания. № 2

принятые в той или иной отрасли науки и техники. Таким образом, филологически рассмотрены термины как целостная категория (этого нигде не сделано, кроме Словаря Шахматова), а не только те из них, которые, по впечатлению лексикографов, получили общее распространение или значения которых размыты при использовании в речевом обиходе. К основным русским словам приведены параллели из других славянских языков. Где это возможно, даны научные этимологии. Общирная документация значений состоит из литературных цигат, фольклорных и диалектологических записей. В подборе цитат там, где позволяют материалы, представлена история развития значения.

Современный русский язык для А. А. Шахматова — это одно состояний русского языка, к которому он пришел в процессе долгого развития. Идея синтеза не заслоняла для А. А. Шахматова специфики исторических периодов, а также и отличий в процессах развития отдельных частей этноязыка. Ведь именно А. А. Шахматовым «впервые намечены были четкие границы между общеславянской и общевосточнославянской эпохами», впервые «общая история русского языка отделена была от истории украинского и белорусского языков, впервые раздельно прослеживалась эволюция северновеликорусского и южновеликорусского наречий, выделена была и история литературного языка» 17. В. А. Ларину представлялось противоречием в научной позиции А. А. Шахматова то. что он «декларативно», как он пишет, «объединял в общем понятии "русского языка" и всю дисьменную традицию древней (Киевской) поры, и богатейшую письменность Московской эпохи, и все данные диалектов "великорусского" языка, современные и исторически засвидетельствованные», а на практике «он исследовал раздельно современный литературный язык и язык древнерусской письменности, диалекты на разных исторических этапах, и в особых работах или экскурсах — историю украинского и белорусского языков» ¹⁸. Но анализ не исключает синтеза, а предполагает или предопределяет его. Ведь только при синтезе возможно воссоздать ту историю русского языка, которую сам Б. А. Ларин характеризует как «смену систем», как «планомерные изменения в системе древнерусского языка по пути развития в современный русский язык» 19.

В шахматовской редакции академического словаря представлена идея синтеза отдельных частей современного языка русской нации. Она не может не стать жизненно необходимой русистике, особенно теперь, когда осознано значение исследований разговорной речи. Эти штудии волейневолей выводят за пределы литературного языка. Недаром проблемы соотнесенности этноязыка и литературного языка, проблемы социальной обусловленности развития литературной разговорной речи, се отношения к просторечию и диалектам (при современном состоянии языка и в генетическом плане) начинают занимать существенное место в проблематике нашего языкознания 20.

¹⁷ Б. А. Ларин, Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи, сб. «Очерки истории языка», Л., 1960, стр. 5. 18 Там же.

¹⁹ Там жэ.

²⁰ Особо отмечу работы Л. И. Баранниковой (монография «Русские народные говоры в советский период», Саратов, 1967; статы: «О внутреннем (диалектном) членении языка» (в сб. «Язык и общество», Саратов, 1967; «К проблеме социальной и структурной изменчивости диалекта» в сб. «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969; «Социально-историческая обусловденность места разговорной речи в общенародном языке» ВЯ, 1970, 3), а также статьи Б. Н. Головина, В. И. Собинниковой, О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой, Ф. Л. Скитовой, О. С. Мжельской и Л. А. Ивашко и др.

Обращение к деревенским диалектам имело огромное значение для исторического языкознания. Отмечая этот факт и связывая его главным образом с именем А. А. Шахматова, Б. А. Ларин в работах 20-х годов вводит понятие третьего круга явлений — городского просторечия и ставит проблему изучения состава и структуры языкового быта города как непосредственной лингвистической среды литературного языка ²¹. Когда в начале 60-х годов С. И. Ожегов вернулся к этим проблемам и попытался осмыслить происшедшие в стране за полвека социальные и языковые процессы, он высказал гипотезу об образовании двух форм национального языка литературной и обиходной. Различая понятия «язык нации» и «национальный язык», он вкладывает в этот последний термин уже не тот смысл, который придавал ему Л. П. Якубинский, поставивший в начале 30-х годов проблему соотношения национального языка с местными диалектами ²². Видоизменяя в соответствии с этим и термин «литературный язык». автор пользуется вместо него термином «литературная форма национального языка» 23. Важно отметить, что записи разговорной речи москвичей в обиходной обстановке, сделанные в эту пору, привели исследователя к мысли о том, что она существенно отходит от литературных норм, и он усомнился в том, что ее верно было бы именовать литературной разговорной речью. На это решились его преемники 24. Термин «литературный» оказывается наделенным новым содержанием, но каким же? Означает ли он, что влияние норм письменного языка на обиходную разговорную речь является решающим? С этим трудно было бы согласиться.

Следуя терминологии чешского ученого Й. Вахка, автор проспекта «Русская разговорная речь» Е. А. Земская высказывает положение о существовании двух русских литературных языков: один осуществляет «функцию непосредственной реакции», другой — «функцию продолжительной реакции» 25. Функционирование их в одном коллективе, как полагает автор, создает особый вид двуязычия. Единство современного русского литературного языка, по мнению автора проспекта, достигается «экстралингвистически — единством языкового коллектива, говорящего на двух названных литературных языках» 26. При всем этом оба литературных языка рассматриваются как самодостаточные системы. Разговорный литературный язык (иначе — разговорная речь) исследуется в отвлечении от диалектов и даже просторечия; под просторечием же понимается лишь неполное владение литературным языком. Под воздействием литературных норм разговорная речь изменялась (и, конечно, особенно интенсивно и широко в последние полвека), но все же развивалась она по своим законам в силу своей диалогической природы. Противопоставление диалог монолог многосторонне изучено в трудах Л. В. Щербы ²⁷. Если же значение термина «литературный» сводится к понятию «образцовый», а образповой обиходной речью признается речь лиц, владеющих литера-

²¹ Б. А. Л а р и н, К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок), «Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена», 1926, 1; е г о ж е, О лингвистическом изучении города», сб. «Русская речь», П.І. Л., 1928. 22 А. Иванов, Л. Якубинский, Очерки по языку, Л., 1932.

²³ «Всесоюзная конференция, посвященная закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тезисы докладов», Алма-Ата, 1962, стр.

²⁴ В Институте русского языка АН СССР группа сотрудников под руководством Е. А. Земской работает над темой «Русская разговорная речь». 25 E. A. Земская, Русская разговорная речь (проспект), М., 1968, стр. 9.

²⁶ Там же, стр. 10.

²⁷ Л. В. Щерба, О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языковнании, «Изв. АН СССР», 1931; его же, Современный русский литературный язык, «Р. яз. в шк.», 1939, 4; е г о _ж е, Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку), «Советская педагогика», 1942. 3-4.

турным языком, то не следует ли прежде установить степень существенности норм для разговорной речи в целом, а также степень расхождения норм в каждом ее отсеке.

Повернутая к живой речи, проникнутая историзмом и идеей синтеза всех компонентов языка напии, концепция академического Словаря А. А. Шахматова становится особенно значительной для современного

этапа русистики в целом и лексикографии в частности. Словарь А. А. Шахматова не раз понвергался критике. Указывалось. что совмещение областных и литературных слов и значений «не могло не отразиться на стилистической перспективе словаря, сильно ее затемняя и спутывая» 28. Отмечалось, что объединение неоднотипных материалов отравилось и на истолковании слов: «невозможно было уловить смысловые особенности областного слова с такой же точностью, как и литературного» 29, И это понятно: значения областных слов менее отработаны или, что то же, более диффузны. Несомненно и то, что всякое объединение ведет к потерям, к утрате чего-то специфического. На современном этапе анализа, видимо, необходим не один словарь, наподобие «шахматовской редакции», а комплекс словарей, синтезирующих показания письменных и устных источников. Это позволило бы по-новому подойти и к материалам литературного языка, к вопросам его стилистической дифференциации, и прежде всего — реально установить его активный и пассивный словарный запас.

В заключение хочется вспомнить слова, сказанные Е. С. Истриной: «Надо думать, что придет время, когда научная мысль снова вернется к "редакции Шахматова", когда осуществятся в обновленном виде его широкие замыслы и строгие научные требования» 30.

 ²⁸ В. В. В и н о г р а д о в, Толковые словари русского языка, стр. 385.
 ³⁹ Там же, стр. 386.
 ³⁰ Е. С. И с т р и н а, указ. соч., стр. 447.

материалы и сообщения

в. м. живов

ТИПОЛОГИЯ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Сочетаемость согласных в различных языках подчинена достаточно строгим ограничениям; при типологическом сопоставлении обнаруживается ряд закономерностей 1. позводяющих говорить о более и менее сложных синтагматических системах в различных языках, о более и менее сложных типах сочетаний согласных. При таком подходе, однако, возникает ряд трудностей, связанных с невозможностью построения какой-либо эталонной системы групп согласных, относительно которой все реально существующие системы будут рассматриваться как последовательные ее упрощения. Одна из основных трудностей такого построения — отождествление отдельных фонем и групп фонем в различных языках. Возможность построения такой эталонной системы мы в значительной степени получаем, переходя от типологии языков вообще к типологии близкородственных языков или диалектов одного языка. В типологии диалектов одного языка мы можем для идентификации фонем и сочетаний фонем обращаться к уровню значимых единиц. В то же время в типологии диалектов с большим правом, чем в типологии языков, можно предполагать общность определенных артикуляторных навынов их носителей.

Было бы интересно исследовать системы групп согласных различных говоров русского языка и сравнить их в их полном объеме. Такая задача, однако, в настоящее время совершенно нереальна, так как для этого необходимы полные грамматики и словари всех говоров 2, а не описание отличий их от литературного языка. Нереальна и более скромная задача определения и типологии всех видов упрощения максимально полной системы по говорам, поскольку существующие работы в большинстве своем не содержат описания всех случаев изменения групп согласных, даются только примеры на отдельные изменения; таким образом, даже и отличия от литературного языка редко описаны в полном объеме. При этом часто остается неяспым, последовательно ли изменяется данная группа согласных или изменение ограничено отдельными примерами. Не пытаясь дать такого описания, мы стремились лишь поставить проблемы, с ним связанные, и наметить пути его создания. Работа основана только на данных опубликованных исследований и материалов. Выводы, в ней содержащиеся, верны поэтому

1 См.: Дж. Гринберг, Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных, ВЯ, 1964, 4.

² О проблемах составления полного инвентаря групп согласных см.: С. М. Т о л-с та я, Начальные и конечные сочетания согласных в славянских языках. Автореф. канд, диссерт., М., 1968, стр. 6—7. Для диалектов дополнительная трудность состоит в определении нормы произношения для данного диалекта.

лишь в той мере, в которой рассматриваемая совокупность описаний отражает реально существующее положение вещей; все это обусловливает сугубо предварительный характер сделанных выводов. Тем не менее даже и такое предварительное исследование дает известное представление о круге явлений, связанных с проблемой, и о соотношении этих явлении. Проверка высказываемых здесь гипотез требует не столько большего числа описаний, сколько описаний более полных и последовательных 3.

Прежде чем сравнивать различные изменения групп согласных в говорах русского языка, необходимо остановиться на самом понятии и з м енения группы согласных может преобразовываться в результате изменения одного из своих компонентов, изменения, не связанного с его вхождением в данный тип групп согласных, т. е. в том случае, когда изменение затрагивает данный звук в любом контексте или в определенной позиции (начало, конец) в слове (например, преобразование using us

Есть, видимо, случаи (см. ниже), для которых провести границу довольно трудно. Так, мы можем знать, что определенный процесс (например, переход s сопорного в фрикативый) во всей совокупности говоров не связава непосредственно с вхождением этого звука в определенные сочетания согласных (например, в начале слова), однако в отдельных говорах можно найти y на месте литературного s или ϕ только в начале слова перед некоторыми согласными ($y\partial o a a$, y u y w), а это можно связывать с неудобством для системы появления такого рода групп согласных ($s\partial$, sn). Представляется, однако, целесообразным рассматривать такие случаи в связи с процессом наменения данного ввука вообще, а не специально как наменение групп согласных. Когда мы говорим об изменении, естественно возникает вопрос, что мы понимаем под эталоном морфофовологическая запись, наиболее полная система, офорграфическая норма литературного языка или разумно выбранное прасостояние. Избирать в качестве такого эталона орфовическую ворму литературного языка нам кажется хотя и возможным, однако нежелательным.

Другие же изменения обусловлены артикуляторным или системным неудобством данной группы и понимаются как изменения группы согласных как целого (например, отпадение m, m' в конечных группах cm, c'm'). Только эти последние изменения и будем рассматривать.

Вопрос о слежных, неудобных для системы, типах групп согласных разумно решать сначала для начальных и конечных (в слове) групп согласных, поскольку срединные (интервокальные) сочетания могут распределяться по разным слогам, в связи с чем возникают специфические проблемы. Для определения степени сложности группы согласных нужно рассматривать типы групп согласных и, следовательно, нужно установить, какие группы согласных относятся к одному типу, а какие — к разным. Дело в том, что принятая в такого рода описаниях фонетическая классификация фонем (смычные, спиранты и сонапты) не вполне удовлетворы тельна, так как две фонемы, входящие в один фонетический класс, могут иметь весьма разную дистрибуцию, и, наоборот, две фонемы, входящие в

³ В работах по консонантной ситагматике это обстоятельство не раз отмечалось см., например: В. Г. О р л о в а, Губные спиранты в русском языке, «Труды Ин-та русского языка», II, 1950; Е. Г. Б у р о в а, Диалектные изменения и замены к при сочетании его с последующим взрывными согласными, «Очерки по фонетике севернорусских говоров», М., 1967, стр. 213; А. К. В а с и л ь е в а, Об изменении сочетаний согласным ен и мн по говорам русского языка, там же, стр. 229—230. Единственная программа, достаточно обстоятельно разрабатывающая эти вопросы, — «Программа для собирания особенностей великорусских говоров» В. И. Ч е р ы ш е в а (Сб. ОРЯС, 68, 1, 1900), но ответов на эту программу весьма немного.

разные классы — обладать дистрибуцией весьма сходной. Так, например, во многих славянских языках фонема | m | дистрибутивно довольно отчетливо противопоставлена другим сонантам, приближаясь (опять же по своей дистрибуции) к шумным смычным.

Так, в болгарском языке возможны следующие начальные сочетания с сонантом в качестве первого члена rv, nr, mr, mr, ml, ml, ml, mn, в екавском наречия сербскохорысткого языка — rj, mj, mr, ml, ml', mn, mn', особенно же ясно в экавском — mr, ml', ml', mn, mn', s то же время начальные сочетания с последующим сонантом наиболее характерыы для смычных s. ml' по своей дистрибуции отличается от других сонантов и в русском литературном языке—ср. хотя бы начальные трехэлементные группы с сонорным в качестве первого члена (s'c'm, sd', sd',

Поэтому говорить о типах групп согласных следует не на основе классификации фонем по их дистрисофиции. Эта классификации основана на измерении степени фонетического сходства окружений различных фонем: две фонемы попадают в один класс, если фонетическое сходство их окружений больше среднего 5 . Применяя эту процедуру к русскому литературному языку, получаем следующие результаты: $|\mathbf{m}| |\mathbf{n}'| |\mathbf{m}'|$ войдут в один класс с шумными смычными, $|\mathbf{n}| |\mathbf{n}'|$ $|\mathbf{n}'|$ составят отдельный класс, отличный от класса фонем $|\mathbf{r}|$, $|\mathbf{r}'|$, $|\mathbf{r}|$ в отдельный класс выделятся фонемы $|\mathbf{v}|$, $|\mathbf{v}'|$, с одной стороны, и фонемы $|\mathbf{s}|$, $|\mathbf{s}'|$, $|\mathbf{r}|$, $|\mathbf{r$

Можно говорить о том, что один тип сочетаний согласных удобнее (перархически выше в системе), чем другой, не обращаясь к сравнению языков, но оставаясь в пределах одного языка 7. Для этого обращаемся к следующим критериям: (1) из двух типов сочетаний иерархически выше тот, для которого больше отношение числа реально отмеченных групп согласных к числу теоретически возможных для данного типа; (2) из двух типов сочетаний иерархически выше тот, который представлен большим числом сочетаний; (3) из двух типов иерархически выше тот, который отмечен не только в двух-, но и в трехалементных сочетаниях. Понятие фонетической трудности в ряде случаев весьма неопределенно, в типологии неродственных языков становится и вовсе туманным, иерархическая система описанного типа дает нам один из возможных формальных коррелятов этого отношения. Можно ожидать, что различные упрощающие процессы в будут прежде всего воздействовать на «трудные» (иерархически низкие) сочетания и лишь потом — на более высокие. Было бы, видимо, неверным предполагать, что упрощение определенного типа сочетаний всегда предполагает упрощение всех других нижестоящих типов того же иерархического

⁴ С. М. Толстая, Начальные и конечные сочетамия согласных в славянских языках. Канд. диссерт., М., 1968, стр. 297—305, 345, 365—370. О чешском языке в этом аспекте см. там же, стр. 195.

⁵ Описанию формальной процедуры, устанавливающей такую классификацию, посвящена наша статья «Иерархические отношения согласных в синтагматике» («Публикации Лаборатории вычислительной лингвистики МГУ», в почати).

⁶ Конечно, нельзя а priori утверждать, что такая классификация свойственна всем говорам русского языка, поскольку она основана на определенном инвентаре групп согласных, а он от говора к говору меняется. Однако мы будем считать эту классификацию исходной.
⁷ Ср. внутриязыковое понятие «fonction primaire» и «secondaire» у Е. К у р и л о-

^{&#}x27;Ср. внутриязыковое понятие «fonction primaire» и «secondaire» у Е. К у р и ловича в статьях: «La notion de l'isomorphisme» и «Contribution à la théorie de la syllabe», в его кн.: «Esquisses linguistiques», Wrocław — Kraków, 1960, стр. 24, 227.

⁸ Мы будем говорить об упрощении групп согласных в широком смысле, понимая под упрощением начальной или конечной группы всякое изменение, приводящее к тому, что группа перестает существовать в своем качестве начальной или конечной, в том числе и в случае, когда при появлении протетической гласной группа распределяется по развым слогам.

ряда. Часто вернее более слабое утверждение, именно: если определенный фонетический процесс (например, протеза гласного) воздействует на ряд типов одного иерархического ряда, то, воздействуя на более высокие, он возлействует и на более низкие.

Рассмотрим теперь, какие начальные и конечные группы согласных упрощаются в говорах русского языка. К трудным начальным групнам должны быть прежде всего отнесены сочетания сонорных (р, р', а, л', отчасти м) с последующим согласным. Упрощение этих сочетаний широко распространено, появляется протетическая гласная (аржаной, оржаной, ильны), происходит вставка гласной (ражаныя) в. (В этой же связи можно рассмотреть и формы, в которых отсутствует чередование гласного с нулем звука — типа лоба, моха, хотя сохранение их обусловлено, скорее всего, морфологическими факторами.) К иерархически низким относятся сочетания смычного со смычным или с аффрикатой и смычного с сибилянтом — пт., пт., га., гд., гд., гд., пс., пск., пш., кс. 10. При упрощении этих сочетаний может опускаться первый элемент (плица, плишка, гд.де, гл./гсаломицик, пл./скопской, плишеница). Первый элемент может заменяться другой фонемой (мтица, мтишка, меса 11).

Дистрибуция м близка дистрибуции шумных смычных, однако полностью с нею не совпадает, поэтому м может быть отнесен к периферпи класса смычных, и данная замена истолкована как упрощение и объяснена как соотнесение элементов (грушпа согласных), периферийных для системы в целом, с периферийными элементами (фовема класса. Объяснено как возникновение побочного слога на месте труднопроизносимой группы согласных, ср. в этой связи развитие здесь полного слога (протеза гласного) — омейльник, Омейльно 12. Быть может, впрочем, здесь аналогия с омшении, омшанник.

Перед группой рассматриваемого типа может появляться протегический гласный $(u \circ \partial e)^{13}$. Подвергаются упрощению и группы $\partial a'$, cma, ∂h , $\partial h'$, которые, видимо, можно отнести к трудным, так как им свойственна определенная асимметрия (нерегулярность — отсутствие ∂a , ma, cma',

⁹ См.: Е. Б у д д е, К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском у. Рязанской губ., Казань, 1896 (далее — Гов. Касим.)

¹⁰ Мы не обнаружили сколько-нибудь последовательного упрощения группы тъ-Известные нам примеры иткала (от «ткатъ», см.: П. Ф. К а л а ш н и к о в. Фонетческие особенности говоров «Семейских» Забайкалья, «Уч. зап. МОПИ», 163, 12, 1966, стр. 323; далее — Гов. Забайк.); тажём (В. М. Ч е р н ы ш е в. Несколько сведений о быте и говоре «шуваликов» Верейского у., ИОРЯС, 10, 2, 1905, стр. 369; далее — Гов. шуваликов). Соотношение ткнуть — тыкнуть и под. имеют, видимо. нефонетический источник и поэтому здесь не рассматриваются.

¹¹ Другие примеры: xm (изменению к перед взрывными в предложиопадежных конструкциях посвящено указ. соч. Е. Г. Буровой), γde — различные произношения замены в перед смычными проижным впримо, рассматриваться в связи с суцьбой z/γ в русских говорах; ude — такая замена зафиксирована в речи стариков в Кашинском у., причем u — глухой носовой (И. Т. С. м. п. р. н. ов. Кашинский говор. Сб. ОРЯС, 77, 9, 1904, стр. 38, далее — Кашин. гов.), сту замену можно объяснить, видимо, как возникловение побочного слога на месте трудной группы согласных: В дое вместо Pdos—см.: В. И. Чер ны шев, Псковское паречие, «Изв. комиссии по русскому языку», Г. М.— Л., 1931 (далее — Псков. нар.) (д. Сабежи Псковского у.); фимиица — см.: Г. С. В и н о г р а д о в, П. Я. Чер ны х. Русские говоры центральной части Тулунского у. Иркутской г., Иркутск, 1924, стр. 10.

¹² См.: Н. Виноградов, О народном говоре Шугненской в. Костромского у., Сб. ОРЯС, 77, 8, 1904, стр. 33 (далее — Гов. Шугн. Костром.).

¹³ Здесь же, видимо, могут быть рассмотрены и широко распространенные формы типа пъшеница, пъчела, пъсалом (см. ниже). Если думать, что мы наблюдаем здесь древний редуцированный (впрочем в этом случае, естественнее было бы ожидать формы бъчела), его сохранение могло бы объясняться стремлением избежать трудного стечения согласных.

 $m\mu$, $m\mu'$), нехарактерная для других групп этих типов. Типы изменений — гле, гля, ли 14 , зля 15 , глинный, слать, нно, нни, гнём, гно 16 .

К трудным сочетаниям согласных следует отнести и группу np. Типы изменений — $n\partial pas$ ¹⁷, мрав, рнав, инравиться, индравиться, ирпавиться ¹³, $\partial pasumye$ ¹⁰, n-pas ¹⁰ (хотя, может быть, последнюю форму следует рассматривать как подногласную).

Вставка смычного в группы *ср. зр* интерпретируется как переход к иерархически более высокому сочетанию, поскольку тип «сибилянт плюс смычный» выше типа «сибилянт плюс плавный» и тип «смычный плюс плавный» за правений» за правений пр

Мы не рассматриваем здесь ряд изменений, характерных для начала слова. Опущение фрикативного элемента в группе зн- наблюдается в формах глагола залать ²³, что может быть связано с особенным (блажим модальной частине) характером употребления этого глагола. К иерархически низким относятся и группы с начальными \hat{g} , g ($\hat{g}m$, $\hat{g}u$, $\hat{g}v$, $\hat{g}s$, gs, gs

Перейдем к рассмотрению конечных групп согласных. Наиболее широко распространено явление упрощения групп типа «согласный плюс сонорный» (p, p', a, a', u, u'). Упрощение этих групп происходит за счет опушения сонорного $(\kappa apan, \kappa apan'$ «корабль», жыс'), замены носового смычным $(\kappa \kappa w' m', \delta o a' e c' m')$.

¹⁴ Отмечено в работе: А. И. И в а и о в а, Фонетика говоров Сдободского р. Смоденской обл., «Уч. зап. Смоденск. пед. ин-та», II, 1953, стр. 137 (далее — Гов. Смоденск).

¹⁵ См.: А. И. Сахаров, Язык крестьян Ильинской в., Болховского у. Орловской губ., Сб. ОРЯС, 68, 5, 1900.

¹⁶ См.: Г. С. В и н о г р а д о в, Замечания о говорах Тункинского края, Иркутск, 1926, стр. 13 (далее — Гов. Тунк.).

¹⁷ Такое изменение может быть признано упрощающим, поскольку группа $n\partial p$ имеет дихотомическое разложение (см.: I. K и r y I o w i c z. Uwagi o polskich grupach spółgłoskowych, в кн.: «Езquisses linguistiques», стр. 224 p. p и таким образом отходит к особого рода периферийным сочетаниям. Возможное фонетическое объясление — возникновение побочного слога на месте трудной группы согласных (ср. формы с протегической гласной).

¹⁹ Формы с метатезой и протезой отмечены у В. И. Чер ны шев а («Материалы для изучения говоров и быта Мещовского у.», Сб. ОРЯС, 70, 7, 1901, стр. 66, 74, 159; далее — Гов. Мещов.). Форму с протезой см. еще: Гов. Забайк., стр. 323.

¹⁹ Карпогорская в. Архангельского у. (см. «Труды комиссии по диалектологии русского языка», 11, Л., 1930, стр. 8).

²⁰ См.: Гов. Смоленск., стр. 124; О. Б р о к, Говоры к западу от Мосальска, Пг., 1916 (далее — Гов. Мосал.), § 134 ответа на программу по селам Кобылье Спасское и Котово.

²¹ Этот результат получаем применением третьего критерия (о протяженности группы, см. стр. 71) при непротиворечащих данных первых двух. Группы мотивированные, по терминологии Е. Курпловича («Uwagi...», стр. 224—225), т. е. те, через которые проходит морфемный шов, при этом не рассматриваются. Встречаются и другие изменения этих групп, например, жорут, форма с протезой озрач'ок (см.: В. Н. С в е т л о в а, Говоры восточных районов среднего Урала. Автореф. канд. диссерт., М., 1965, стр. 14; далее — Гов. Урала).

²² Один раз нам встретилась форма начить «значить»: В. И. Чер н ы шев, Сведения о народных говорах некоторых селений Московского у., Сб. ОРЯС, 68, 3, 1900, стр. 20 (далее — Гов. Моск.)

²³ См.: В. Г. Орлова, указ. соч.

Для этих изменений легко уточняется понятие лексикализованности, именно, если при словоизменении полобных слов находим неизменную форму (жираф — жиравля, жысть — жизни), мы имеем дело с нелексикализованным процессом, в противном сдучае (жураф — журафа, жысть — жысти) — с лексикализованным. Лексикализованность понимается при этом как невозможность для данной формы путем внутренней реконструкции получить праформу. Нас должны интересовать прежде всего нелексикализованные изменения. К сожалению, данные многих описаний не позволяют установить, с какого рода явлением мы имеем дело.

В ряде говоров к устранению таких групп приводят фонетические процессы сложные, видимо, по своей природе. Ср. формы с гласным после консонантной группы (жызня, Пётра, Лександра, ноябри 24), в середине группы (жизень, журавель, игор — род. падеж мн. числа от игра, в кратких прилагательных добёр, щедир).

Широко представлено и упрощение конечных групп с'm', ст (отпадение смычного) ²⁵. Здесь же следует, вероятно, рассматривать и такие явления, как упрошение группы см (пас из пасм), зм (рематис из ревматизм), хт $(mpax \text{ из } mpakm^{26}), \phi m'/xm' (юхоть из юфть — Кашин. гов., стр. 31).$

Некоторые процессы характерны только для заимствованной лексики. В ряде говоров упрощаются конечные группы типа «смычный плюс смычный», чаще всего приставкой гласного (продукта вместо продукт), однако возможны и другие изменения (факът, акът, пунк, рыцеп, фак ²⁷, отметим еще форму Венедик — Кашин. гов., стр. 56, 69). Интересна судьба сочетаний типа «н плюс согласный». Эти сочетания, будучи по своему фонетическому типу («сонорный плюс смычный») вполне легкопроизносимы, абсолютно чужды исконно русской системе сочетаемости согласных. Особо неприемлемы сочетания нк. нг из-за отсутствия в русском задненебного носового. Эти сочетания подвергаются в ряде говоров упрощению (примеры: банок, банка вместо банк, митинок вместо митинг, танка вместо танк 28). См. в этой связи широко распространенное упрощение имени Александр (олексан, лексан), лишь в одной из известных нам работ приводится форма òl'oksant 29. Быть может, впрочем, это результат аналогических процессов, связанных со словообразовательным типом, - определить причину однозначно невозможно. Вероятно, однако, что и редкость рассматриваемого словообразовательного типа обусловлена (если добираться до первоисточника) фонологическими причинами. Что же до группы -нт, то она зачастую появляется в заимствованных словах на месте этимологического μ (реже m), выделяя эти слова в особую, периферийную (по фонетическому облику) часть лексики - «чужие слова» 30.

²⁴ Формы akt'abri, nzjábri, d'ikabri отмечены О. Броком в окрестностях Силькович (Гов. Мосал., стр. 101).

²⁵ Конечное ск., видимо, упрощения не претерпевает. См., впрочем, форму верес (вереск), отмеченную В. И. Чернышевым (Псков. нар.) в письменной работе ученика Владимиро-Выборгского земского училища.

²⁶ В говоре семейских трах, контрах (см.: А. М. Селищев, Диалектологический очерк Сибири, Иркутск, 1921, стр. 77, 227; далее — Диал. Сиб.).

²⁷ И. Г. Долгачев, Бударинские говоры, «Уч. зап. Волгоград. пед. ин-та», 14, 1961.

²⁸ См.: Гов. Урада, стр. 14; В. Н. Светлова, Фонетические особенности некоторых говоров восточных районов Свердловской обл., «Уч. зап. Тюменск. пед. ин-та», 1, 1960; «Материалы для изучения великорусских говоров», ІХ, Сб. ОРЯС, 87, 5 с. Яреньга Никольского у. Вологодской губ.; А. Молотилов, Говор русского старожилого населения северной Барабы, «Труды Томского об-ва изучения Сибири»,

^{11. 1, 1913 (}далее — Гов. Барабы).

20 С. А. Е р е м и н. Описание Уломского и Ваучского говоров Череповецкого у. Новгородской губ., Сб. ОРЯС, 99, 5, 1922, стр. 22 (далее — Гов. Череп. Новг).

30 Распространены гиперкорректные формы крант, плант, климант, зкамент, реже резонт, ренгент, романт, партизант. См.: В. Мансик ка, О говоре Шен-курского у. Архангельской губ., ИОРЯС, 17, 2,1912, стр. 103 (далее — Гов. Щенкур.); Н. М. В а с н е п о в, Материалы для объяснительного областного словаря Вятского

Среди консонантных сочетаний в интервокальных позициях следует различать те, через которые слогораздел проводится однозначно, и те, для которых такой однозначности нет. В первом случае сочетание согласных как такое вообще отсутствует 31. В этом случае можно говорить о неудобной последовательности слогов. К наиболее удобным следованиям относится такое, при котором предыдущий слог оканчивается сонорным, а последующий начинается смычным, к наименее удобным такое, при котором в обеих обозначенных позициях стоят смычные. Последний случай находим в таких словах, как свадьба, усадьба, ведьма, кладбище. Их упрошения сварьба, свальба, усарьба, вельма, кларьбище широко распространены в севернорусских и части среднерусских говоров 32.

Форма свальба распространена в б. Вятской губ. и прилегающих к ней районах, на Урале и в Сибири 33. Судя по приводимым данным, изменение

говора, Вятка, 1907 (далее — Вятск. гов.); В. М. Попов, Замечания о северо-смо-ленских и ржевских говорах, ИОРЯС, 18, 3, 1913; Кашин. гов. стр. 66; Н. Н. Дурпенских и режеских говорах, поглед, 3, 1913; кашин. гов. стр. об; н. н. д. у рен о в о, Описание говора деревни Парфенок Рузского у., Варшава, 1903, стр. 102 (далее — Гов. Рузск.); Гов. Моск., стр. 52; Гов. шуваликов; Е. П. Г р у ш е в с к а я, Фонетические особенности говора Зайковского р-на Свердловской обл., «Уч. зал. Уральск. гос. ун-тав, 20, 1958, стр. 67 (далее — Гов. Зайк. Свердл.); Гов. Барабы; А. И. С а х а р о в, указ. соч., стр. 5; К. Ф и л а т о в, Очерк народных говоров Воронежской губ., РФВ, 37—39, 1897—1898, стр. 312 (далее — Гов. Воронеж.); И. Г. д о л г а ч е в, указ. соч., стр. 93; И. С и л о с и и, Материалы для этнографии Астраханского крал, РФВ, 63, 1, 1910; А. Грандилевский отмечает форму пажент (пакет) (см. его «Родина М. В. Ломоносова», Сб. ОРЯС, 83, 5, 1907; далее — Род. Лом.).

31 См.: С. Б. Бериштейн, Кистории слога в праславянском языке, «Сла-

вянское языкознание», М., 1963, стр. 63.

32 См. Б Прушевская, Некоторые особенности красносельского говора, «Scando-Slavica», VIII, 1962— б. Выборгская губ.; Н. Белоруссов, Обособенностях в языке жителей Вологодской губ., РФВ, 18, 3—4, 1887— Тотемский у.; Б. и Ю. Соколовы, Говор южной части Белозерского у. Новгородской г., «Труды Московской диалектологической комиссии», 2, 1910, стр. 60; В. Мансик ка. Говор Грязовецкого у. Вологодской г., там же, 3, 1914, стр. 76 (далее — Гов. Грязов.); М. А. Синозерский, Оговоре жителей Левочской в. Боровичского у., «Живая Старина», 3-4, 1895; Кашин. гов., стр. 34; Гов. Моск., стр. 18; Гов. Рузск., стр. 97; С. А. К о п о р с к и й, О говоре севера Пошехоно-Володарского у. Ярославской губ., С. А. К о п о р с к и й, О говоре севера Пошехоно-Володарского у. Ярославской губ., «Труды Ярославск. пед. ин-та», II, 3, 1929, стр. 31; О. А. Д е р ж а в и н а, Говор г. Углича Ярославской г., «Труды компесии по диалектологии русского языка», 9, 1927, стр. 101; Ф. П о к р о в с к и й, О народных говорах северо-западной части Костромской г., «Извая Старина», 3—4, 1898 (далее — Гов. Костром.); е г о ж е, О народном говоре Чухломского у. Костромской г., там же, 3, 1899; П. О. П и л а ш е вс с к и й, Материалы по изучению говоров Нижегородской г., «Изв. Нижегородск. гос. ун-та», 2, 4, 1928, 1930 (далее — Гов. Сем. Нижегор.); Ф. П о к р о в с к и й, Образцы народного говора Нижегородской г., «Кивая Старина», 1, 1911 — Макарьевский и Арзамасский уу.; И. Я ш т а й к и н, Песни и рассказы, записанные в д. Алексеевской слободе Курмышского у. Симбирской г., «Варшавские университетские известив», 1, 1914 — Курмыш, Симб.); «Материалы для изучения...», IX — Галит. Кост-9, 1914 (далее — Курмыш. Симб.); «Материалы для изучения...», ІХ — Галич, Костромской г., «Материалы...», ХІ, Сб. ОРЯС, 99, 3, 1921 — г. Муром и села на левом берегу Оки, с. Вача Новосельской в. Муромского у. Владимирской г.

⁸³ См. по Вятской губ. «Материалы», IX — с. Кизнерь Малмыжского у., с. Пышак Орловского у., с. Нагорское Слободского у., Кадамская в. Яранского у.; А. Г. М и л ьчакова-Ивакина, Описание говорад. Ивакино, д. Содом, д. Ерши Юмской в. Котельнического у. Вятской губ., «Труды Вятск. пед. ин-та», III, II, 1928 (далее — Гов. К. Вятск); Е. П. Л у п п о в а, Говор Куменской в., «Труды Вятского гос. музея», I, 1927, стр. 72— Вятский у.; Вятск. гов. В прилегающих областях— «Материалы», IX— с. Яреньга Никольского у. Вологодской губ.; Л. И. Чагина, Е. А. Бахм у т о в а, Л. П. С м о л я к о в а, Практические занятия по русской диалектологии, Блабуга, 1964 (далее — Р. диал.) — Аскинский р. БАССР, Заинский р. ТатАССР; В. А. Малаковон делем в р. диал.) — Аскинский р. БАССР, Заинский р. ТатАССР; В. А. Малаковский р. ТатАССР; В. Малаковский р. ТатАС сварьба и свальба отмечено в работе В. Мансик и «Заметки о говоре Никольского

у.» (ИОРЯС, 19, 4, 1914, стр. 210).

группы этого типа не характерно для западных говоров (исковских, западноновгородских, ржевских, смоленских) и для говоров поморских и олонецких. Южнорусским говорам это явление также не свойственно.

В том случае, если интервокальное сочетание может быть по-разному распределено по слогам без нарушения слоговой структуры, создается неопределенность в слогоделении. Можно ожидать, что для избавления от этой неопределенности в интервокальных группах согласных произойдут некоторые изменения ³⁴. С этой тенденцией может быть связана известная ассимиляция сочетаний дн, бм, бв, которые по своему типу («смычный плюс сонорный») могли бы быть отнесены к одному слогу, но которые в то же время представляют собой трудные или невозможные начальные структуры. Этой же тенденцией могут быть вызваны упрощения интервокальных сочетаний ддн, сти, сти, з'д'б, сти, сти, сти, с'm'й, ств. Яркий пример проявления этой тенденции находим в упрощении срединного сочетания -pmp'- (патрет из портрет) ³⁵.

Рассмотрим теперь, как распределены по говорам различные способы упрощения групп согласных. Начальные групп упрощаются за счет приставки и вставки гласного, опущения, замены и вставки согласного. Метатеза — явление в русских говорах крайне редкое ³⁶. Можно считать, что первичная функция протезы гласного — упрощение сочетаний типа «сонорный плюс согласный».

Во многих говорах встречается протеза не только перед этими групнами, но и перед одиночными согласными и группами тила ста, стр 37. Это, однако, не противоречит намему утверждению. По использованным данным, во всех тех говорах, в которых имеется протеза не перед рассматриваемыми группами, имеется протеза и перед рассматриваемыми группами. Исключение представляет протеза в словах опосла, окрома, офтормик, порою уноминающаяся в описаниях, в которых никаких других случаев протезы не упоминается. В первых двух случаях, однако, можно предполагать нефонетический источник изменения, в последнем, видимо, имеем дело с одням из побочных результатов перехода $w \to \theta$, причем с результатом лексикализованным (протезы в слове второй нам ни разу не встретплось).

Протеза перед сочетаниями типа «сонорный плюс согласный» свойственна всем диалектным группам русского языка, но в разном объеме. Иерархически наиболее низкие группы этого рода — это сочетания сонорного с

становке звуков в словах, Уральск, 1963).

37 См.: Ф. П. Филин, О жексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах, сб. «Лексика русских народных говоров», М.—Л., 1966.

³⁴ Cm. of этом: B. H á l a, La syllabe, sa nature, son origine et ses transformations, «Orbis», X, 2, 1961, crp. 126.

³⁶ См. Гов. Шенкур., стр. 104; Гов. Рузск., стр. 108; Гов. Моск., стр. 21; И. А. К а ни и н. Усень-Ивановский говор БАССР в его отношении к другим говорам русского языка, «Уч. заи. Казанск. ун-та», 115, 9, 1955, стр. 141; В. Т и м о ф е е в. Некоторые заметки по говору с. Мехонского Курганской обл., «Уч. заи. Шадринск. пед. пн-та», 1959, стр. 198; Гов. Барабы; М. Г. Х а л а н с к и й, Народные говоры Курской губернии, СПб., 1904; Гов. Воронеж. См. еще упрощающиеся по той же, видимо, причине сочетаний кеп., кеп. (экспортный, экспедиция); И. С. М е р к у р ь е в. Муурманский говор (копсопантизм), Мурманск, 1962, стр. 25. Видимо, другой источник имеют такие изменения, как мп → м², мм′, мм → мл, мп → мл, мб → пб, мв → нв. Судя по нашим данным, эти явления спойственны всем диалектным группам русского языка и не имеют определенных ареалов распространения.

³⁶ В использованных нами материалах метатеза отмечается в формах рнае (см. выше), смарт «смрад»— Е. Буде, К диалентологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора, РФВ, 27, 2, 1892 (далее — Рязан. гов.); М. Караулов, Говор станиц б. Моздокского полка Терского казачьего войска, РФВ, 44, 3—4, 1900, стр. 107 (далее—гов. Моздок.): рать вместо рвать (Разан. гов.); туртей вместо ртутью («Материалы...», ІХ — Пушкинская в. Костромского у.). Исключительное положение в отношении метатезы занимают говоры уральских казаков, где этот процесс представлен чрезвычайно шпроко (см.: Н. И. Малеча, О пере-

сибилянтом, затем с носовым, затем со смычным. Говоры, в которых упрощаются первые два типа, действительно, не имеют сколько-нибудь определенного ареала распространения. Среди севернорусских говоров упрошающие и третий тип сочетаний расположены в Архангельской области ³⁸. Упрощение всех типов сочетаний такого рода наблюдается в западных среднерусских и в южнорусских говорах (Гов. Смоленск., стр. 124—125; Гов. Мещов., стр. 155; Гов. Мосал., стр. 78) 39.

Вставка гласного наблюдается в сочетаниях типа «сонорный плюс согласный». Судя по имеющимся данным, это явление не обладает определенной территориальной соотнесенностью. Интересны формы с редуцированным или а между п и шумным. Они широко распространены в южно- и среднерусских говорах и отсутствуют в севернорусских 40. При этом любопытно, что если редуцированный зафиксирован в группе пс (пъсалом, пъсаломщик, пъсалтырь), то он зафиксирован и в группе пш (Кашин. гов., стр. 30; Гов. Калуж.) 41.

Если не принимать во внимание нескольких единичных случаев, опущение сводится к двум явлениям: отпадению з в группе зн-нать, наю, встречающемуся в ряде восточных среднерусских и севернорусских говоров, и отпадению n в группах «n плюс шумный» 42. Замена связана со

40 Любопытную подробность см.: В. Кульпина, В. Сараева, Е. Лункина, Говоры Лихославльского р. Калининской обл., «Сб. студенческих работ [Пензенск. пед. ин-та]», 3, 1957, стр. 46. В этом районе соседствуют средне- и севернорусские говоры. В окающем северном говоре находим форму пшениц в, в акающем сред-

стр. 194. 42 См.: Гов. Грязов., стр. 76 (саложщик, саўтырь); В. Г. О р л о в а, О говоре с. Пермас Никольского р. Вологодской обл., «Материалы и исследования по русской

³⁸ Форма *артуть* отмечена в работах: Гов. Шенкур., стр. 92; Род. Лом., стр. 25; В. Ф. Боровин, Характерные признаки говоров Вельского р-на, «Диалектологический сборник», І, 1, Вологда, 1941, стр. 43. Упрощение только этих трех типов, указываемое для западных и южных говоров, может быть лишь следствие неполноты описаний.

⁸⁰ См. также: П. А. Расторгуев, Говоры па территории Смоленщины, М., 1960, стр. 96; В. И. Попов. указ. сот., стр. 250; Н. П. Гринкова, Очерки по русской диалектологии. IV. Говор тудовлян Ржевского у. ИОРС, 31, 1926; Псков. нар.— притороды Изборска; К. А. И е рапольский, Говор д. Савкано Пушкниского р. Псковского округа, «Изв. по русскому языку и словесности», III, 2, 1930; В. И. Черны шев, Говор Пушкинского р-на, «Язык и мышление», 6—7, М.— Л., 1936, стр. 109—110; А. А. Никольский, Говоры Калужской обл., «Уч. зап. Калужск. пед. ин-та», 1, 1950 (далее — Гов. Калуж.) — Мосальский и Жиздринский р-ны; А. И. Е ф р е м о в, Материалы по диалектологии Калужской губ. Говор Козельского и части Жиздринского уу., «Изв. Калужского об-ва изучения природы и местного края», 3, 1919, стр. 189 (далее — Днал. Калуж.); Е. Ф. Б у д д е, О народных говорах в Тульской губ., МОРЯС, 3,4 1898; Ф. П. Ф и л и н, Говор д. Селино, Дубенского р-на Тульской обл., «Материалы и исследования по русской диалектологии», I, М.р-на Тульской обл., «материамы и исследовани по русской диалектология», 1, м. – 31., 1949; П. Т и х а н о в, Брянский говор, Сб. ОРЯС, 76, 4, 1904, стр. 27; В. Реза н о в, К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского у., Курской губ., РФВ, 38, 3, 1897, стр. 90—94; Е. И. Реза н о ва, Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского у. Курской г., ИОРЯС, 17, 1, 1912, стр. 233 (далее — Гов. Судж.); В. И. С о б и н н нко в ва, Говор с. Петипа Гремячинского р., Воронежской обл., «Труды Воронежской обл.) «Труды обл. «Труды Воронежской обл.) «Труды обл. «Т ун-та», 25, 1954; е е же, Говоры Гремячинского р-на, сб. «Природа и ховяйство Гремячинского р-на Воронежской обл.», Воронеж, 1953, стр. 45. В переселенческих говорах: Б. Не м че е н к о, Русские старожилы Литвы и их говоры, 49ч. заи. вузов ЛитССР», VII, 1963; Гов. Моздок., стр. 74; Гов. Забайк., стр. 323; Е.И. Тынт у е в а, Об особенностях консонантизма в говоре семейских Забайкалья, «Краткие сообщения [Иркутск. ун-та]», 1965.

нерусском пъменицъ, пътин.

11 См. также: А. А. Никольский, Народные говоры Жиздринского у., Калужской губ., РФВ, 66, 3—4, 1911, стр. 248; Н. П. Гринкова, Очерки... VII. О русских говорах Коротоякского у. Воронежской г., «Изв. по русскому языку и словесности», III; Г. И. М атвеева, Фонетические особенности говора с. Рогалево Ордынского р. Новосибирской обл., «Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та», 25, 3, 1963,

следующими явлениями: (1) $\partial x' \rightarrow \varepsilon x'$, распространенное, по замечанию А. М. Селищева, в севернорусских говорах 43 ; (2) nm, nm', $nu \rightarrow mm$, мт', мч (мч)⁴⁴; (3) $\mu p \to mp$ (Гов. Пудож., стр. 154) ⁴⁵. При помощи вставки согласных упрощаются группы нр, ср, ср, зр, зр.

В конце слова, как и в начале, наблюдаются протеза и вставка гласного, отпадение и замена согласного. Протеза употребляется для упрощения несвойственных русскому языку конечных групп согласных в заимствованных словах (-кт. -нк); за скупостью данных ничего недьзя

сказать о распространении этого явления.

Отметим еще один феномен, другого, видимо, рода, но, быть может, связанный с интересующими нас случаями, - гласный в конце слова, после трудной группы согласных, известный в основном в собственных именах (Лександра, Пётра). Это явление встречается в южнорусских говорах (Гов. Мосал., стр. 78; Гов. Мещов., стр. 155; Гов. Воронеж., стр. 267; Гов. Судж., стр. 254) 48, в говорах поволожских областей 47,

диалектологии», І, 1949 (соломщик); Л. Васильев, Язык «Беломорских былин», ИОРЯС, 7, 4, 1902, стр. 29 (тиця, шаници); Гов. К. Вятек., стр. 49 (саломш'ик); А. Тихвинский, Особенности говора Ярославского у., Ярославской губ., РФВ, 24, 3—4, 1890 (чёла); Двал. Спб., стр. 76 (шениш ка) — Верхпеудинский у.; Г. С. В и-н о г р а д о в, П. Я. Черных, указ. соч., стр. 10 (шыница); Гов. Тунк., стр. 14 (шыниса, саломшык); «Материалы ...», ХІ — Новосельская в. Муромского у. Влади-мирской г. (ташка). Таким образом, во всех случаях, кроме последнего, это явление наблюдается в севернорусских говорах.

наолюдается в севернорусских говорах.

48 См.: Диал. Сиб., стр. 225—226. См., впрочем: Е.О. Малы певская, Описание диалектад. Узьмино Псковской обл. Струго-Красненского р-на. Автореф. канд. диссерт., Тарту, 1951; В. И. Чер и ы пев, Говор города Останикова, «Материалы и исследования по русской диалектологии», П. М.— Л., 1949, стр. 267. Относительно этого явления верно, что если оно наблюдается в слове даинный (гаинный), то оно есть

и в предпоге для (гля, гли), см.: Капин. гов., стр. 34 (гля, в детской речи глиный); «Материалы...», ІХ — д. Б. Жирново, Вихаревской в. Малмыжского у. Витской г.; Гов. К. Витск., стр. ... (глиный — с пометой «редко»); Гов. Тунк., стр. 13.

44 А. М. Селищев отмечает это явление (Диал. Сиб., стр. 225) в Грязовецком, Тотемском уу., в Каргопольском у., в Череповецком у., в Галиче, в Буйском у. Наиболее постоянно это явление в костромской группе севернорусского наречия, см.: Гов. Костром.; Гов. Чухлом.; Гов. Шугн. Костром., стр. 33; «Материалы...», IX — Пушкинская в. Костромского у.: «Труды комиссии по дня пектологии русского языка», 11, Л., 1930, стр. 164— с. Протасово Сараевской в., Нерехтского у.: Я. К у з н е- п о в, Свадьба в Хмелевицком приходе Ветлужского у. Костромской губ., «Живая Старина», 1899, 4, стр. 533. См. также в Ярославской губ. — А. Тихвинский, указ. соч.; Г. Г. Мельниченко, К диалектологии Ярославской обл., «Уч. зап. Ярославск. пед. ин-та», 1, 1944 — в Рыбинском у.; В. Н и к о л а е в с к и й, Этнографический очерк Угличского у., ЖМНП, ч. 74, 1852, июнь; А. Соколов, Опыт сборника слов для орфоэпических упражнений в школах г. Ростова и его уезда, «Вестник Ярославского земства», 1881, № 111—112. См. еще в Никольском у. Вологодской г. (В. Мансикка, указ. соч., стр. 210). Один раз оно отмечено в олонецких говорах, см. В. М а н с и к к а, О говоре северо-восточной части Пудожского у., ИОРЯС, 19, 4, 1914, стр. 154 (далее — Гов. Пудож.); один раз во владимиро-поволжских, в Шолокшской в. Нижегородского у. (В. Черны шев, Говоры южной части б. Нижегородской губ., «Lud słowiański», III, 1, Kraków, 1933; далее — Гов. Нижегор.). Это явление, видимо, отсутствует в южнорусских и западных говорах, в поморских говорах, в тверских, владимирских и вятских говорах.

46 См. еще: Р. И. А в а н е с о в, Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле, «Материалы и исследования по русской диалектологии», 2, М., 1949, стр. 247; С. А. К о порский, указ. соч.; Гов. Сем. Нижегор.; Гов. Нижегор. Явление это распро-

странено, видимо, на той же территории, что и (2).

66 См. также: А. Н и к о л ь с к и й, Говоры Жиздринского у., стр. 248; «Материалы...», XI— с. Покров Медынского у. Калужской губ.; «Материалы...», IX— с. Троицкое Вороновский в., Брянского у. Орловской г.

47 См. также: С. А. Копорский, указ. соч., стр. 33—36; Ф. Покровский, Особенности в говоре населения, расположенного по р. Письме, Коспромской г., Буйского у., «Живая Старина», 1895, 3—4; е г о ж е, Образцы народного говора Нижегородской г.; Курмыш. Свяб.; Р. двал.— д. Пермяни Пестреченского р. ТатАССР; В. А. М а л а х о в с и й, Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия, Куйбышев, 1967 — Ставропольский и Безенчукский рр.

в рязанских 48 и поморских 49 говорах. Вставку гласной находим в группах «согласный плюс плавный» (журавель, декабырь) 50 и в группе з'н' 51, единичные случаи наблюдаем и в других трудных группах. Отпадение наблюдается в группах типа «согласный плюс сонорный» (распространено повсеместно) и группах с'т', ст (см. ниже). Замена имеет место только при переходе $3'h' \to c'm'$ в тех говорах, которые не упрощают или непоследовательно упрощают конечное $c'm'^{52}$.

Рассмотренные факты позволяют сделать вывод о том, что вокалический тип упрощения (вставка и протеза гласного) свойствен в большей степени южным и западным говорам, консонантический тип (опущение и замена согласного) — северным говорам (поморская групца по ряду

характеристик сближается с западными говорами).

Рассматривая ряд изменений консонантных сочетаний, можно прийти к выводу, что они являются феноменами одного процесса, в разной степени выраженного. Это прежде всего относится к упрощению конечных групп c'm', cm и срединных $cm\mu$, $s\partial\mu$, $s'\partial'\delta$, $cm\Lambda$, $cm\kappa$, $c'm'\mu$, cms. В соответствии с соображениями о трудности интервокальных сочетаний мы должны ожидать следующих градаций этого процесса. В первую очередь должны упрощаться интервокальные группы стн, з'д'б ввиду отсутствия начальных тн, д'б в русском языке. Затем должны упрощаться стл, стл' (тл невозможная в литературном языке группа, m n' — трудная), затем $cm \kappa$ $(m\kappa$ хоть и возможная, но весьма трудная группа), затем $c'm'\ddot{u}$ $(m'\ddot{u}$ невозможная группа, но не из самых иерархически низких по своему типу), затем стејс'т'в (тв — возможная и достаточно удобная начальная последовательность). Место упрощения конечных с'm', ст в этом процессе можно определить так: упрощение $c'm'\tilde{u}$ имплицируется упрощением c'm'(слогораздел $c'm' - \tilde{u}$, конечная в слоге группа c'm' упрощается), упрощение ств предполагает упрощение ст (так как возможен слогораздел $c-m_{\mathcal{B}}$). Такое развитие в общих чертах мы и находим в русских говорах 53. Рассмотрим теперь, как распределяются по говорам различные

⁴⁸ См. еще: А. А. Ш а х м а т о в, Описание Лекинского говора Егорьевского у., Рязанской г., ИОРЯС, 18, 4, 1913; «Материалы..», XI — д. Анохино Егорьевского у.; Гов. Касим.

^{49 «}Материалы...», IX — с. Порог Онежского у., Архангельской г.; Род. Лом.,

стр. 25.

50 Вставка в группах «согласный илюс л, л'» распространена повсеместно, что же

северным говорам.

51 См.: Псков. нар. — д. Сабежи, г. Изборск; В. И. Черны шев, Говор Пушкинского р., стр. 110; Л. Васильев, указ. соч., стр. 29.

⁵² Такой переход естественно предполагать в качестве промежуточной стадии и в изменении $s'n' \to c'$ (ср. сосуществование форм жись, жисть в говорах с непоследовательным упрощением c'm' — см.: Т. Ф. Мур н и к о в а, Из материалов диалектоло-гических экспедиций на о. Пийрисар, «Уч. зап. Тартуск. ун-га», 104, 1961; Б. П р уш е в с к а я, указ. соч.), однако это относится уже к построениям, а не к фактическим

⁵³ Обратное указанному соотношение изменений ст и ств см. в ряде говоров Костромской и Нижегородской гг.: Гов. Костром.; Гов. Чухлом.; Ф. Покровский, Образцы народного говора Нижегородской г. — Балахинский и Лукояновский уу.; Гов. Нижегор. – Шолокша. Быть может, это исключение объясняется, с одной стороны, непоследовательностью изменений, а с другой стороны — неполнотой материала. В других говорах того же ареала находим правильное соотношение, см.: Я. К у з н е п о в, указ. соч.; Гов. Шугн. Костром., стр. 51—53; «Материалы...», IX — Пушкинская в. Костромского у. Другого рода исключения находим в трех (из более чем двухсот рассматриваемых здесь) совокупностих изменений: Н. П. Г р и н к ов а, Очерки по русской диалектологии. К вопросу о сщикарях, ИОРЯС, 30, 1925, находим формы $\partial^*ec^*e^*um^*ee^*u^*o$ и ue^*u^* , $ea^*e^*e^*u^*$, хотя вообще $e^*u^* \to e^*$; А. А. Ш а хми а т о в, указ. соч., сохранение ems при встречающихся упрощениях em, e^*m ; e^*m М. А. Караулов, Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков, Сб. ОРЯС, 71, 7, 1902, упрощается ств при сохранении ст, с'т', с'т'й. Быть

типы изменения (будем говорить здесь только об изменениях групп сти, $cm_{\lambda}^{(1)}, cm_{\kappa}, c'm', c'm', cm, cm_{\delta};$ упрощения звонких и глухих коррелятов, видимо, взаимосвязаны). Полный набор изменений представлен в ладоготихвинской, онежской, лачской, вологодской, поморской ⁶⁴ и белозерской группах северного наречия, в ярославских говорах (ссылок на отпельные работы не приводим), в архаических осташковских говорах, в ряде говоров Юрьевского и Суздальского уу. Владимирской губ. 55. Колебания в произношении ств при упрощении ст имеются в Гов. Моск.. стр. 20, 58 56. Сохранение ств при упрощении ст находим в ряде говоров Калужской обл. (Гов. Мещов., стр. 159) 57, в ряде среднерусских говоров 58, в некоторых вятских ⁵⁹. Колебания в произношении *ст* при упрощении с'т' находим в Калужской, Московской и Кировской областях 60. Сохранение cm при упрощении c'm' находим в среднерусских говорах (Γ ов. Смоленск., стр. 136; Кашин. гов., стр. 56; Курмыш. Симб.; Гов. Сем. Нижегор.: Псков. нар.)61, в западных южнорусских (Гов. Мосал.. стр.

может, у сицкарей и гребенских казаков имеем дело с лексикализованными явлениями. Трудно установить соотношение изменений сти, ста и стк, поскольку в нетривиальном виде (все упрощаются) оно представлено только единичными и не виолне достоверными примерами.

54 Н. Н. Д'урново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, Оныт диалектоло-

гической карты русского языка в Европе, М., 1915, стр. 20.

55 С. А. Конорский, Арханческие говоры Останковского р. Калининской обл., «Уч. зап. Калининск. пед. ин-та», X, 3, 1945; В. И. Чер вы игев, Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уу., Сб. ОРЯС, 71, 5, 1901. стр.

56 См. также: В. Черны шев, Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уу., Сб. ОРЯС, 72, 2, 1903, стр. 35-40 — с. Гинлуна Черкизов-

⁵⁷ Здесь упрощение последовательное, в текстах только три примера сохранения ст. См. также: Гов. Мосал. — Кобылье Спасское и окрестности Силькович; «Мате-

риалы...», XI- с. Порог Медынского у.

⁵⁸ Селигеро-торжковских, см.: В. Йопов, указ. соч., стр. 251; московских, см.: Гов. Моск. — с. Харугино, Литвиново; Гов. Рузск., стр. 104—105; В. Черны шев, Говоры Тверского, Клинского ... Клинский у.; см. еще: Н. Н. Соколов, Акающие говоры Костромской г., «Труды Московской диалектологической комиссии»,

8, М., 1919, стр. 21.

59 Судя по записям, приводимым в Р. диал. См. еще: И. А. Кан иги н, указ. соч. Таково, видимо, положение и в говорах восточной части Верхнего Поветлужья (см.: Р. И. Аванесов, В. Н. Сипоров, Говоры Верхнего Поветлужья, Нижний Новгород, 1931, стр. 33), а также в целом ряде среднерусских говоров к западу от Москвы. Т. Г. Паннкаров в с кая («Изменения в области фонетики в говоре д. Парфенки», «Уч. зап. Вологодск. пед. ин-та», 33, II, 1967, стр. 145) указывает, что им свойственно упрощение cm. Упрощение $cm \to c$ отмечено в Старорусском (А. Ф. Марецкая, Говор Старорусского р. Новгородской обл. Автореф. канд. диссерт., Л., 1963, стр. 22), Струго-Красиенском (Е. О. Малы щевская, указ. соч.) районах, в ряде смоленских говоров (см.: П. А. Расторгуев, указ. соч., стр. 96—97), в Завидовском и Лихославльском р-нах Калининской обл. (И. А. Кудрявцева, Некоторые особенности фонетической системы говора Завидовского р., «Уч. зап. МОПИ», 184, 1962, стр. 247; В. Кульпинаи др., указ. соч., стр. 47). 60 А. А. Никольский, Материалы...— Жиздринский р.; Гов. шуваликов;

А. С. Бедняков, Изменения в говоре шуваликов, «Уч. зап. МОПИ», 100, 1961; Е. П. Л у п п о в а, К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской обл., «Очерки по фонетике севернорусских говоров», стр. 241; см. еще: В. Чернышев, Говор Пушкинскогор-на.

61 См. также: Т. С. Ворошилова, Характерные особенности шуйских гово-

ров. «Уч. зап. Шуйск. пед. ин-та», 3, 1960, стр. 276; Р. И. А в а н е с о в, О говоре Переяславль-Залесского у. Владимирской г., «Труды комиссии по дналектологии русского языка», 9, Л., 1927, стр. 74; «Материалы...», ІХ — д. Архангелово Покровского у. Владимирской г.; Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, указ. соч., стр. 33 вост. часть Верхнего Поветлужья.

13) 62 , в вятских говорах 63 . Соотношение изменения c'm' и c'm'й остается неясным из-за недостатка материала. Колебания в произношении этих последних групп при упрошении стк представлены в рязанских (Рязан. гов.; Гов. Касим.) и тульских говорах 64. Сохранение с'm', с'm'й при упрощении стк находим в орловских, курских, воронежских и тамбовских говорах 65. Отсутствие упрощения стк и стл отмечено лишь в единичных случаях 66. Таким образом, несколько огрубляя факты, можно сказать, что рассматриваемый процесс расширяет сферу своего действия по мере движения с юго-востока на северо-запад. Упрощение конечного см., зм (пас из пасм, риматис из ревматизм) предполагает, видимо, упрощение конечного ст (Гов. Шенкур., стр. 104; Гов. Пудож., стр. 76; Гов. Моск. стр. 21—Гончари, Радомля, стр. 53—Харугино). Упрощение конечного ст предсказывается также и существованием гиперкорректных форм типа адрист (адрес), анист (анис), интерест (интерес), Одеста (Одесса) и под. 67.

Явления одного, видимо, процесса такие ассимиляции как $\partial \mu \to \mu \mu$, $6m \rightarrow mm$, $6e \rightarrow ee$. Ассимиляция $\partial h \rightarrow hh$ предполагает, надо думать, ассимиляцию бм -→ мм (исключения мы обнаруживаем лишь в шести из более чем двухсот рассмотренных совокупностей данных изменений. Эти исключения могут объясняться неполнотой описаний). Напрашивается мысль, что данная закономерность объясняется невозможностью начального δm при существовании начального ∂h , если рассматривать структуры начала слова и начала слога как аналогичные. Место $\delta \epsilon \rightarrow \epsilon \epsilon$ в этом процессе неясно ввиду неполноты описаний.

Для некоторых изменений верны утверждения типа: для любого говора справедливо, что, если определенное изменение обнаруживается в одной позиции в слове, то это изменение обнаруживается и в другой позиции в слове. Так, если в начале слова $\partial h \to \mu h (h'h'u, h'h'om, \mu ho)$, то это изменение наблюдается и в середине слова. Если бы $\partial u \to u u$ в начале слова было только после предлога с гласным исходом, следовало бы говорить не о позиционном, но о морфемном статусе изменяемого сочетания. Наблюдаются, однако, и другие случаи, причем как после слова с гласным исходом, так и в ином положении: $n' \grave{o} m$ -te «днем» (Гов. Череп. Новг., стр. 19), град был ннём (Гов. Касим.).

писям текстов, положение, однако, несколько сложнее.

64 Е. Б у д д е, О народных говорах в Тульской г., ИОРЯС, 3, 4, 1898; В. Б л аговещенский учеты народного говора в Тульском и Краппениском уу. Тульской губ., РФВ, Х, 3, 1883; Ф. П. Филин, Говор д. Селино; А. А. Шахматов,

указ. соч.

66 М. Г. Халанский, указ. соч. — сильно акающие и якающие говоры, саяны; е го ж е, Сведения и заметки о говорах русского языка, РФВ, 16, 3-4, 1886-

сев. часть Путивльского у. Курской губ.

⁶² См. еще: П. А. Расторгуев, указ. соч., стр. 96—97; А. И. Ефремов,

⁶³ См.: Е. П. Л у п п о в а, К вопросу..., стр. 241. Любопытно, что в Р. диал. (стр. 6-8) отмечается упрощение ст и с'т' как черта, характерная для вологодско-вятских говоров на территории Волго-Камья, а упрощение с'т' при сохранении ст — как черта, характерная для владимиро-поволжской группы на этой территории. Судя по за-

⁹⁵ А. И. Сахаров, указ. соч., стр. 4; «Материалы...», ІХ— с. Тронцкое Брянского у.; В. Резанов, указ. соч., ; Гов. Судж., § 131; М. Г. Халанский, указ. соч. — егуны; Гов. Воронеж. «Диалектологические материалы. собр. В. И. Тростянским», Сб. ОРИС, 95, 1, 1916; «Материалы...», ІХ — с. Ураево Валуйского у. Воронежской г.; И. Д. Самойлова, Говор с. Суравы Лысогорского р-на Тамбовской обл., «Уч. зап. МГПИ», 224, 1964.

⁶⁷ См. Гов. Шенкур, стр. 102; Гов. Пудож., стр. 156; Вятск. гов.; Гов. Мещов., стр. 57; В. М. Попов, указ. соч., стр. 250; Н. П. Ночвин, Материалы для изучения народного языка. Говор крестьян Шадринского у. Пермской губ., «Зап. Уральского об-ва любителей естествознания», 32,2, 1913; Гов. Зайк. Свердл., стр. 67; Гов. Барабы.

Ряд закономерностей определяется морфологическим статусом изменяемого сочетания 68 . Так, вставка смычного в группы cp, sp в том случае, когда между этими фонемами проходит префиксальный шов, предполагает эпентезу в группах, принадлежащих одной морфеме 69 . Если и же вставка происходит на стыке предлога и имени, то она происходит и при префиксальном шве и в группах, относящихся к одной морфеме 70 . Того же рода закономерность наблюдается и в ассимиляции $\partial \mu \to \mu \mu$ 71 .

В этой связи интересно отметить, что ассимиляция $6 m \to m m$ чаще всего наблюдается в словах обморок, обмон, с наименее очевидным морфемным разложением. Форма омарак отмечена и в ряде южнорусских говоров, которым ассимиляция $6 m \to m m$ не свойственна (Гов. Калуж. — в Жиздринском районе; Гов. Судж., § 125; Гов. Воронеж., стр. 113; Диал. Калуж., стр. 199). Если не видеть здесь морфологического пересомысления, о в парадоксальной форме можно было бы сказать, что ассимиляция $6 m \to m m$ свойственна и южнорусским говорам в том случае, если не осознастся гетероморфемность сочетания 6 m. Это можно было бы сопоставить с тем, что южнорусские говоры (в отлитие от северных) в изменениях сочетаний согласных стараются не нарушать морфологического единообразия (не вводить слишком большого числа новых морфофонологических правил, требующих обращения к парадигме). Таким образом, в южнорусских говорах в консонантизме тенденция слушающего проявляется в большей степени, чем в северноруссках 7 m m

Этим заканчивается данный обзор изменений групп согласных в русских говорах и их соотношений.

⁶⁸ О явлении того же порядка — слогоделении — в связи с морфологическим статусом, см.: J. К и г у ł о w i с z, Contribution..., стр. 210—212; Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 47—56.

⁷⁰ Такого рода энентезу находим в говорах Восточной Сиблри, см.: В. Г. В о г ор а з, Областной словарь Кольмского русского наречия, Сб. ОРЯС, 68, 4, 1901, стр. 8; М. Ф. Д р у ж н н и н а, Фонетические особенности говора Приленских русских старожилов, «Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока», І, Иркутск, 1960, стр. 141; Л. И. К о т е л ь н и к о в а, Говор д. Зменловки Киренского р. Иркутской обл., «Уч. зал. Якутск, ун-та», 41, 1964, В с. Маркове Анадырского р-на отмечена К. М. Б р а с л а в ц о м («Диалектологический очерк Кам-

чатки», Южно-Сахалинск, 1963, стр. 268).

71 Подробный анализ наблюдаемых здесь соотношений см. у Е. П. Л у п п о в о й («К вопросу...», стр. 243). Форма панняя (подняя) отмечена еще у В. И. Черны-

шева («Говор Пушкинского р-на», стр. 110).

<sup>**
 **</sup> Конечно, это зависят от того, какой мы выберем принции морфемного членения. Воспринимаются, видимо, как тавтоморфемные и подвергаются энептезе сочетания ср. эр в словах Стретене, страм, струб, строк, стражение, страный, здря, здреть, создреть, здреть, здреть, гоздреть, здреть, гоздреть, здрегие и других с теми же основами. Вставка в сочетаниях с префикальным швом зафиксирована в работах: Гов. Грязов., стр. 76 (струбить); Гов. Пудож, стр. 156 (раздрубить, воздрасту); И. С. М е р к у р ь е в, указ. соч. стр. 7 (стронил); Д. Т. Л и с е и к о в а, Консонантиям в говоре с. Трусова Усть-{цилекского р. Коми АССР, Сыктыкар, 1964 (стронила); А. И. Б о р и с о в а, Консонантиям говора Лысьвенского р-на Пермской обл., «Уч. зап. Пермск. пед. пн-та», 3, 1967, стр. 138 (стразу, строду); Е. И. Л и т в и и о в а, Фолетические особенности русского говора Красногорского р-на Удм. АССР, «Уч. зап. МОПИ», 148, стр. 478 (струблены, бездразмично, раздрешил), т. е. в говорах русского Севера и Урала. См., впрочем: А. В. М и р т о в, Донской словарь, Ростов-на-Допу, 1929 (стростить — смешать холодную воду с теплой).

⁷² См.: Б. А. У с п е н с к и й, Проблемы лингвистической типологии в аспекте различения «говорящего» (адресанта) и «слушающего» (адресата), «То honor Roman Jakobson», III, The Hague — Paris, 1967. Ср. еще умра да нистле (не истлела, о жене Лота — Гов. Мещов., стр. 35), при обычном упрощении групп стл, стк, ... ст в этом говоре.

н. т. войтович

О СТРУКТУРНОМ ПАРАЛЛЕЛИЗМЕ ТИПОВ БЕЗУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА И НАРУШЕНИЯХ ЕГО В БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ

(К проблеме аканья)

Острый интерес к проблеме аканья, вызванный дискуссией 1963—1965 гг., проходившей на страницах «Вопросов языкознания», еще не угас. Не прекратились споры между сторонниками гипотезы древнейшего происхождения аканья и защитниками взглядов позднего развития аканья. Об этом свидетельствует вышедшая после дискуссии книга «Общеславянское значение проблемы аканья» (В. И. Георгиев, В. К. Журавлев, Ф. П. Филин, С. И. Стойков), а также статьи Я. Риглера и П. Ивича с возражениями авторам этой книги 1.

Обращает на себя внимание тот факт, что сторонники гипотезы о глубокой древности аканья недостаточно учитывают свидетельства современных говоров. Приводя немало остроумных доводов и используя разнообразные источники для обоснования гипотезы об архаичности аканья, восходящего непосредственно к праславянской поре, В. И. Георгиев говорит об аканье вообще, без учета его типологии; приводимые им белорусские данные представляют собой примеры только тивного аканья как в большей мере отвечающего выдвинутой гипотезе 2. Дедая уступку показаниям современных говоров, В. К. Журавлев признает, что, «бесспорно, доказательства сторонников позднего происхождения явлений аканья весьма убедительны», что в некоторых русских и белорусских говорах аканье буквально на глазах сменяет оканье; однако он допускает, что в принципе возможны говоры, искони акающие. Найдя объяснение для гипотезы о древнейшем происхождении аканья, заходит в тупик в вопросе об яканье; не отрицая естественности связи между аканьем и яканьем, автор тем не менее полагает, что аканье и яканье — генетически разные явления: «генезис яканья никак не связан с проблемой \check{a}/\check{o} , с проблемой отсутствия — наличия o в праславянском, с проблемой наличия -- отсутствия связи этого факта с современным аканьем» 3.

Сторонники позднего происхождения аканья обычно стараются опереться на данные современных говоров (учитывая и остальные источники). По мнению Я. Риглера, болгарское и словенское аканье не являются исконными, ссылки же В. И. Георгиева на словенский язык несостоятельны, так как строятся без учета фактического материала, который приводит к противоположным выводам ⁴. Показательно, что С. И. Стойков, изу-

¹ Я. Риглер, Общеславянское значение проблемы аканья, ВЯ, 1969, 3; П. Ивич, О древности аканья в славянских языках, там же.

² В. И. Георгиев, В. К. Журавлев, Ф. П. Филин, С. И. Стойков, Общеславиясься значение проблемы аканья, София, 1968, стр. 13, 17, 20, 26, 35 и др. ³ Там же, стр. 41, 46.

⁴ Я. Риглер, указ. соч., стр. 49-53, 58.

чавший конкретные болгарские говоры, не смог присоединиться к взглядам трех авторов этой книги, оставшись на позициях сторонников позднего происхождения аканья ⁵. Получается, что доводы в пользу гипотезы древнейшего происхождения аканья вступают в противоречие с данными современных говоров.

Говоря о древности аканья, т.е. во возникновении аканья в связи с развитием праславянского \check{a} , обычно ссылаются на белорусский язык, не используя, к сожалению, конкретных материалов современных говоров. Внимательное же изучение системы безударного вокализма белорус-

ских говоров приводит к иным выводам.

Оказывается, в самой системе вокализма белорусских народных говоров содержатся неоспоримые доказательства позднего происхождения недиссимилятивного аканья. Соотношение систем вокализма после твердых и мягких согласных, после шипящих, u, p не только в предударном слоге, но и в остальных безударных позициях выявляет современное состояние белорусского вокализма. Неравномерное и не вполне синхронное развитие отдельных типов вокализма в разных безударных позициях и в различных говорах (некоторые являются инповацией, другие могут оказаться глубоким архаизмом), распределение типов вокализма на всей территории Белоруссии позволяет судить и о более раннем состоянии вокализма, о тенденциях его развития. Только внимательное изучение показаний современых народных говоров совместно с данными других источников — памятников письменности, заимствованной лексики и других — приблизят нас к решению проблемы аканья.

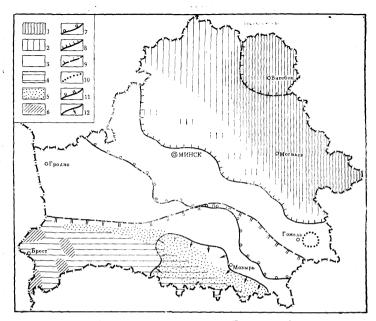
×

При определении типологии безударного вокализма в белорусских говорах наиболее показательным является вокализм первого предударного слога, находящийся в определенной связи с вокализмом остальных предударных и заударных повиций. Характер реализации безударных гласных здесь в значительной степени зависит от качества предшествующего согласного. В связи с этим образуются системы вокализма, обусловленные сочетанием гласных с согласными твердыми, мягкими, шипящими, ц, р. Вместе с тем выявляются определенные закономерности и связи, которые проявляются между системами вокализма после различных по качеству согласных.

1. По вокализму первого предударного слога после твердых согласных на территории Белоруссии выделяются говоры с аканьем и отсутствием аканья. Аканье характерно для подавляющего большинства говоров и представлено двумя типами — диссимилятивным и недиссимилятивным. Неакающие говоры представлены оканьем и конотопским типом вока-

лизма, в брестско-пинских говорах наблюдается уканье ⁶.

Oбщеславянское значение проблемы аканья», стр. 93—116.
 Ср.: «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», Минск, 1963, карта № 1.

К арт а. Типы безударного вокализма говоров Белоруссин: 1— диссимилятивное аканье; 2— диссимилятивно-недиссимилятивное аканье; 3— ведисимилятивное аканье; 4— оканье; 5— окающе-акающий вокализм // конотопский тпп; 6— уканье; 7— полное: неполное аканье; 8— яканье диссимилятивное (киздр.): недиссимилятивное диссимилятивное яканье; 11— акающе-якающий вокализм: яканье сильное; 12— еканье.

различение трех уровней подъема и сохраняет только два — верхний и неверхний. Такой тип диссимилятивного аканья принято называть жиздринским или белорусским. При произношении ω на месте σ из o, a в позиции перед слогом с ударенным a модель изменяется, подъемы гласных перестают различаться: $sud \hat{a}$, $mpus \hat{a}$, $num \hat{a} u$, $py k \hat{a}$. Такая модель наблюдается в могилевских говорах, известна она и русским говорам 7 .

При недиссимилятивном аканье этимологические о, а совпадают в звуке а независимо от качества гласного ударенного слога и соседних согласных: вада, вады, вады, трава, трава и т. д. Вокализм удерживает различение двух уровней подъема — верхнего и неверхнего. Недиссимилятивное аканье распространено на большой территории в центре Белоруссии — в Минской, Гродненской, на юго-западе Могилевской, в восточной части Гомельской, на севере Брестской областей.

При конотопском типе вокализма гласные на месте этимологических о, а в безударной позиции совпадают в о: вода, воды, воды, соду трова, тровы, тровы и т. д. Различением двух уровней подъема (верхнего и неверхнего) данная система отличается от оканья; совпадением гласных

⁷ «Вопросы теории лингвистической географии», М., 1962, стр. 40, примеч. 4.

Модели типов безударного вакализма в белорусских говорах (первый предударный слог)

, -	После твердых согласных	После мягких согласных	После шипящих согласных, и, р
_	диссимилятивное аканье перед «не-а» перед а ы у а) ы у а б) ы у	диссимилятивное яканье перед «не-а» перед а и у и у а (b)	диссимилятивное аканье перед «не-а» перед а ы у а) ы у а ъ ъ б) ы у
1	недиссимилятивное аканье $egin{array}{c} \mathbf{b} & y & a \end{array}$	педиссимилятивное яканье (сильное) $\begin{array}{c} u & y \\ a \end{array}$	недиссимилятивное аканье $\begin{array}{c} u & y \\ a \end{array}$
-	конотопски й тип ы у о	еканье и у е	коногонский тип и (ы) у е о
•	оканье ы у о а	различение <i>е</i> — <i>а и y e a</i>	различение гласных среднего и пижисто подъема и (и) у е о а

неверхнего подъема в o, а не в a отличается от аканья. Такой тип вокализма уже усвоил принцип аканья, но при ином фонетическом выражении фонемы, в которой совпадают этимологические о и а. Этот специфический, ранее неизвестный тип вокализма наблюдается в говорах западной части Гомельской и частично в соседних говорах Минской и Брестской областей. Последовательно этот тип вокализма представлен в говоре д. Конотоп Наровлянского района Гомельской области, обследованном автором, он отмечен в материалах диалектологического атласа белорусского языка и в других населенных пунктах юга Белоруссии в, а также обнаружен в соседних говорах Украины 9. Кроме того, случаи изменения этимологического а в о известны в русских и в некоторых других украинских говорах.

При оканье гласные неверхнего подъема различаются и реализуются независимо от качества ударенных гласных и соседних согласных ϕ онем: $so\partial \acute{a}$, $so\partial \acute{a}$, $so\partial \acute{a}$ — $mpas\acute{a}$, $mpas\acute{a}$, $mpas\acute{a}$... При оканье сохраняется различение трех уровней подъема. Оканье распространено в говорах южной части Брестской и частично на юго-западе Гомельской областей.

2. Между системами вокализма после твердых и мягких согласных в первом предударном слоге выявляется значительный параллелизм в структурном и лингвогеографическом отношении 10.

Устанавливается полный структу, ный параллелизм между диссимилятивным аканьем и яканьем белорусского (жиздринского) типа. Фонематические модели этих типов вокализма пол-

росы диалектологии восточнославянских языков», М., 1963.

⁹ Т. В. Н а з а р о в а, Акання в українських нижньонадприп'ятських говірках, «Діалектологічний бюлетень», ІХ, Київ, 1962, стр. 66—69.

⁸ Более подробно этот тип вокализма (и все остальные) рассматриваются в работах: Н. Т. В айтовіч, Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі, Минск, 1968, стр. 30—35 и сл.; ее же, Окающе-акающий вокализм в белорусских говорах, сб. «Воп-

¹⁰ Cp.: «Дыялекталагічны атлас белорускай мовы», карты № 1, 4.

ностью соответственны: два уровня подъема, позиционные чередования a c «не-a» в зависимости от качества ударенного гласного. Такие говоры находятся в восточной части Витебской и Могилевской областей.

Устанавливается полный структурный параллелизм между нед иссимилятивным аканьем и нед иссимилятивным (сильным) яканье м. Фонематические модели их полностью соответственны, даже тождественны: два уровня подъема, совпадение гласных неверхнего подъема в звуке a: $sa\partial \hat{a} - sa\partial \hat{b}$, $mpas\hat{a} - mpas\hat{g}/s$ асна $\hat{a} - s$ асна \hat{b} , n ат $\hat{a} - n$ ат \hat{a} . Такие говоры распространены в Гродненской, южной половине Минской, частично на севере Гомельской областей.

При еканье гласные неверхнего подъема совпадают в звуке е независимо от качества ударенных гласных и соседних согласных фонемсерей, с'естра, с'естра, с'естра, с'естра, с'естра, с'естра, с'естра, с'естра, с'естра, с'езай. Различаются два уровня подъема — верхний и неверхний с совпадением гласных неверхнего подъема

в звуке среднего подъема е.

До последнего времени не был установлен тип вокализма после твердых согласных, параллельный еканью. Считалось, что еканье находится в особом положении; оно обыкновенно сопоставлялось с аканьем или оканьем. Исследования последнего десятилетия позволили уточнить существующее положение. При сопоставлении еканья с типами вокализма после твердых согласных, наблюдаемыми в говорах юга Белоруссии, выявилось, что еканью наиболее соответствует конотопский тип вокализма. Модель еканья полностью параллельна модели конотопского типа вокализма: в обеих системах происходит совпадение гласных неверхнего подъема в звуке среднего подъема о или e: eода́ — mрова́, ногу́ — nосу́/e'есна́ n'emá, н'ecý — в'ежу́. Еканье и конотопский тип вокализма отмечены в говорах преимущественно западной части Гомельской и в некоторых соседних говорах Минской и Брестской областей. Очень последовательно выдерживается система еканья и конотопского типа вокализма в говоре д. Конотоп; в ряде других говоров также отмечен более или менее последовательно представленный конотопский тип при выдержанной системе еканья.

Оканью в структурном отношении соответствует вокализм с реализацией этимологических e, ё в e после твердого или мягкого согласного и с произношением a после мягкого согласного: e'echā — весhā, c'ený; n'amā, т. е. с различение м гласных среднего и нижнего подъема. При таком вокализме сохраняется различение трех уровней подъема. Оканье при вокализме с различением гласных неверхнего подъема наблюдается в говорах Брестской области.

3. Анализ особенностей безударного вокализма после различных по качеству согласных показывает, что системы безударного вокализма после твердых и мягких согласных являются основными. Вокализм после шипящих, μ , μ в одних говорах сохраняет генетические связи с вокализмом после мягких согласных, в других эти связи разрушаются под воздействием выравнивания с системой вокализма после твердых согласных. Данный вокализм представляет большой интерес в том отношении, что он ярко вскрывает тенденции развития типов вокализма, больше, чем система после твердых согласных, сохраняет следы раннего состояния,

выявляет переходное состояние вокализма ряда говоров.

В первом предударном слоге после шипящих, u, p в некоторых говорах выявляется полное соответствие вокализму после мягких согласных: диссимилятивное яканье белорусского типа после мягкого p: $p'un\acute{a} - p'an\acute{b}$... (восточные витебские и могилевские говоры), диссимилятивное яканье витебского типа: $nvъn\acute{a}$, $pъn\acute{a}$; $nuunpu'\acute{e}\acute{y}$, $puu'\acute{e}$, $p'un'\acute{e}$, $mp'uc'\acute{e}\acute{u}' - nuaa\acute{e}$, $pan\acute{o}\~{u}$

новидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья в русских говорах Гомельской области. Следует отметить, что диссимилятивное яканье витебского типа и ассимилятивно-диссимилятивное яканье после шиляцих, у, р занимает несколько меньщую территорию и выражено менее последовательно, чем соответствующий вокализм после мягких согласных, что свидетельствует о большей устойчивости последнего.

В большинстве говоров Белоруссии вокализм после шипящих, q, p в результате отвердения этих согласных перестроился по образцу вокализма после твердых согласных и сблизился с ним в акустико-артикуляционном отношении. В современных белорусских говорах после твердых шипящих, q, p распространены два типа аканья: диссимилятивное — \mathbf{c} позиционным чередованием \mathbf{v} - \mathbf{u} и \mathbf{a} в зависимости от качества ударенного гласного (nv-n) \mathbf{v} - \mathbf{u} - \mathbf{v} - \mathbf{u} - \mathbf{v} -

В говорах с конотопским типом вокализма после твердых согласных в системе вокализма после шинящих, q, p наблюдается объединение принципов вокализма после твердых и мягких согласных: реализация гласных неверхнего подъема в e— по принципу еканыя (n-q-a, q-a) и реализация в o— по образцу конотопского типа вокализма (a-a) и реализация в o— по образцу конотопского типа вокализма (a-a). После твердых шипящих и a на месте a, a образуется чаще a0 (a) (a) после мягких — a0 (a) a0 (a0) a0 (a0) после мягких — a0 (a0) a0 (a0) a0) после мягких — a0 (a0) после мягких — a0) после мягких — a0 (a0) после мягких — a0 (a0) после мягких — a0 (a0) после мягких — a0) после мягких — a0 (a0) после мягких — a0) после мягких — a0 (a0) после мягких — a0 (a0) после мягких — a0) после мягких — a0 (a0) после мягких — a0) после мягких — a0 (a0) после мягких — a0) после мягких — a0 (a0) после мягких — a

В брестских говорах, где этимологические е, е реализуются в е и не совпадают с а (писла, цена, жара), образуется пятифонемная модель, в которой как бы объединяются модели безударного вокализма с различением гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных (оканье

и различение e - a).

4. Вокализм после твердых согласных и соответственный ему вокализм после мягких согласных, представленные различными типами, имеют неодинаковое территориальное распространение: диссимилятивное аканье занимает меньшую территорию, чем диссимилятивное яканье; педиссимилятивное аканье, наоборот, занимает значительно большую территорию, чем недиссимилятивное (сильное) яканье, которое на юге постепенно сменяется екающе-якающим вокализмом. Еканье представлено более последовательно, занимает компактный массив и распространено на большей территории, чем конотопский тип вокализма. Оканье занимает значительно большую территорию, чем соответственный ему вокализм с различением гласных неверхнего подъема после мягких согласных.

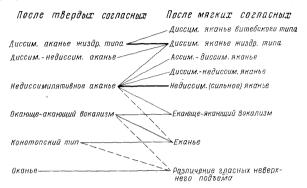
В связи с неполным совпадением территорий распространения диссимилятивного аканья и яканья, недиссимилятивного аканья и яканья, конотопского типа вокализма и еканья, оканья и вокализма с различением гласных неверхнего подъема в ряде говоров структурный паралениям нарушается и создаются иные соотношения между типами вокализма после твердых и мягких согласных. Объясняется это тем, что развитие соответствующих типов вокализма после твердых и мягких согласных происходит неравномерно и не вполне синхронно.

Вследствие этого в говорах возникает сочетание, казалось бы, различных систем вокализма после твердых и мягких согласных: недиссимилятивного аканья и диссимилятивного яканья, диссимилятивного аканья белорусского (жиздринского) типа и диссимилятивного яканья витебско-

п В западногомельских говорах с конотопским тином вокализма (чаще всего непоследовательно выраженным) встречаются и несколько видоизмененные модели; вомногих говорах развивается аканье (Н. Т. В айтовіч, Ненаціскны вакалізм ..., стр. 107—108).

го типа, типов недиссимилятивного аканья и еканья. Кроме того, известны типы сочетания вокализма переходного характера: недиссимилятивное аканье и екающе-якающий вокализм, диссимилятивно-недиссимилятивное аканье и диссимилятивное эканье и др. Схематически это можно представить следующим образом:

Возможные сочетания типов вокализма после твердых и мягких согласных в белорусских говорах (первый предударный слог)

Только тщательный анализ всей системы вокализма говоров, т. е. изучение характера реализации безударных гласных после твердых, мягких, шинящих, μ , p во всех предударных и заударных позициях позволит дать ответ на причины появления таких сочетаний типов вокализма.

а) Существование говоров с недиссимилятивным аканьем после твердых и отвердевших согласных и екающе-якающим вокализмом после мягких согласных, недиссимилятивным аканьем и еканьем объясняется тем, что недиссимилятивное аканье после твердых согласных и отвердевших шилящих, ч, р занимает значительно большую территорию и представлено более последовательно, чем яканье после мягких согласных.

Тут мы подходим к вопросу: является ли аканье в белорусских говорах древнейшим, исконным типом вокализма или же это относительно новое явление, возникшее вследствие изменения более ранних систем вокализма?

Синхронический анализ современного диалектного материала, данные картографирования, изучение соотношения систем вокализма после твердых, мягких и отвердевших согласных в современных белорусских говорах, анализ записей наблюдателей конца XIX— начала XX в., показания жителей: «наши дзяды гаварылі на о» приводят к выводу, что-недиссимилятивное аканье в юго-западных белорусских говорах развилось на основе оканья.

Такое предположение подтверждается: а) существованием значительного массива окающе-акающих говоров на юге Белоруссии, которые представляют собой различные стадии развития от оканья к аканью (от ассимилятивного аканья при оканье до аканья с ассимилятивным оканьем) и являются наглядным свидетельством поздних процессов развития аканья, б) наличием большой группы говоров с неполным аканьем, сохраняющих принцип оканья в конечном открытом слоге (нага́, галава́,

zо́ра ∂ а, zо́ра ∂ а, но c'є́но, р̀а́но) и изредка в остальных заударных слогах (zо́лоса, ру́ского, у но́вом, у но́вой — но́вуй и т. д), т. е. со следами оканья в акающей системе 12 .

Кроме того, аканье активно развивается на основе конотопского типа вокализма, в котором этот процесс подготовлен усвоением принципа аканья при совпадении гласных неверхнего подъема в звуке $o\left(so\partial\hat{a}, mpos\hat{a}\right)$ и сближением артикуляций гласных a и o, приводящим к образованию звуков типа a^o и $o^a\left(so^a\partial\hat{a}, mpa^os\hat{a}\right)$.

б) Оказывается, что вокализм, в котором объединяются недиссимилятивное аканье и диссимилятивное яканье (говоры северной половины Минской, западной части Витебской, западных окраин диссимилятивного аканья в пределах Могилевской и Гомельской областей), сохраняет в себе следы диссимилятивного аканья после твердых и особенно после шипящих, u, p. В этих говорах может встретиться произношение типа: $\epsilon \sigma \partial \hat{a}$ — $\epsilon ar{a}\partial \hat{a} - \epsilon a\partial \hat{a}$ при употреблении a полного образования перед гласными «не-a» под ударением: $\epsilon a\partial \dot{\omega}$, $\epsilon a\partial \dot{\omega}$...; y на месте этимологических o, a: вуўка́, пушла́, рукува́; а и ъ на месте ы как следствие прежней редукции безударных гласных: патац', < пътац'. В некоторых говорах диссимилятивный принцип бывает уже настолько нарушенным, что проявляется только в виде произношения \ddot{a} перед ударенным a: $g\ddot{a}\partial a$, но $ga\partial bi$, $ga\partial b\ddot{u}$... (такой вокализм многими наблюдателями определялся как недиссимилятивное аканье). В остальных безударных позициях также возможно употребление редуцированных гласных или изменение гласных: мълады, ευρбυзы́.

В отличие от реализации гласных после твердых согласных в этих же говорах отмечено большее распространение островков диссимилятив-

ного аканья после твердых шипящих, ψ , p^{-13} .

Наличие вокализма с сосуществованием диссимилятивного и недиссимилятивного принципа или только со следами диссимилятивного принципа в системе вокализма после твердых согласных и твердых шипиящих, и, р при диссимилятивном яканье после мягких согласных (последовательном или непоследовательном), ослабление диссимилятивного принципа в направлении к западу и югу, вытеснение диссимилятивного аканья недиссимилятивным в говорах на стыке этих типов вокализма — все это позволяет сделать вывод о развитии недиссимилятивного аканья в этих говорах на месте диссимилятивного. Диссимилятивной прищцип ранее утрачивается в системе вокализма после твердых согласных, наиболее устойчиво удерживается после мягких согласных. Вследствие более раннего развития недиссимилятивного принципа в системе вокализма после твердых согласных нарушается структурный параллелизм типов вокализма в этих говорах.

 ¹² Н. Т. Вайтовіч, Ненаціскны вакалізм..., стр. 196—204.
 ¹³ Там же, стр. 18—22, 98—99, 178—179.

⁴ Аналогичные процессы развития недиссимилятивного аканья наблюдаются в современных русских говорах: например, в исковских — на базе оканья, в орловских на месте писсимилятивного аканья.

ном существовании на территории Белоруссии с праславянской поры, об аканье дреговичей.

Аканье наиболее развито, последовательно выражено, распространено на большой территории в первом предударном слоге. Именно это положение и давало повод говорить о древности этого типа вокализма. Если же учесть всю систему вокализма говоров с недиссимилятивным аканьем, то окажется, что полное, последовательно выраженное аканье имеет место далеко не во всех говорах с недиссимилятивным аканьем в предударных слогах.

Обращает на себя внимание тот факт, что граница неполного недиссимилятивного аканья, т. е. аканья при сохранении принципа оканья в конечном открытом слоге (нага, галава, горада, но сало, рано), выдвитается далеко на север по сравнению с южной изоглоссой аканья. На территории неполного аканья, как отмечалось выше, нередко обнаруживаются следы оканья и в остальных заударных позициях. Полное же недиссимилятивное аканье проходит сравнительно неширокой полосой в средней части Белоруссии, ограничиваясь с северо-востока изоглоссой диссимилятивного яканья, отделяющей говоры с диссимилятивным принципом аканья — яканья от недиссимилятивного. В этих говорах уже не сохранилось следов оканья и еканья. Видимо, в этой полосе говоров могла находиться первоначальная зона развития недиссимилятивного аканья на территории Белоруссии, которое возникло на стыке окающих югозападных говоров с акающими северо-восточными 15.

Стык окающих и акающих говоров, вероятно, происходил на территории взаимодействия северного и южного диалектных массивов. Об этом свидетельствуют пучки изоглосс фонетических и морфологических явлений, которые проходят с северо-запада на юго-восток в средней части Белоруссии и выделяют говоры переходного типа, среднебелорусские ¹⁶.

 в) Системы вокализма после мягких согласных, шипящих, у, р также дают подтверждение сделанным выводам.

Диалектный материал свидетельствует, что недиссимилятивное яканые отстает в своем развитии от недиссимилятивного аканья: оно занимает меньшую территорию, во многих говорах проявляется менее последовательно, чем аканье, значительно слабее развито в остальных безударных позициях, чем в первом предударном слоге. Поэтому в системе вокализма после мягких согласных значительно больше, чем после твердых согласных, сохраннются остатки прежних систем вокализма — еканья, различения гласных неверхнего подъема, в части говоров — диссимилятивного яканья. Вследствие этого в говорах становятся возможными сочетания педиссимилятивного аканья с екающе-якающим вокализмом, еканьем, диссимилятивным яканьем, наблюдаются следы различения гласных не-

¹⁵ Материал диалектов и памятников письменности показывает, что аканье спачала развивалось в северо-восточных говорах: диссимилятивное аканье в этих говорах в настоящее время представляет собой сложившуюся, вполне сформированную систему, особенно устойчивую в позиции после мягких согласных. В исследованиях И. Недешева и Е. Карского отмечено, что первые примеры аканья спорадически встречаются с XIV в., значительно шире в XV в.; гривведены примеры, указывающие на диссимилятивное яканье (И. Недешев, Исторический обзор важнейших звуковых и морфологических особенностей белорусских говоров, Варшава, 1884, стр. 10—13, 14—19, 22—23, 26—27; Е. Ф. Кар с к и й, Белоруск, І, М., 1955, стр. 135—139, 192—193, 218). Недиссимилятивное аканье в зоне неполного аканья является непоследовательным, на юге оно сменяется окающим вокализмом. Мнение о более раннем развитии аканья в северо-восточных белорусских говорах пеоднократио высказывалось Р. И. А ванесов им («Лингвистическая география и история русского языка», ВЯ, 1952, 6, стр. 37, 39—40; «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», Минск, 1964, стр. 398, 401).

16 «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», стр. 394—396.

верхнего подъема. Следует отметить, что при сочетании недиссимилятивного аканья с иными типами вокализма после мягких согласных в последних всегда проявляются в большей или меньшей степени элементы недиссимилятивного яканья, что говорит о параллелизме в развитии аканья и яканья. В свою очередь в вокализме после твердых согласных могут сохраняться элементы прежних систем вокализма (материал говоров показывает, что при сочетании различных систем вокализма после твердых и мягких согласных эти системы обычно не бывают представлены в «чистом виде»).

В остальных безударных позициях совпадение гласных на месте этимологических e, \check{e} , a в a, τ . e. по существу недиссимилятивное яканье, в своем развитии значительно отстает от первого предударного слога, а поэтому более ранняя система вокализма вскрывается еще ярче. Во втором и третьем предударных слогах яканье проявляется менее последовательно и не во всех говорах: $c'epa\partial \acute{a} - c'apa\partial \acute{a}$, $e'erae\acute{a} \psi'$, $e'epa\psi'ah\acute{o} - e'apa\psi'ah\acute{o}$ 17. Несколько шире яканье проявляется в заударных слогах, но следы еканья и различения гласных неверхнего подъема весьма ощутимы и здесь 18. В направлении к югу яканье ослабевает.

Таким образом, недиссимилятивное яканье представляет собой тип вокализма, полностью парадлельный и даже тождественный в звуковом выражении, генетически родственный недиссимилятивному акапью, сосуществующий с недиссимилятивным аканьем в значительной части говоров, распространенный на той же, но меньшей территории, что и аканье, развивающийся более замедленными темпами, чем аканье, рапсе охватывающий первый предударный слог, чем остальные безударные позиции, распространяющийся в направлении с севера на юго-восток, как и аканье.

Екающе-якающие говоры представляют собой различные стадии развития яканья. Распространение яканья в этих говорах обусловлено петолько воздействием соседних якающих говоров, но и внутренними прецессами развития самих говоров, вокализм которых проявляет тенденцию к совпадению гласных неверхнего подъема в звуке нижнего подъема не только после твердых, но и после мягких согласных, часто через промежуточную стадию в виде звука e^a или a^a : e^a сна. Таким образом, белорусские говоры обнаруживают тенденцию к повышению пагрузки гласных нижнего подъема, переходу гласных среднего подъема в гласные нижнего подъема (аканье и яканье).

Таким образом, сама система вокализма после твердых, мягких согласных, шинящих, у, р убедительно показывает, что недиссимилятивное аканье и яканье не являются исконными, древнейшими типами вокализма, идущими от праславянской поры. Это новый, поздний тип вокализма, возникший на основе более ранних типов вокализма, в первую очередь оканья и параллельного ему вокализма с различением гласных неверхнего подъема после мягких согласных, в части говоров — конотопского типа вокализма и еканья, диссимилятивного аканья и яканья. Процесс развития аканья и яканья не закончился и в наше время.

18 Там же, карты № 15-16, 19.

^{17 «}Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», карты № 10—11.

в. А. Дыбо

ЗАКОН ВАСИЛЬЕВА — ДОЛОБКО И АКЦЕНТУАЦИЯ ФОРМ ГЛАГОЛА В ДРЕВНЕРУССКОМ И СРЕДНЕБОЛГАРСКОМ

Акцентная система праславянского языка состояла из трех парадигм. Акцентная парадигма а представляла собой неподвижное колонное уларение на основе, которое в непроизводных основах обычно проявлялось как акутовое неподвижное ударение; акцентная парадигма \dot{b} реализовалась в виде ударения на окончании и рецессивного (сдвинутого) новоакутового ударения на предшествующем слоге; акцентная парадигма с представляла собой единство двух существенно различных просодических характеристик слова: в одной группе форм слова она проявлялась в виде маргинального ударения на окончании (это ударение заменялось акутовым ударением на слоге, предшествующем окончанию, в том случае, если в нем выступал первоначально долгий монофтонг); в других формах выступал так называемый славянский «циркумфлекс» на начальном слоге формы. В последних формах начальное «пиркумфлексовое» ударение сохранялось лишь в абсолютной позиции (позиции между паузами?). В синтаксическом целом, при образовании тактовой группы, данные формы модифицировали свою акцентную характеристику.

Один из типов такой модификации попал в поле зрения сравнительной акцентологии очень рано и получил фонетическую интерпретацию в работах А. А. Шахматова (закон Шахматова). Эта интерпретация не может считаться в настоящее время удовлетворительной, так как основана на представлении о фонетической ретракции ударения на предшествующий слог, тогда как следует говорить о передвижении ударения на начальный слог тактовой группы (фонетического слова) независимо от количества слогов. В этом типе модификации акцента, таким образом, возможны следующие виды тактовых групп: (в имени) $v\ddot{o}z_{5}^{\pm}$, $n\ddot{a}voz_{5}^{\pm}$, $n\ddot{e}navoz_{5}^{\pm}$, #î ne na vozъ # и т. п.; (в глаголе) # neso #. #î ne naneso# ит. п.

Такие формы, теряющие свое ударение при присоединении к ним приставки, предлога, частицы или союза, мы в дальнейшем называем формами-enclinomena (энклиноменами).

Второй тип модификации акцента этих форм был предположен в 1905 г. Л. Л. Васильевым, который определил его очень лаконично: «энклитики, они же проклитики» ¹. Сущность этого наблюдения заключается в том, что формы-enclinomena, которые он называет энклитиками, теряют свое ударение при присоединении к ним различных энклитических частиц и местоимений, передавая его последним. При этом, как показывают наши материалы, при построении тактовой группы, в которую входили как проклитики, так и энклитики, ударение всегда переносилось на энклитику. Были

¹ Л. Л. В а с и льев, К истории звука в московском говоре в XIV—XVII вв., ИОРЯС, Х, 2, 1905, стр. 216-217.

возможны, таким образом, следующие виды тактовых групп: "vözъ"—
"vozъ žė", " nã vozъ" — " na vozъ žė", " nẽ na vozъ" — " ne na vozъ žė",
"î ne na vozъ" — " i ne na vozъ žė" н т. п.; аналогично: " vözъ" — " vozъ li"
"nâ vozъ" — " na vozъ li" и т. д.

Л. Л. Васильев сформулировал свой закон для старомосковского диалекта русского языка, но позднее (в 1927 г.) М. Г. Долобко, обратившись к подобным же явлениям, показал их праславянскую древность ². Он, однако, в соответствии с принятыми в то время фонетическими представлениями объяснял эти явления как результат передвижения акцента с циркумфлектированного или краткостного слога на следующий за ним слог, вызванного присоединением энклитики. Эту интерпретацию, повидимому, следует отклонить, возвратившись к интерпретации Л. Л. Васильева.

Изучение второго типа модификации акцента форм-enclinomena задерживалось в значительной степени тем, что в современных славянских языках следы этой модификации сохранились или в виде изолированных или в виде крайне преобразованных реликтов. Лишь обращение к древнерусским и среднеболгарским акцентуированным текстам дало такой материал, который позволяет набросать общую картину модификаций акцента этих форм в тактовых группах.

Наиболее характерными для глагола энклитиками являются местоимения me, te, se, mi, ti, si, некоторые формы условного наклонения от глагола byti (по-видимому, только формы 2 и 3-го лица ex, числа bi) и

частипы že, li, bo.

Действие закона Васильева—Долобко в глегольных энклиноменах с последующей энклитикой отражается в виде двух типов отношений: 1) передвижение акцента на энклитику и 2) передвижение акцента на слог, предшествующий энклитике. Распределение этих вариантов по диалектам различно. Второй вариант, вероятно, возник в результате последующей оттяжки ударения с энклитики на предшествующий слог. В большинстве случаев эта оттяжка была довольно поздним локальным явлением. Возможность отнесения в каких-то случаях второго варианта модификации

к праславянскому периоду остается весьма проблематичной.

Реликты глагольных форм с модификацией акцента по закону Васильева—Долобко сохранились в различной степени в разных глагольных формах в современном русском языке и его диалектах, в древнерусских (Чуд. Нов. Зав.) и старорусских акцентунрованных текстах, в среднеболгарских текстах (восточные: І — «тырновская группа» X1II—XIV вв.: Нор. ис., Зогр. сб. № 103, Григ. № 1703, Мин. № 678, Толк. ис., Служ. Евф., Лих., Воскр. ев.; П — «Система Киприана»: Пс. Кипр., Леств., Дион. Ареоп.; П — «Система Гавриила»: Сб. № 20, Вас. Вел., Ням. сб. № 20, Ням. сб. № 106, Ев. Григ.; западные: Поуч. Ис. Сир.), в текстах с акцентовкой, приближающейся к восточноболгарской, но писанных сербской орфографией, которые мы предположительно рассматриваем как македонские: О письм., Муз. № 3070³, —а также в ряде средленно.

Ниже приводится материал, распределенный по морфологическим категориям глагола.

² М. Долобко, Ночь — ночесь, о́сень — осене́сь, зима́ — зиму́сь, ле́то — ле́тось, «Slavia», V, 4, 1927, стр. 678—717.

⁸ Последний текст представляет собой хрисовул охридской церкви, что наряду с вторым ударением является одним из доводов за македонское происхождение указан - ной системы.

Личные формы глагола

І. Презенс

Акцентная система презенса состояла из акцентных парадигм, указанных в табл. 1.

Таблица 1

Акц.	пар	адигма	а	b	c
Sing.	1 :	ищо	bődo	mogo	#nèso#, #prîneso#
	2	*	bődeši	mòžeši	neseši, prineseši
	3	»	bő d etь	тдžetь	neseth, prineseth
Pl.	1	»	bődem's	тдžетъ	nesemb, prinesemb
	2	»	bő de te	mòžete	nesete, prinesete
	3	*	bődotь	тддорь	nesotb, prinesotb
Du.	1	*	bődevě	mòževě	nesevě, prinesevě
	2	»	bő d eta	mòžeta	neseta, prineseta
	3	»	bödete	mòžete .	nesete, prinesete

Формой-энклиноменом в системе презенса являлась форма 1-го лица ед. числа глаголов акцентной парадигмы с.

Первый тип модификации акцента по закону Васильева — Долобко отмечен в древнерусском и среднеболгарском.

1. Древнерусский

Оттяжка ударения на местоимение са дважды отмечается в Чуд. Нов. Зав.: не стажю са 119^4 , постажю са 128^1 .

Распределение ударения форм 1-го лица ед. числа презенса с другими энклитиками показывает ожидаемую картину: энклитика, непосредственно следующая за глаголом парадитмы с в форме 1-го лица ед. числа презенса, обычно получает ударение (при безударности формы глагола); в случаях парадигмы а и b ударение на энклитике, как правило, не отмечается⁴.

Частица же: парадигма c — жи[коу жè 122^4 (ср. жи́коу 122^4 , bis, жибешѝ 122^3), цажю же́ са 120^4 (ср. ца́жю 111^1 , не́ поциажю 121^2), сдержю же́ са 128^2 (ср. сде́ржю 34^3 , держитѐ 52^1); парадигма a — ви́жю же 102^4 , впрация ве 65^3 , супобаю же 116^4 ; парадигма b — придоу же 115^3 , хоцю́ же 130^4 , хвалю́ | же 112^3 , гоню́ же 129^1 , молю́ же са 121^2 .

Местоимение ти: парадигма c-cткоры тй 22^1 (ср. ткоры 22^3 и др., сткоры 14^3 и др.), інклю тй 178^1 (ср. дайжлю 103^4), блю дарю тй 37^1 , глю тй 4^4 , глю тй 30^3 , не глю тй 10^3 , реку тй 3^4 (с отражением словарного ударения; ср. рекоу 102^3 и др.); парадигма a- кспоминаю ти 138^4 ; парадигма b- придоу ти 149^3 , покажю ти 81^4 , и покажю ти 150^4 , сужю ти 37^4 .

⁴ Ср. подобное, но еще более последовательно проведенное состояние в системе имени и местоимения; см.: В. А. Д ы б о, Закон Васильева — Долобко в древнерусском (на материале «Чудовского Нового Завета») (в печати).

Примечание: Обращает внимание, что при следовании за формой глагола местоимения каі, которое само было энклиноменом, такого переноса

ударения, как правило, не наблюдается:

Парадигма c — оўзрю каі 148^4 (ср. оўзрю 50^1 , оўзріг 23^2), терпію каі 21^1 (ср. терпію 10^2), карю каі 24^1 (при кары каі 14^4 , с двумя ударениями. Возможно, ошибка, вызванная переносом). Парадигма a — обранію каі 121^1 , постакаю каі 52^1 , заклинаю каі 134^1 , покою каі 7^3 , кижю каі 142^3 ; парадигма b — молю каі 78^4 , 79^1 , 161^1 , 161^2 ; карпасцію каі 22^3 .

Ср. аналогичное отсутствие переноса ударения в местоименных эн-

клиноменах: тако взі 162^2 , сами взі 42^3 .

2. Среднеболгарский

Тождественная система переносов ударения засвидетельствована в среднеболгарских текстах XIII—XIV вв. «тырновской группы» и в близком к ним в акцентологическом отношении тексте Пс. № 309:

Парадигма с — спова с мин. № 678, 533 б; пожеж тй Лих., 9 б; каз'зокж же Толк. пс., 88 б; казнес та Пс. № 309, 116 б; 138 б; йзчат х λ Пс. № 309, 134 б; рек тѝ Воскр. ев., 5а; не трапла в С Толк. пс., 20а; не призра в С іб., 476. (В Пс. № 309, однако, отмечено смещение с вторым типом модификации: призок та 98 б, в соответствии с казокж 27а).

Парадигма a' — й покрыж та Зогр. сб. № 103, 334; да выждж та Зогр. сб. № 103, 334; да выждж та Зогр. сб. № 103, 374; сабва та Нор. ис., 216;

очищтж си Нор. пс., 187 б.

Парадигма b — поста са Мин. № 678, 515 б; пошж са Мин. № 678, 509 б;

и поглоумла са Нор. пс., 199а.

Второй тип модификации акцента по закону Васильева — Долобко наиболее последовательно отразился в рукописях, приписываемых митро-

политу Киприану («Система Киприана»):

Парадигма c: казнес $\acute{\pi}$ са Пс. Кипр., 101а, казнес $\acute{\pi}$ та ів., 24а, 1276, $\^{n}$ казнес $\acute{\pi}$ та ів., 107 б; й спе $\acute{\pi}$ са ів., 113а; призок $\acute{\pi}$ та ів., 122 б; побуа са ів., 108 б, й побуа са ів., 113 a, й набуа са ів., 113 a; й казвесела са ів., 139 a, и казвесела са ів., 25a; поклон $\acute{\pi}$ са Ів., 162 a, Пс. Кипр., 6a.

Парадигма а: не подвижж са Пс. Кипр., 52a; йзвавла са іb., 15a; й небмила са іb., 24 a; й дубінж са іb., 44 б; й йзвавла та іb., 43 б; повбінж

са Леств., 170a; Śстакла же Пс. Кипр., 135б.

Парадигма b — погабмала Пс. Кипр., 108 б; би јаврациж са ів., 15 б; бисећа са ів., 52 а, 119 а, 119 б, й висећа са ів., 123 б; облича чта ів., 44 а; хо́щж чта Леств., 31 б, да покажа чти ів., 38 а.

Однако при частице же перенесенное на нее ударение сохраняется:

ни | оскводна жè Пс. Кипр., 81 а; мна жè Леств., 127 б, 2036, мн/жè ib., 254а; гла жè Леств., 82 а, 143 б, 152 б, 1556, гла | жè ib., 156 а. Последнее обстоятельство, возможно, указывает на то, что оттяжка ударения на предшествующий слог происходила первоначально лишь с долготных энклитик.

Аналогичная система зафиксирована в текстах предположительно македонского цикла:

Парадигма с: потацюў се О письм., 13 а, не потацюў се іb., 47 а, тацій се іb., 27 а; л⁄ний се іb., 51 а; казкічцій ти іb., 51 а (ср. ка́якічцій іb., 24 а); йзабікній ти іb., 41 б (ср. проідкий іb., 17 б), попекоў се Муз. № 3070, 1а.

Парадигма a: $\Lambda^{\frac{1}{4}}$ ю се O письм., 5a; окрещь се ib., 3б; оўстаклю се ib., 46a; нам $^{\frac{1}{4}}$ рю ти ib., 28 a.

Парадигма b: не \overline{w} ме́ ψ 8 се ib., 56 а; прtмо́жоу се ib., 8 а; да не прtкzз-

νόωδ ce ib., 46 a; ωεού κου ce ib., 5 a; πρικέννην τε ib., 48 a.

Примеры с энклитиками же, ли: реку же 0 письм., 56 б, не рексу ли ib., 35 а — могут быть поставлены в соответствие с отсутствием рецессии ударения с частицы же в предыдущей системе: модификация ударения по закону Васильева — Долобко сохраняется в диалекте 0 письм. в этот период лишь как факт морфонологии, а не как правило синтаксической фонетики, тем самым в 1-м лице ед. числа презенса глаголов парадигмы с во всех случаях, когда оттяжка ударения не закрепила данную модификацию как чередование акцента внутри слова, она была утрачена 5. Однако возможно и объяснение ударения этих форм как отражения начавшегося падения подвижности акцента первоначально в тематическом классе глаголов; ср. состояние в среднеболгарских текстах XV в. («Система Гаврила»).

Наибольшая степень распада системы модификаций акцента в северовосточноболгарском отразилась в среднеболгарских текстах XV в., написанных в Молдавии («Система Гавриила»), где следы ее сохраняются лишь в

і-глаголах.

Ср.: парадигма с: й абла́са Вас. Вел., 45 а, Ев. Григ., 263 б, й да не абла́са Сб. № 19, 165 а; поклона́ са Ням. сб. № 106, Яц. 6, Ев. Григ., 5 б, не поклона́ са Ням. сб. № 106, Яц. 5; оудражж са Ев. Григ., 173 б; тащж са Вас. Вел., 48 а.

Но парадигма b : не вазвращж са Сб. №19, 163 б; помола са Сб. №19, 169а; тржда са Сб. № 20, 193а; й са Гвора ва Ев. Григ., бб, й посложж ти

Сб. № '19, 163 б и под.

В тематических глаголах эта система, вероятно, уже потеряна: (парадигма с) обмѣкж са Ням. сб. № 20, Яц. 25; попе́кж са Сб. № 19, 168 а;

ре́кж же Сб. № 20, 41 б.

В западноболгарских диалектах уже в конце XIV в., по-видимому, происходит процесс распространения системы модификаций второго типа на глаголы акцентных парадигм a и b, но при этом она приобретает факультативный характер, ср. в Поуч. Ис. Сир.: парадигма a: не дуиф 111 a \sim \sim повиж 57 б, й виж | та 111 а; парадигма b: да ловж та 111 a, казверафи са 112 а; парадигма c: не вож са 90 б, да сповый та 225 а \sim дибыл са 179 б; да не Шт δ ж са 108 а 6 .

II. Аорист

Формы аориста в праславянском языке находились в сложном соотношении с формами презенса, которое определялось в основном двумя факторами: типом основы и акцентной парадигмой презенса. Наиболее ясны следующие четыре случая.

⁵ Ср., однако, положение в аористе глаголов на -i-.

⁶ Однако, возможно, что в этом тексте в определенных фразовых условиях сохраняются старое конечное ударение 1-го лица ед. числа презенса глаголов акцентной парадигмы 6. Реконструкция акцентной системы данного текста осложивателя неяеным характером варии, то явно отражающей словесную акцентовку, то, возможно, отмечающей вторичное фразовое ударение, условия появления которого не поддаются пока определению. Подробно об акцентовке форм презенса в средвеболгарских текстах см. в статье: В. А. Д ы б о, Средвеболгарские тексты как источник для реконструкции праславяльского ударения (Praesens), ВЯ, 1969, З. Должен отметить, по в этой статье в список форм 1-го лица ед. числа презенса из Поуч. Ис. Сир. (стр. 91), по недосмотру автора, попала форма й не вовинжем 111а, являющаяся в действительности формой 3-го лица ед. числа аориста.

А. Тематические и сигматические аористы (при тематическом презенсе глаголов с корнями, завершающимися на смычный или фрикативный).

Эта группа аористов распределяется по схеме, данной в табл. 2.

Таблица 2

Акцентный тип презенса	a	b	c		
Морфологиче- ский тип аориста	тематический		сигматический		
Акцентный тип аориста	а	b	c		
Sing. 1 лицо	pådъ	mogъ	$ \begin{vmatrix} v\check{e}sb & s\check{e}xb \\ \pm v\check{e}de^{\pm} & \pm s\check{e}\check{e}e^{\pm} \sim \pm privede^{\pm}, & \pm p\check{o}s\check{e}\check{e}e^{\pm} \\ \pm v\check{e}de^{\pm} & \pm s\check{e}\check{e}e^{\pm} \sim \pm privede^{\pm}, & \pm p\check{o}s\check{e}\check{e}e^{\pm} \end{vmatrix} $		
2 »	påde	može			
3 »	påde	može			
Pl. 1 лицо	pädomъ	mogomъ	věsomb sěxomb		
2 »	pädete	možete	věste sěste		
3 »	pädo	mogo	věst sěše		
Du. 1 лицо 2 » 3 »	pädově	mogově	rěsově séxově		
	pädet a	možeta	věstá sésta		
	pädete	možete	věste séste		

В этой системе формами-enclinomena являлись асигматические формы 2 и 3-го лица ед. числа сигматического аориста, образовывавшегося исключительно от глаголов акцентной парадигмы c; в тематическом аористе, который образовывался лишь от глаголов парадигм a и b, формы-enclinomena отсутствовали 7 .

Б. ā-а орист

Этот тип аориста имели многочисленные j-praesentia, нормальной акцентной характеристикой которых были парадигмы a и b, и ряд тематических глаголов с корнями, завершающимися сонантом; последние, как правило, относились к акцентной парадигме c. Акцентовка аориста соотносились с акцентной парадигмой презенса по определенной схеме (см. табл. 3).

И в этой группе аористов формами-enclinomena были формы 2 и 3-го лица ед. числа от глаголов акцентной парадигмы c.

⁷ См.: В. А. Д ы б о, Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста, «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», 30, 1961.

Т	а	б	т	u	ш	а	3

			т солица э
Акц. тип презенса	a	b	c
Акц. тип аориста ¹	$a^a(A)$	a ^b (F)	c ^c (C)
Sing. 1 лицо	mäzaxъ	svläxv	dərāxə
2 »	mäza, pomäza	svlä, posvlä	#dəra#, #rāzdəra#
3 »	mäza, pomäza	svlä, pesvla	#dəra#, #rāzdəra#
Pl. 1 лицо	mäzaxomъ	səläxomə	dъräxomъ
2 »	mäzaste	səläste	dъräste
3 »	mäzašę	səlä š ę	dъräšę
Du. 1 лицо 2 » 3 »	mãzaxově	səläxově	dъräxově
	mãzasta	səlästa	dъrästa
	mãz a ste	səläste	dъräste

¹ Вдесь и ниже акцентные типы аориста обозначаются в соответствии с системой обозначения акцентных типов производных имен, принятой нами в работе «Акцентология и словообразование в славнеком» (сб. «Славнеское языкознание. VI Международный съезд славистов», М., 1933, стр. 150—151, 153 и сл.)

В. Сигматическо-корневые и сигматическо-дентальные аористы

В этой группе наблюдается более сложное распределение (см. табл. 4). В данной системе формами-enclinomena являлись формы 2 и 3-го лица ед. числа сигматическо-дентального аориста, который образовывался

Таблица 4

Акцентовка инфини- тива	- ti		_	ti	
Акц. тип презенса	а		ь		c
Морфологический тип аориста	сигматическо-корневой		сигматическо-дентальный		
Акц, тип аориста		a		c	
Sing. 1 лицо 2 » 3 »	bĩхъ bĩ bĩ bĩ	žę̃sъ žę̃ žę̃	jęs5 #jęt5# #jęt5#	pęsъ # pệtъ# # pệtъ#	pixs # pits# # pits#
Pl. 1 лицо 2 » 3 »	bixomъ biste bišę	žęsomъ žęste žęsę	jęsomb jęste jęste jęsę	pęsomb pęste pęstę	pîxoms pîste pîšę
Du. 1 лицо 2 » 3 »	bixově bista biste	žę̃sově žę̃sta žę̃ste	jęsovė jęsta jęste	pęsovė pęsta pęste	pixově pista piste

от глаголов парадигмы с и от глаголов парадигмы в в презенсе с конечноударенным инфинитивом. От глаголов акцентной парадигмы а и от глаголов акцентной парадигмы в в презенсе с инфинитивом, имевшим акутовое ударение на корне, образовывался сигматическо-корневой аорист, просодической характеристикой которого была акцентная парадигма а. В этом типе аориста формы-enclinomena отсутствовали 8.

Г. Аорист от глаголов на -i- и на -n о-

Наиболее простое соотношение наблюдалось в акцентной системе *i-* глаголов. К ним примыкали глаголы на -np-, сохранявшие этот формант в аористе (см. табл. 5).

Таблица 5

Акц. тип презенса	a aa (A)		a ^b (F)		c (C)	
Акц. тип аориста						
Sing. 1 лицо 2 » 3 »	bâvi z	einoxъ eino eino	nosixъ nosi nosi	kosnőxъ kosno kosno	avixъ #âvi# #âvi#	pomęnozi # pomęno # # pomęno #
Pl. 1 лецо 2 » 3 »	bariste z	inoxomz inoste inose	nosixomъ nosiste nosišę	kosnő хотъ kosnőste kosnőšę	avixomъ aviste avišę	pomęnoxomb pomęnoste pomęnose
Du. 1 лицо 2 » 3 »	bāvista z	zinoxově zinosta zinoste	nosixově nosista nosiste	kosnőxově kosnősta kosnőste	avixově avista aviste	pomęnoxovė pomęnosta pomęnoste

В обоих этих типах аориста формами-enclinomena были формы 2 и 3-го лица ед. числа акцентного типа C, образованного от глаголов акцентной парадигмы c в презенсе.

Таким образом, в праславянском формами-enclinomena в аористе были формы 2 и 3-го лица ед. числа акцентной парадигмы c: данные формы наблюдались в сигматическом аористе (асигматические формы 2 и 3-го лица ед. числа), в сигматическо-дентальном (дентальные формы 2 и 3-го лица ед. числа), в \bar{a} -аористе от глаголов акцентной парадигмы c в презенсе и в аористе от глаголов на -i- и $-n\rho$ - акцентной парадигмы c в презенсе.

Болгарский язык, вероятно, очень рано потерял подвижность ударения в сигматическом аористе, и в соответствии с этим формы-enclinomena 2 и 3-го лица ед. числа были заменены формами с устойчивым накоренным ударением.

⁸ Ср.: В. А. Дыбо, О древней шей метатонии в славянском глаголе, ВЯ, 1958, 6; его же, Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста; его же, О реконструкции ударения в праславянском глаголе, ВСЯ, 1962, 6; его же, Акцентные типы презенса глаголов съ, ь в корне в праславянском (в печати).

Парадигма с: 1) пожеже Толк. пс., 11 б; 2) притече Зогр. сб. № 103, 381; 3) казнесе Нор. пс., 46а, прамесе ів., 135 а, помесе Воскр. ев., 14 б, помесе Григ. № 1703, 3 а, й примере ів., 3 а; 4) й йзбае Нор. пс., 180 а, казнеде Пс. Кипр., 134 б; 5) разгаче Пс. Кипр., 138 б.

Лишь крайне редко встречаются формы с оттяжкой ударения на приставку (западноболгарская черта?): нарече ф 98 № 1, 86 а (при прокоде ів.,

88б).

В соответствии с ударением формы 2 и 3-го лица ед. числа перестраивается и ударение других форм аориста: те́ко Пс. Кипр., 109а, те́коша Григ. № 1703, 11 б; казне́ко Пс. Кипр., 806, 119а, ни казне́рост са Пс. Кипр., 119а; казке́доха Пс. Кипр., 116б; казке́до Пс. Кипр., 115 б, 149а, прике́дсциж Воскр. ев., 17а,— с сохранением арханчных вариантов с ударением над суффиксом: ѝ потекоша Пс. Кипр., 96 а; принессоща Воскр. ев., 15а, принессоща ів., 15а; ѝ рекошж Нор. пс., 129а, рекошж Воскр. ев., 123б.

Такая перестройка приводит к совпадению этого акцентного типа аориста с аористом парадигмы а⁹, ср.: 1) не гале Нор. пс., 13а; 2) ѝ не палека Воскр. ев., 13а, пале Зогр. сб. № 103, 376, нападе на ма Пс. Кипр., 47а; палем Пс. Кипр., 22а, ѝ нападешти Воскр. ев., 13а; 3) обратос Пс. Кипр., 119а, обратошт Зогр. сб. № 103, 375; обратошт ів., 377 (ср. обратное

смешение: и шкратшета Воскр. ев., 92б).

В разных ґоворах с различной скоростью аналогичной перестройке подвергаются и аористы парадигмы b. Так, в Зогр. сб. № 103 и в Мян. № 678 тип b еще отражается: 1) бтидѐ Зогр. сб. № 103, 373, отидѐ іb., 376, отидѐ (напечатано — отидѐ) іb., 376, отидѐ Мин. № 678, 515а, каридѐ іb., 521 б, йзыдѐ Зогр. сб. № 103, 376, 421, 433, придѐ іb., 375, придѐ Мин. № 678, 516 б; придошж Зогр. сб. № 103, 377; 2) й не казможѐ Зогр. сб. № 103, 378; не казможѐ Мин. № 678, 5326. Но в Нор. пс. и Григ. № 1703 этот тип, по-видимому, уже совпал с типом a: изы́де Нор. пс., 10а, й]зы́де іb., 2446, казы́де іb., 81а, Григ. № 1703, 3а, кани́де іb., 3а, гани́де іb., 5а, зайде іb., 16; прійдошж Григ. № 1703, 2а.

Все эти процессы, естественно, привели к тому, что переносы по закону Васильева — Долобко в этой части глагольной системы, очевидно, полностью утрачены, ср.: раждеже са Зогр. сб. № 103, 421, 432; казнесе са Пс. Кипр., 1306, казнесе ма Пс. Кипр., 22 б; йзкеде ма Пс. Кипр., 14 б, 21a;

обляте са Зогр. сб. № 103, 371, облять са ів., 373.

Из остальных случаев следует рассмотреть две группы фактов: 1. \bar{a} -аористы, корневые и дентальные аористы (развитие этих типов было, вероятно, взаимосвязано) и 2. аорист i-глаголов 10 .

1. $\bar{\boldsymbol{a}}$ -аористы, корневые и дентальные аористы (группы E, B)

Сводный материал среднеболгарских текстов до конца XIV — начала XV в. показывает, что в это время парадигматическое распределение форм 2 и 3-го лица ед. числа с устойчивым ударением и форм-enclinomena существовало в большей части болгарских говоров лишь в \bar{a} -аористах, тогда как в корневых и дентальных аористах наблюдается устойчивое ударение.

⁹ Возник в результате перестройки тематических аористов. ¹⁰ Аористы глаголов на -n₂- сохраняли в среднеболгарском формы-en:linomena (ср. помкиж Нор. пс., 23а, И помкиж ib., 1786, помкиж Пс. Кипр., 92а, 946 при помкиж Пс. Кипр., 110а; но й Фрим Нор., пс., 133а при Фримым Григ, № 1703, 26), но в изученных нами текстах эти формы в сочетаниях с энклитиками не встречены. ā- а о р и с т ы. Формы-enclinomena: (без энклитики) по́пра Пс. Кипр., 301a; (с энклитикой) габрага Толк. пс., 108a; раздрага ф.98, №1, 92б. Формы с устойчивым ударением: псла Пс. Кипр., 49a, псла Зогр. сб. № 103, 378, 382, 421, 432.

Корневые аористы. Без энклитики: не ста Нор. пс., 13а, придаста Толк. пс., 1106; приспи Зогр. сб. № 103, 432; й йзы Нор. пс., 131а; йзра Толк. пс., 113а; сакра Воскр. ев., 28а, покра Служ. Евф., ба; пократа Нор. пс., 250б (последний пример с вторичным расширением дентальным формантом по аналогии с дентальными аористами). С энкли-

тикой: й покобі ма. Пс. Кипр., 47а.

Дентальные аористы. Без энклитики: прката Зогр. сб. № 103, 421, приата Нор. ис., 466, приата Григ. № 1703, 4а, подажта Нор. ис., 1а; запата Мин. № 678, 521 б.; прејстркта Пс. Киир., 123а; й выста Нор. ис., 478а. Сэнклитикой: й приатма Толк. ис., 656, приата ма Ис. Кипр., 110а, фвайт ма Нор. ис., 201а, поят вф Зогр. сб. № 103, 378; кажа Пс. Кипр., 119а.

Возможно, как архаизм следует расценивать случай примть à Пс.

№ 309, 108a.

Однако позднее в части среднеболгарских диалектов (тексты XV в., написанные в Молдавии — «Система Гавриила»), вероятно, под влиянием аористов от глаголов на -i- подвижность ударения распространяется на корневые аористы с хі и и в корне, 2 и 3-е лицо ед. числа которых становится энклиноменом: 1) сҡҡры Сб. № 19, 302 а, Сб. № 20, 8а, Ев. Григ., 326, 33а, сҡікры Сб. № 19, 410а, й сҡҡры Ев. Григ., 62а, ѿкры Сб. № 19, 229а, й покры Сб. № 19, 4306; 3) почи Сб. № 19а, ие покры (ма) Сб. № 19, 1656; 2) й йзы Сб. № 19, 4396; 3) почи Сб. № 19, 88а, поічи Сб. № 19, 2826; 4) оўмы 1 Ев. Григ., 260а. В соответствии с этим при присоединении частицы сла данные формы передают ей ударение: 1) сҡкры сб. № 20, 191а, Ев. Григ., 2596; 2) раізбиса Сб. № 19, 155а, й разбиса Сб. № 19, 1636.

Но встречаются и варианты с устойчивым ударением: покры Сб. № 19, 269а, покрыта ів., 248а, гакры Сб. № 19, 2486, Сб. № 20, 23а, сакрыта Сб. № 19, 2326; шкрыса Сб. № 19, 2136, сакрыса Ев. Григ., 2476, сакрытса

Сб. № 19, 442а; не развится Сб. № 19, 141а.

Можно было бы думать, что в какой-то степени переход этих форм в подвижный тип был поддержан аналогией с формами-епсlinomena ā-аористов: ка́зка Ев. Григ., 806, й ка́зка ів ів., 66, й призка Сб. № 19, 3556; йзка Ням. сб. № 20, Кал. 25. Однако эти формы в данных текстах встречаются крайне редко, т. е. сами являются исчезающим типом, заменяясь обычно формами с устойчивым ударением, ср.: призка Вас. Вел., 396, й призка Ев. Григ., 85а; йзкра Сб. № 19, 155а, Ев. Григ., 117а, съкра Сб. № 19, 66, съкра́са Сб. № 19, 656, съїна Сб. № 19, 5а, 8а; разара́са Ев. Григ., 81а, 816, 1266, съгна Сб. № 19, 5а, 8а; разара́са Ев. Григ., 74а. Последние безусловно являются результатом аналогии с формами ā-аористов от глаголов акцентной парадигмы b: създа Сб. № 19, 40а, Ев. Григ., 117а, й създа Сб. № 19, 440а; създа́са Сб. № 19, 1656, 169а; посла Сб. № 19, 447а, Ев. Григ., 112а, посла Ев. Григ., 1096, й посла

 $^{^{11}}$ $^{\circ}$ в этой группе текстов употребляется для обозначения ударения в неприкрытом слоге, равняясь значкам $^{\prime\prime}(\text{см.:}\ B.\ A.\ H \ boldon G.\ R \ y = R \ n \ H.\ Бодгарский текст в русской минее XVI в. «Вуганtinobulgarica», II, 1966, стр. 288).$

Сб. № 19, 1776, 302а, Ѿсла Ням. сб. № 106, Кал. 36, посла ма Сб. № 19, 1676, HOCNÁ TA CÓ. № 19, 1676.

С другой стороны, если бы влияние форм-enclinomena \hat{a} -aoриста на корневые аористы было сколько-нибудь значимым, то следовало бы ожидать перехода в подвижный тип, прежде всего, корневых аористов с $ilde{a}$ в корне, но как раз эта группа аористов выступает всегда с устойчивым ударением: каста Ев. Григ., 93а, Сб. № 19, 92а, какта Сб. № 19, 373б, маста Ев. Григ., 88а, првета Сб. № 19, 1736, првета Ев. Григ., 36а, и првета Сб. № 19, 4486, не првета ib., 176, првета ми Сб. № 19, 164а; позна Сб. № 19, 46б, Ням. сб. № 106, Кал. 54, й познаса Сб. № 19, 11а.

Дентальные аористы в данных текстах так же, как и в упоминаемых

выше, имеют устойчивое ударение.

Без энклитики: 1) начата Сб. № 19, 76, 10а, 155а, 163а, 166б, 167а, 1676, Вас. Вел., 726, мача Сб. № 19, 4а, Ев. Григ., 16, 82а, мача Сб. № 19, 1666, Ев. Григ., 16, 6а, мача́т Сб. № 19, 1626, 3406, мача́т ів., 160а, й 1000, EB. ΓρμΓ., 1506, β μαγάτα CG. № 19, 1666, β μαγά ib., 1646, 1666, βαγάτα CG. № 19, 4746, βαγά EB. ΓρμΓ., 1306; 2) ογμρέτα Bac. Beπ., 66, ογμρέ EB. ΓρμΓ., 916, 1256, ογμρέ, ib., 1186, β ογμρέτα CG. № 19, 118a; 3) προκλά EB. ΓρμΓ., 111a; 4) με βαμπάτα CG. № 19, 128a; 5) ρασπρο[στρέτα Ев. Григ., 16, й простру Ев. Григ., 846; 6) пожита Вас. Вел., 243а, Сб. № 19, 46, 2086, појжита Сб. № 19, 8а; 7) й покита Ев. Григ., 132а, бъвита іб., 210а; 8) йзвыста Ев. Григ., 26; 9) казата Сб. № 19, 9а, 1406, 1706, кајаата іб., 128а, каза іб., 1406, йзат Сб. № 19, 15а, бъаата Сб. № 19,76, 106, бы Ата ів., 14а, шата Сб. № 19, 38а, прийта Сб. № 19, 226, 31а, 88б, прий Сб. № 19, 91б, Ев. Григ., 277б, й прийть Ев. Григ., 4б, 260а, не приж Сб № 19, 128а (ударение на приставке имеет аорист от глагола повати: пожть Сб. № 19, 2716, Ев. Григ., 1136, bis, 1186, bis, 275а, и̂ пожть Сб. № 19, 414а,— однако это ударение не было элементом подвижной акцентной парадигмы, так как, по-видимому, это ударение имели все лица аориста; ср.: пожшж Ев. Григ., 1136, полша ж ів., 1186).

С энклитикой: 1) не зачáчка Ев. Григ., 135a; 2) распáтка Вас. Вел., 224a, Сб. № 19, 101a, 469б, Сб. № 20, 436; 3) Жит же Сб. № 19, 169a; 4) й събыстиса Сб. № 19, 4396, й сибыса Ев. Григ., 1246; 5) й клачса Ев. Григ., 93б; 6) дтса Сб. № 19, 158б, не въздат ли Сб. № 19, 128а, приат же Ев. Григ., 150б; 7) предаса Ев. Григ., 119а (Ср. также й прослоу са Ев.

Григ., 76а).

2. Аорист глаголов на -i- (группа Γ)

В полном соответствии с реконструкцией, формы 2 и 3-го лица ед. числа аориста от i-глаголов акцентной парадигмы c в презенсе представляют собой формы-enclinomena и перемещают ударение на следующую за ними энклитику. Это явление отмечается в трех группах памятников: а) предположительно македонские тексты XV в.; б) восточные среднеболгарские тексты XIII-XIV вв. «тырновской группы»; в) восточные среднеболгарские тексты XV в., написанные в Молдавии («система Гавриила»).

Ниже приводятся лишь те формы аористов с частицей са, для которых в среднеболгарских текстах встретились соответствующие формы без сл

с предшествующей приставкой, частицей или союзом 12.

¹² Полный перечень форм 2 и 3-го лица аориста глаголов на -i- см. в статье: В. А. Дыбо, Фрагмент праславянской акцентной системы (формы-enclinomena в аористе i-глаголов), «Советское славяноведение», 1968, 6.

а) Предположительно македонские тексты («О письм.»)

Акцентная парадигма с: 1) примирисе 41а (ср. самири 19а); 2) родисе 30а и др. (ср. й роди Зогр. сб. № 103, 373); 3) авкисе 66, 176 и др. (ср. промям 26); 4) 8красисе 706 (ср. 8краси Зогр. сб. № 103, 336); 5) оўттърадисе 41а (ср. 8ткради Служ. Евф., 30а); 6) оўдивисе 546 (ср. оўдиви Толк. пс., 74а); 7) оўкрѣписе Муз. № 3070, 3а (ср. оўкрѣпи Нор. пс., 241б); 8) примучисе Муз. № 3070, 3а (ср. получи О письм., 59а).

Акцентная парадигма a: 1) оустависе 8a, 186 и др. (ср. постави 47a,

67б); 2) прослависе 63б (ср. прослави Толк. пс., 95а).

Акцентная парадигма b: 1) разорисе 716 (ср. разори 76); 2) казкра́тисе 246 (ср. казкра́ти Зогр. сб. № 103, 381); 3) сакра́шисе 46 (ср. сакра́ши Муз. № 3070, 26); 4) касе́лисе 426 (ср. касе́ли Нор.! пс., 41а); 5) помлисе 6а (ср. оўмо́ли Мин. № 678, 5176).

б) Восточные среднеболгарские тексты XIII—XIV вв. («тырновская группа»)

Акцентная парадигма с: 1) оўкрасиса Григ. № 1703, 9а (ср. бкраси Зогр. сб. № 103, 336); 2) каржчиса Лих., 3а (ср. каржчи Зогр. сб. № 103, 382); 3) Фкнокиса Григ. № 1703, 116 (ср. бкноки Зогр. сб. № 103, 382); 4) ажиса Григ. № 1703, 5а (ср. нб. шки Нор. пс., 242 а); 5) приминиса Зогр. сб. № 103, 335 (ср. йзмини О письм., 546); 6) оўкриниса Мин. № 678, 520а (ср. оўкрини Нор. пс., 241 б).

Акцентная парадигма а: 1) помбісьне Лих., 136., bis, 14a (ср. 8мбісьи Зогр. сб. № 103, 371); 2) й просьбви (са) Служ. Евф., 87a (ср. просьбіви Толк. пс., 95a); 3) кайржжиса Зогр. сб. № 103, 371 (ср. кайржжи Толк.

пс., 30a) ¹³.

Акцентная парадигма b: 1) й помолиса Мин. № 678, 514а (ср. оўмоли ів., 517 б); 2) распалиса Зогр. сб. № 103,371 (ср. блали Мин. № 678, 523а); 3) приложиса Григ. № 1703, 46 (ср. и положи Нор. пс., 228б); 4) оўпразни|са Мин. № 678, 5176 (ср. оўпразни О письм., 60а); 5) Фбратиса Григ. № 1703, 8а, Фбратиса Толк. пс., 86б, прекратиса Зогр. сб. № 103, 335 (ср. казверати Зогр. сб. № 103, 381, Фкрати Толк. пс., 95а).

Ср. также с другими энклитиками: 1) пикоди жè Зогр. сб. № 103, 432 (ср. покици ib., 382, й покоди ib., 432); 2) баки та Толк. пс., 133а (ср. бакиса Служ. Евф., 87а); 3) й спби ма Мин. № 678, 533а (ср. сподобиса ib., 511а); но: 1)йзбаки ма Толк. пс., 105а, йзбаки ма ib., 105а (ср. йзбаки Нор. пс., 249а); 2) постаби же Толк. пс., 55а (ср. постаби ib., 45а); 3) не приложи же Толк. пс., 25б (ср. приложи ib., 196, 44а, 47б).

в) Восточные среднеболгарские тексты XV в. («Система Гавриила»)

Передвижение ударения на приставку, отрицание, союз в этой группе памятников уже утрачено, однако переход ударения на местоименную частицу са во 2 и 3-м лице ед. числа аориста от *i*-глаголов акцентной парадигмы с презенса еще сохранился и распределение форм с перетянутым

¹³ В последнем примере наблюдается вторичное неподвижное ударение, связанное с вторичным же ударением производящей основы (лексико-акцентологическая инновация диалектов «тырновской группы»). К парадигие а отнесен условно.

Акцентная парадигма с: 1) оўдивига (ср. оўдиви Толк. пс., 74а); 2) двига (ср. продви Толк. пс., 19б); 3) йзманнга (ср. йзманн О письм., 54б); 4) оўкраннга (ср. оўкран Нор. пс., 241 б); 5) бякравига (ср. фякран Пс. № 309, 154а); 6) родига (ср. й роди Зогр. сб. № 103, 373); 7) приразига (ср. поірази Нор. пс., 1116); 8) яководига (ср. яководи О письм., 20а); 9) прогазина (ср. просази О письм., 64б); 10) раздрацина (ср. раздран О письм., 55 а); 11) пооўчиса (ср. йзоўчи О письм., 37б).

Акцентная парадигма α: 1) йспланись (ср. йсплани Толк. пс., 133а); 2) сякакбпись (ср. гакакоўпи Толк. пс., 44а); 3) йзвакись (ср. йзваки Нор. пс., 249а); 4) бетакись (ср. не фетаки Нор. пс., 171б); 5) насытись (ср. насыти Нор. пс., 8б); 6) праставись Ням. сб. № 20, Кал. 9 (ср. постаки О письм., 47а, 67б).

Акцентная парадигма b: 1) каселиса, (ср. касели Нор. пс., 41а); 2) помолиса (ср. оўмоли Мин. № 678, 517б); 3) разориса (ср. разори О письм., 76); 4) казкратиса (ср. казкрати Зогр. сб. № 103, 381); 5) йзколиса (ср. изколи Толк. пс., 83а, 83б); 6) обличиса (ср. обличи Толк. пс., 93а); 7) сакрацика (ср. сакраши Нор. пс., 121а); 8) шлжчиса (ср. шлоўчи Муз. № 3070, 26).

Второй тип модификации акцента по закону Васильева — Долобко отразился в западноболгарском тексте Поуч. Ис. Сир. и в восточнобол-

гарских текстах «Системы Киприана».

В Поуч. Ис. Сир. отмечаются следующие случаи форм-enclinomena аориста *i*-глаголов: 1) йзміся 116, 126, 13а (ср. йзміся Толк. пс., 176 ~ ней йзм Нор. пс., 242а); 2) капалтися 81а (ср. капалтися Григ. № 1703, 116); 3) йскосися 926; 4) казкемися 1016; 5) прикочися 138а, 1386 (ср. полочи О письм., 59а, прилочитсе ів., 186). Без частицы са формы этого типа имеют ударение на приставке: полочи 83а, й покори 197а, миспости 154а, кадржэн 86 и др.

В акцентных парадигмах а ц в ударение сохраняется на корне: смфриса 5а, йспланиса 1396, поноўдиса 223а, къселиса 136, й приложиса

110á, и др.

Аналогичную картину показывают тексты, приписываемые митрополиту

Киприану

Акцентная парадигма с: 1) йвись Дион. Ареоп., 286 (ср. йвись Сб. № 20, 146 и др.); 2) родись Пс. Кипр., 786 (ср. родись Сб. № 20, 106 и др.); 3) обновись Пс. Кипр., 34а (ср. шбысьись Григ. № 1703, 11б); 4) й сүкрасиісь Дион. Ареоп., 19а (ср. оўкрасись Григ. № 1703, 9а); 5) сутврадись Пс. Кипр., 79а, 137а (ср. оўтврадись Вас. Вел., 205а) и др.

Акцентная парадигма а: 1) оўмиціжись Пс. Кипр., 110б; 2) йсплан-

иса Пс. Кипр., 53а.

Акцентная парадигма b: 1) приложиса Пс. Кипр., 43a; 2) оўтр δ диса

Дион. Ареоп., 316; 3) каселиса Пс. Кипр., 716.

Однако в Леств., где встречено лишь несколько примеров акцентованных форм 2 и 3-го лица ед. числа аориста от глаголов на -i-, по-видимому, отразился первый тип модификации акцента по закону Васильева —

¹⁴ Примеры на текстов «Системы Гавриила» не документируются: полная документация заняла бы слишком много места, а выборочная — мало показательна. Вся документация дается в указанной выше работе.

Долобко: праманиса Леств., 202а, 203а, при казкратиса Леств., 796, положиса ів., 80а, — что, возможно, говорит об иной диалектной основе этого текста, чем у Пс. Кипр. 15 (ср. ниже акцентовку действительных причастий настоящего времени).

Неличные формы глагола

I. *1*-причастие

Ударение *1*-причастия в праславянском языке находилось в сложном соотношении (подобном соотношению ударения аориста) с формами презенса и его ударением. Как и в случае аориста, в число параметров, определяющих тип ударения причастия, включалось и ударение инфинитива.

В І-причастии, так же, как и в аористе, наиболее ясно выделяются четыре группы.

Группа А: l-причастия от тематических глаголов с корнями, за-

T - - - - C

вершающимися на смычный или фрикативный.

Распределение ударения в данных формах непосредственно связано с типом акцентовки инфинитива (см. табл. 6).

					Та	олица о		
	Акцентовка инфини- тива			- ti		- ti		
Акц. тип презенса		a	c		b			
Акц. тип	Акц. тип <i>l</i> -причастия		баритонный (= а)		окситонный (= b)			
Sing.	Nom.	m. f. n.	pãdlъ pãdla pãdlo ит.д.	sěklъ sěkla sěklo ит. д.	vedlo vedlo vedlo ит. д.	mogla mogla moglo ит. д.		

В этой группе тип с подвижным ударением отсутствует, соответственно, отсутствуют и формы-enclinomena. Группа Б: l-причастия от j-praesentia и тематических глаголов со

второй основой на $-\bar{a}$ -. Акцентные типы l-причастия соответствовали здесь акцентным типам

аориста и находились в подобной же связи с ударением презенса (см. табл. 7).

Таким образом, эта система включала в себя формы-enclinomena в акцентном типе C (l-причастия, образованные от глаголов акцентной парадигмы с в презенсе). Такими формами были номинативы sing. m., sing. n., pl. m., pl. f., du. m., du. f., du. n. Очевидно, что подобные формы существовали и в косвенных падежах.

Группа В: l-причастия от глаголов с корнем, завершающимся на гласный или сонант (глаголы, образовывавшие сигматическо-корневой и сигматическо-дентальный аористы).

¹⁵ Памятники, включаемые в группу Киприановского цикла, наряду со сходством их акцентных систем, имеют и некоторые различия, что заставляет относить их к хотя и сходным, но разным идиолектам. По-видимому, они не могли быть написаны одним человеком.

					Таблица 7
Акц.	тип пр	езенса	а	ь	c
	кц. ти гричаст		$a^{a}\left(A ight)$	a ^b (F)	c ^c (C)
Nom.	Sing.	m.	тãzalъ	səlälə	#dirals#
	8	f.	mäzala	sъläla	derala
		n.	mäzalo	s blata s blälo	#doralo#
	pl.	m.	mäzali	s stati	#dbrali#
	Pr.	f.	mäzaly	sъläly	#dbraly#
		n.	mäzala	sъläla	derala
	du.	m.	mäzala	sъläla	#dirala#
		f.	mäzalě	sъlälě	#dsrale#
		n.	mäzalě	sъlälě	#dhralě#

Распределение акцентных типов І-причастий в этой группе глаголов тождественно распределению акцентных и морфологических типов аориста, а непараллельность этого распределения распределению акцентных парадигм презенса вызвана теми же причинами, что и соответствующее явление в аористе (см. табл. 8).

Таблица 8 Акцентовка -- ti _____ ti __ ti инфинитива h Акц, тип презенса а cАкц. тип ac*l*-причастия bĩlъ #jêlz# #pệlъ# #pîlъ# Nom. Sing. žėlъ m. hila pila f. žëla jela pela bilo #jêlo# pệlo# # pî lo# želo n. # pî li # PI. $b\tilde{i}li$ žęli #j@li# # p**êli**# m. bily #i@ly# pệly# #pîly# f. žęly bîla žįla pila iela pela n. hĩla #iêla# pêla# # pîla# du. žëla \mathbf{m} #pîlĕ# bîlě #iêlĕ# pệlĕ# f. žëlě bîlĕ # pîlĕ# žęlě #iêlĕ# # pê lě #

В данной системе формами-enclinomena были номинативы: sing. m.. sing. n., pl. m., pl. f., du. m., du. f., du. n. — l-причастий акцентной парадигмы с, образованных от глаголов парадигмы с и от глаголов парадигмы b в презенсе c конечноударенным инфинитивом. Очевидно, что такие формы существовали и в косвенных падежах. От глаголов акцентной парадигмы a и от глаголов акцентной парадигмы b в презенсе с инфинитивом, имевшим акутовое ударение на корне, образовывались l-причастия акцентной парадигмы a, у которых форм-enclinomena, естественно, не было. Группа Г. *І*-причастия от глаголов на -i- и на -nq-.

В этих группах существовало непосредственное соотношение ударения *l*-причастия с акцентными парадигмами презенса (см. табл. 9).

Таблица 9

Акц. тип презенса Акц. тип <i>l</i> -причастия			a a	b	c
			$a^a(A)$	$a^b(F)$	c ^c (C)
Nom.	Sing.	m.	bavils zinols	nosilъ kosnijlъ	#âvilъ# #pomenolъ
		f.	bäv ila zingl a	nosila kosnõla	avila pomenola
]]	n.	bävilo zínolo	nosilo kosnolo	# âvilo # # pomenolo #
	Pl.	m.	băvili zĩnoli	nosili kosnöli	#avili# #pomenoli#
	1 1	f.	bävily zinoly	nos il y kosnöly	#âvily# #pomenoly#
		n.	bävila zinola	nosila kosnola	avila pomenola
	du.	m.	bävila zínola	nosila kosnola	# âvila # # pomenola #
		f.	bavilě zînolě	nosilě kosnolě	# avilě # # pomenolě #
		n.	bävilě zïnolě	nosilě kosnolě	#avile# # pomenole ;

В обеих морфологических группах формами-enclinomena были номинативы sing. m., sing. n., pl. m., pl. f., du. m., du. f., du. n. l-причастий акцентного типа C, образованных от глаголов акцентной парадигмы c в презенсе. Очевидно, что такие формы существовали и в косвенных падежах l-причастий этого акцентного типа.

Имеется ряд свидетельств о существовании подвижности ударения в формах продуктивного класса глаголов с основой на $-\bar{a}$ -, однако этот вопрос требует дополнительного исследования.

Для проблемы модификаций акцента по закону Васильева — Долобко

имеют, таким образом, значение случаи Б, В, Г.

Группы Б и В сохранили еще реликты модификации акцента по закону Васильева — Долобко в современном русском языке и его диалектах ¹⁶. В парадигме существуют оба типа модификации, распределенные морфотогически: Группа Б: 1) звался́, звало́сь, звало́сь и приставочные (ср. русск. устар. и диалекти. на́звал, на́звали); 2) -орался́, -орало́сь, -орало́сь, -орало́сь, -орало́сь, -орало́сь, ореало́сь, ореало́сь

 Γ р у п п а В: 1) взялся, взяло́сь, взяли́сь; принялся, приняло́сь, приняли́сь и поп. (ср. δ тиял, δ тияло, δ тияли); 2) вился, вило́сь, вили́сь и приствеочные (ср. устар. ρ άзвил, ρ άзвило, ρ άзвили); 3) сбылся́, сбыло́сь, сбыли́сь (ср. δ тобыл, δ тобыло, δ тобыли); 4) лился́, лило́сь, лили́сь и приставочные (ср. δ алил, за́лило, за́лили); 5) ∂ ался́, ∂ ало́сь, ∂ али́сь и приставочные (ср.

¹⁶ Этот тип ударения, некогда нормативный и живой, постепенно вытесняется из дитературного русского языка

 $\delta m\partial a \Lambda$, $\delta m\partial a \Lambda o$, $\delta m\partial a \Lambda u$); δ) напился, напил $\delta c b$, напил $\delta c b$ (ср. $\partial \delta n u \Lambda$, $\partial \delta b$ пило, допили); 7) клялся, клялось, клялись (ср. проклял, прокляло, прокляли); 8) начался, началось, начались (ср. начал, начало, начали). Ср. с акцентной парадигмой а: 1) бился, билось, бились и приставочные (ср. прибил, прибило, прибили); 2) -крылся, -крылось, -крылись (ср. закрыл, закрыло, закрыли); 3) терся, терлось, терлись и приставочные (ср. притер, притерло, притерли); 4) дулся, дулось, дулись и приставочные (ср. задул, $sa\partial y$ ло, $sa\partial y$ ли).

В группе і-глаголов этот тип ударения сохранился в современном русском литературном языке лишь в одном слове: родился, родилось, роди-

В древнерусском и в части старорусских текстов это явление было представлено в том же виде, что и в современном русском языке, ср.: 1) почался Улож., 147а, зачалося ів., 97а, зачалися Ратн., 36, 186, 2176;

2) поднался Петр. вед. I, 17², взалося Ратн., 16а, оўналися, Улож., 328а; 3) далися Ратн., 21б, не далися Улож., 117а; 4) фжилися Улож., 357а;

5) збылоса Рати., 199а, не сабылоса Соборник 1647 г., 775 б.

Однако некоторые тексты дают формы, свидетельствующие о более последовательном распространении этого типа модификации акцента на l-причастия от i-глаголов (в полном соответствии с первоначальной акцентовкой данных форм): 1) родило́сь Домострой К, $\dot{\mathbf{M}}$ 38 (44¹⁶), родили́сь Улож., 263a, породили́сь ib., 270б; 2) сложила рад Чуд. Нов. Зав., 40³, сложились ib., 754; 3) ізкился М. 1611 г., 170a, не соблавилися Улож., 262а; 4) обворотилиса Ратн., 97б; 5) лбилоса Домострой, И 38.

Требует специального изучения вопрос о путях устранения подвижности ударения в формах І-причастия и связанных с нею явлений в различных старорусских диалектах и о существовании в старорусских текстах нескольких диалектных акцентных систем І-причастия, возникших в результате различного направления перестройки первоначальной си-

стемы ¹⁷.

За пределами восточнославянской области реликты описанной модификации акцента не многочисленны, но достаточны для подтверждения как праславянского характера явления, так и его отнесенности к определенному кругу форм.

а) Предположительно македонские тексты. В О письм. отмечается модификация акцента, тождественная русской, в формах условного наклонения от корневых глаголов подвижного акцентного типа: 1) был бй 26б, выло ви 48б; 2) принел'єй 46а, пойели ви 36б (ср. также принел' в 67а).

б) Среднеболгарские тексты XV в. («Диалектная система писца Гавриила»). В этой группе текстов, несмотря на потерю подвижности ударения в l-причастии от i-глаголов, эти формы от возвратных глаголов ак-

¹⁷ О двух группах текстов с разными системами акцентовки *l*-причастия см : В. А. Дыбо, Реконструкция ударения І-причастия от глаголов на -no-и -i- в праславянском (южнославянские и восточнославянские системы), «Сербско-хорватский лингвистический сборник», М., (в печати). Возможность еще одного типа текстов предпо-лагает открытая А. А. Даниловым диалектная акцентная система, где наряду с сохранением и некоторым распространением реликтов указанной модификации акцента во всех разобранных группах глаголов [в i-глаголах: 1) рыдилось, рыдилась; 2) вырытили́сь; 3) гыдили́ся, гыдили́сь; 4) сыгласили́сь;5) хвытили́сь, схвыти́ли́сь; в корневых гла-голах рядом с обычными: приняло́сь, лило́сь, и под.— вторичные: астало́сь, астали́сь и под. 1 в форме ед. числа муж. рода перепос на-ся отсутствует и ударение этой формы совпадает с ударением инфинитива (см.: А. А. Данилов, Особенности ударения форм прошедшего времени глагола в русских народных говорах, сб. «Вопросы теории и истории русского языка», Вологда, 1967). Эта система должна, по-видимому, занимать промежуточное положение между двумя описанными старорусскими системами.

центной парадигмы c сохраняют ударение, передвинутое на частицу c 18 (ср. аналогичное положение в форме 2 и 3-го лица ед. числа аориста от i-глаголов) (см. табл. 10).

Таблица 10

Неподвижные акцентные парадигмы (a и b)	Подвижная акцентная парадигма (c)
1. съвъвоўпнаса Сб. № 20, 87а 2. не събла/Вянаса Сб. № 19, 3506 3. й съвратнаса Сб. № 20, 336 4. оўтроўднаса Вас. Вел., 80а 5. раза-Канаса Ев. Григ., 286 6. прамістнаса Сб. № 19, 2876. 7. йскусна/Са Сб. № 19, 2756 8. приложиласа Ням. сб. № 20, Кал., 28	1. пръкао[ниаса Сб. № 19, 172а 2. кртнаса Сб. № 19, 1176 3. Заменаса Сб. № 14, 105а обдивнаса Вас. Вел., 2046 4. не Фалъниаса Сб. № 19, 245а 5. роднаса Сб. № 20, 936., Ев. Григ., 250а 6. сповна с Сб. № 19, 3726 сповнаса Сб. № 19, 3506, Ням. сб. № 20, Кал., 19, 57, bis.

Кроме указанных форм, передвижение ударения на са обнаруживается также в одном *l*-причастии от глагола с основой на -ā-: сачеталса Сб. № 20, 1316, сачаталса ів., 1316. Возможно, что этот глагол также первоначально имел подвижную акцентную парадигму.

Действительное причастие прошедшего времени.

У данных форм в праславянском также восстанавливаются подвижный и неподвижные акцентные типы. Их распределение, по-видимому, соответствовало распределению акцентных типов в l-причастии. Подвижный акцентный тип, таким образом, существовал в группах E, E и F. Система акцентовки этих глаголов реконструируется в табл. 11.

Таблипа 11

Акц. тип пре	евенса	a	b		c
Группа Б	m. f. n.	mäzavъ mäzavъši mäzavъ	ระไล้ขะ ระไล้ขะรัเ ระไล้ขะ	#zvâvъ# zvavъši #zvâvъ#	# prözvavъ# prozvavъši # prözvavъ#
Групна В ¹	m. f. n.	bivs bivsi bivs		# lîv 5 # liv 5 i # lîv 5 #	# proliva# prolivaši # proliva#
Группа Г	m. f. n.	stavju stavjuši stavju	mòlju mòljuši mòlju	# âvjь# avjьši # âvjь#	= prò (j)avjь pro (j)avjъši = prò (j)avjъ

Распределение акцентных типов у глаголов этой группы с корнем на сонант было, по-вицимому, аналогично распределению акцентных типов l-причастия от этих глаголов (см. табл. 8).

¹⁸ В текстах встретились лишь формы муж, рода ед. числа.

Таким образом, формами-enclinomena были формы nom. sg. m. и nom sg. n. от глаголов акцентной парадигмы с. Очевидно, такого рода формы существовали и в косвенных падежах. Именно в этих формах нужно ожидать модификацию акцента по закону Васильева — Долобко.

В памятниках реликты такой модификации встречены лишь у причастий от i-глаголов: древнерусский: Ѿпустикса Чуд. Нов. Зав., 162¹; среднеболгарский: 8танкса Зогр. сб. № 103, 372 (ср. δ танка іb., 375); анцикса Зогр. сб. № 103, 335; македонский (?): δ ткакс О письм., ба, δ 8κлас Муз. № 3070, 16; наоў ч'с О письм., 446, наоў ч'с іb., 556; наоў ч'с іb., 65; оўлокахс О письм., 59а; раз'араж'с О письм., 276; оўдикахс О письм., 56.

Ср. форму от глагола акцентной парадигмы b, где модификация по закону Васильева — Долобко отсутствует: помол'єє О письм., 42б.

III. Действительное причастие настоящего времени

Акцентная система действительных причастий настоящего времени в праславянском состояла из трех акцентных типов, находившихся в непосредственном соотношении с акцентными парадигмами презенса (см. табл. 12).

Формами-enclinomena были формы nom. sg. m., nom. sg. n. от глаголов акцентной парадигмы с. Возможно, такие формы существовали и в косвенных палежах.

В памятниках реликты модификации акцента по закону Васильева — Долобко обнаружены лишь у причастий от *i*-глаголов; как в древнерусском, так и в среднеболгарских диалектах эта модификация проводилась довольно строго. Небольшое количество примеров объясняется лишь редкой употребительностью указанных форм (см. табл. 13, 14, 15).

По-видимому, второй тип модификации акцента (передвижение акцента на слог, предшествующий энклитике) отразился в 0 письм.: вое́се 7а; пове́се 11а, писе́се 6а; но: τρέλε 49б (акцентная парадигма b). И в данном случае его следует считать вторичным: возникшим в результате ретракции ударения с энклитики.

Таблипа 12

Акц. тип пре	венса	а	ь	c
тематичес- кие глаголы	m. f. n.	pädy pädǫtji pädy	jedy jedy jedy	#zîvy# #pŏživy# životji poživotji #ẑivy# #pŏživy#
і-глаголы	m. f. n.	stävę stävętji stävę	mole mòletji (?) mole	# ave # # pro (j) ave # ave tj t pro (j) ave tj t # ave # # pro (j) ave #

В одном из текстов «тырновской» группы (Служ. Евф.) обнаруживается ударение членных форм действительного причастия настоящего времени, которое можно считать наиболее близким к первоначальному: формы nom. sg. m. причастия от глаголов акцентной парадигмы с несут ударение на члене. (Такое ударение встречается и в более поздних текстах, но в них

Таблица 13

Чудовский Новый Завет (древне русский)

a	ь	c
Примеры отсутствуют	1. молжем 653, 661 і мојлжем 651 2. увалжем 1211	1. бомсж 132 ¹ 2. постмеж ¹ 65 ³

Таблица 14

C реднеболга рские тексты XIV в.

«Тырновская» группа

a	ь	, с
1. нал'яжса Зогр. сб. № 103, 376 2. кры́аса Толк. пс., 60а	 мо́ласа Зогр. сб. № 103, 374 мо́ла са Мин. № 678, 5286 бо́раса Мин. № 678, 5206 по́стаса ¹ Воскр. ев., 106 	1. дръжжей Зогр. сб. № 103, 374 2. кижей Зогр. сб. № 103, 376 3. дивласа Мин. № 678, 5246

В среднеболгарском глагол поститие[®] (ср. табл. 13 и 14) имел акцентную парадигму в, тогда как в древнерусском у него была парадигма с. Древнерусский язык относился в тем славнеским диалектам, в которых очень рано произошел переход краткосложных і-глаголов (преммущественно отыменных) акцентной парадигмы в подвижную парадигму (с). Этот и подобные примеры несоответствия распределения акцентных типов в древнерусскым и среднеболгарском (при полном соответствии *өнклизы» акцентному типу) безусловно отметают любые предположения о болгарском происхождении «онклизы» в древнерусскых и старорусских текстах,

Таблица 15

C реднеболга рские $\ m$ ексты $\ XIV$ в.

Диалектная система Киприана¹

а	ь	c
1. плачась Леств., 816, 866. 2. й скјаабась Леств., 1416	 мольса Леств., 47а, 2006. борьса Леств., 122а, 3. й трыявасы Леств., 1416 	1. не вомсй Леств., 122б 2. вомсй Леств., 29б

¹ Акцентованные формы действительных причастий настоящего времени обнаружены лишь в одном из текстов этой группы (Леств.).

Таблица 16

		таолица 10
a	ъ	c
1. видан 128а	1. хитан 78a, 120a 2. възвидан 127a нзвидан 127a навидан 110a 3. приносан 37a приносан 51a	1. живжй 34а, живый 916 2. съдай 36а, 46а, 50а, 85а, съдай 68а (но и съдан 68а) 3. бавай 47а, 69а

оно не имеет столь строгого распределения и зачастую выглядит как традиционный чисто графический прием 19. (См. табл. 16).

Эта акцентовка является как бы связующим звеном между рассмотренными нами проявлениями закона Васильева — Долобко в глаголе и конечным ударением членных прилагательных акцентной парадигмы с, которое следует рассматривать как результат действия того же закона.

Литература (принятые в статье сокращения названий)

Вас. Вел.— Слова постнические Василия Великого. Среднеболгарская рукопись 1444 г. - Государственный Исторический музей (Москва), собрание А. И. Хлудова, № 8 но: А. Попов, Первое прибавление к описанию рукописей А. И. Хлудова, М., 1875,

Васильев Зам. — Л. Л. Васильев, Заметка об акцентовке несклоняемого прича-

стия на -дъ, ЖМНП, 1905, август, стр. 464-465.

Воскр. ев. — «Евангелие тетр» (XIII в. ?). Среднеболгарская рукопись. — Библио-

тека АН СССР (Ленинград). Отделение рукописей, шифр: 11.9.7.

Григ. № 1703 — фрагмент II из папки с общим названием «Отрывки из трех южнославинских сборников слов и поучений, полуустав XV в.» в собрании В. И. Григоровича.— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 37, № 1703. Отрывок написан на бумаге с водяными знаками «лук», датируемыми около 1370 г., и «мечи»— 1372 г.

Дион. Ареоп. — Сочинения Дионисия Ареопагита. Среднеболгарская рукопись конца XIV — начала XV в. — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина,

Отдел рукописей, ф. 173, № 144.

Домостр. — «Домострой по Коншинскому списку и подобным», к изданию подго-

товил А. Орлов, кн. І, ІІ, М., 1908-1910.

Ев. Григ. — Евангелие конца XV в. (ошибочно относимое к XIV в.). Среднеболгарская рукопись. — Одесская государственная научная библиотека им. М. Горького,

собрание В. И. Григоровича, № 27.

Зогр. сб. № 103 🗕 Зографский сборник житий и слов.— Библиотека Афонского Зографского монастыря, № 103, II г. 6. Ряд отрывков издан в кн.: Й. Иванов, Български старини из Македония, София, 1931; цифры при примерах обозначают страницы этой книги (среднеболгарский текст второй половины XIV в.).

Леств. — Лествица. Среднеболгарская рукопись 1387 г. — Государственная биб-

лиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 173, № 152. Лих.— «Пандекты Никона Черногорца». Среднеболгарская рукопись середины XIV в. из собрания Н. П. Лихачева. — Ленинградское отделение Института истории AH СССР, к. 238.

М. 1611 — Минея, 1611 г. — московская старопечатная книга. Цит. по Л. Л. Ва-

сильеву (Васильев Зам.).

Мин. № 678 — Сборная Минея-четья на пюль, XVI в.— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей. ф. 304, № 678. В статье приводятся примеры из жития Евпраксии Олимиййской (дл. 503а—534б) — текста, относящегося к концу XIV в. и являющегося копией среднеболгарского текста тырновской акцентуационной и орфографической системы (см.: В. А. Дыбо, В. А. Кучкин, Болгарский текст в русской минее XVI в., «Byzantinobulgarica,» II, Sofia, 1966).

Муз. № 3070 — Южнославянский отрывок (XVв.) сербской орфографии.— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 178, № 3070

(Хрисовул охридской церкви).

Нор. пс.— Норовская псалтырь, среднеболгарская псалтырь XIII (XIV?) в., Государственный Исторический музей (Москва), собрание А. С. Уварова, № 285.

Ням. сб. № 20 Яц. — Сборник № 20 1441 г. Нямецкого монастыря. Цит. по кн.: А. И. Япимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии, «Памятники древней письменности и искусства», CLXIII, СПб., 1906.

Ням. сб. № 20 Кал.— Сборник № 20 1441 г. Нямецкого монастыря. Цит. по описанию Калужняцкого в Сб. ОРЯС, т. 83, 1907.

Ням. сб. № 106 Яц.— Сборник № 106 Нямецкого монастыря 1437 г. Цит. по кн.: А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии.

О письм.— Книга Константина Философа «О письменех», цит. по кн.: И. Ягич, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке, «Исследования по русскому языку», І, СПб., 1885—1895; цифры обозначают листы руко-

¹⁹ Следует обратить внимание на то, что поздние традиционные графические приемы расстановки надстрочных знаков в рукописях часто, по-видимому, имели свои просодические основания в более древних текстах.

писи. По утверждению И. В. Ягича, рукопись относится к началу XV в. В. Мошин датирует второй четвертью XVII (см.: В. Мошин, Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо, Скопје, 1966, стр. 155). В последнем случае представляет собой, вероятно, очень точную копию с текста XV в.

Петр. вед. I, II — «Ведомости времени Петра Великого», ч. I, II, М., 1903—1906. Поуч. Ис. Сир. — Поучения Исаака Сирина. Западноболгарская рукопись 1381 г. (1-й почерк) — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукопи-

сей, ф. 304, № 172.

Пс. № 309 — Псалтырь. Среднеболгарская рукопись конца XIV в. — Госупарственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 304, № 309.

Пс. Кипр.— Псалтырь Киприана. Среднеболгарский текст конца XIV — начала

XV вв. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 173. № 142.

Ратн. — Книга о ратном строении, 1647 г. — старопечатная московская книга Цит. по Л. Л. Васильеву (Васильев Зам.).

Сб. № 19 — Сборник житий и слов 1448 г. писда Гавриила. — Библиотека АН СССР, Отдел рукописей, шифр: 13.3.19. C6. № 20 — Сборник поучений второй четверти XV в.— Библиотека АН СССР.

Отдел рукописей, шифр: 13.3.20. Служ. Евф. — Служсбник патриарха Евфимия Тырновского. — Библиотека Афон-

ского Зографского монастыря, № 1. Рукопись помечена 1370 г. (отметка спелана более поздним почерком). Издан в кн.: П. Сырку, К истории исправления книг в Болгарии. т. І. вып. II. СПб., 1890. Цифры обозначают листы рукописи.

Соборник 1647 г. — Соборник, М. 1647 г. — Московская старопечатная книга. Инт.

по Л. Л. Васильеву (Васильев Зам.).

Толк. ис. — Толкование исалмов Никиты Ираклийского. Восточноболгарская рукопись середины XIV в. — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 173, № 18.

Улож. — Уложение даря Алексея Михайловича, 1649 г. — Старопечатная москов-

ская книга. Пит. по Л. Л. Васильеву (Васильев Зам.).

Ф. 98 № 1 — среднеболгарская рукопись «Пандектов Никона Черногорца».— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 98, № 1.

Чул. Нов. Зав. — Новый завет господа нашего Инсуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси (Фототиническое издание Леонтия. митрополита Московского), М., 1892.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

ДЖ. В. ОЛЛЕР (МЛАДШИЙ), Б. Д. СЭЙЛЗ, Р. В. ГАРРИНГТОН КРУГОВОРОТ В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ*

Язык функционирует в качестве системы человеческой коммуникации ¹. Основной целью лингвистической теории обычно считаются описание языка как системы и объяснение того, каким образом говорящие общаются с помощью языка. Авторы настоящей статьи полагают, что для достижения этой цели необходимо изучить соотношение между единицами языка и «объектами» ², являющимися предметом коммуникации говорящих ³. Это последнее положение по различным причинам не в с е г д а принимается лингвистами. Задачей настоящей статьи является обсуждение этих причин, которое даст возможность указать на некоторые неизбежные опибки, которые привели к определенному круговороту в лингвистической теории. Этот круговорот восходит к блумфилданской лингвистике и, вполне вероятно, может быть надолго закреплен современными теориями трансформационной порождающей грамматики.

говорот достиг своего кульминационного цункта в теории Хомского и других о «врож-

^{*} Настоящая статья является переводом работы «A basic circularity in traditio -

паl and current linguistic theory» («Lingua», 22, 4, 1969).

1 Нам хотелось бы поблагодарить Д. Х. Обрехта, В. Б. Ньюкома, А. Дж. Лерера и Дж. Б. Делака за их ценные замечания о более рацием варианте настоящей статьи.

2 Обсуждение образования апперцепционных и понятийных единиц, т. е. «объектов», являющихся предметом общения людей, см. в работах: Bruner, Goodnow, Austin (1956) и Hunt (1962). [Литература дана в конце статьи. — Перев.]. Эти исследования, хотя они и не являются достаточными с лингвистической точки зрения, содержат новый подход ко многим лингвистической многим динененая Хантом к усвоению понятий, особенно плодотворна, и нам представляется, что его система может с успехом быть использована для построения психолингвистической меле и повятий является жизненно необходимым для любой общей теории языка, няжо псиользуется в негативном плане: мы стремимся показать, что в случае, если эти явления не принимаются во видмание, неизбежен порочный круговорот теории. Такой кру-

денных пдеях» (см. ниже).

3 Хотя положения об изучения лингвистических единиц и их отношение к другим единицам сознания не нашли пирокой поддержки среди лингвистов, эти положения никак не являются новыми для лингвистической теории. Некоторые примеры см. Basilius (1952), Оhman (1953) и содержащиеся в этих работах ссылки на специальную литературу. Представители Пражской лингвистической школы также разделяют точку зрення авторов настоящей статьи: см. Vachek (1966). Р. Якобсон, особенно влиятельный представитель Пражской школы, совершенно определенно считает, что лингвисты должны исследовать коммуникативную функцию единиц языка: «Для Боаса было ясно, что любое различие в грамматических категориях несет семантическую информацию. Если язык является инструментом, служащим для передачи информации, нельзя было бы описать конститутивные части этого инструмента без обращения к их функциям...» (1959, стр. 142). Райхлинг (1961) также безоговорочно поддерживает смысловую функцию языка, обоснованно критикуя теоретический подход Хомского (1957): «Значение является у с л о в и е м и ц е л ь ю любой синтаксической деятельности»

Блумфилд ввел некоторые положения, которые в большой степени ограничивают современную дингвистическую теорию. Прежде всего, он определил з н а ч е н и е лингвистической формы как ситуацию, при которой говорящий произносит ее, и ответ, который она вызывает у слушателя (1933, стр. 139). Такое определение уводит исследователя в сторону от основных проблем и является недостаточным по существу. Для того чтобы выявить значение лингвистической единицы, необходимо принимать во внимание не только одновременность ее возникновения с теми или иными аспектами определенного акта коммуникации, но также и те понятийные соотношения с другими лингвистическими единицами и связями между ними в воспринимаемом мире, которые возникают при различных актах общения. Этот воспринимаемый мир, т. е. «объекты» в воспринимаемом мире, являющиеся предметом общения говорящих, не связаны во времени и пространстве в том же смысле, в каком связаны непосредственные внешние (находящиеся вне индивидуума) стороны акта коммуникации. Вряд ли было бы правильным понимать значение лингвистической елиницы при той или иной ситуации общения именно как ситуацию, в которой находится говорящий, и как реакцию слушающего на эту ситуацию. Скорее можно допустить, что значение зависит: 1) от длительного опыта по крайней мере одного индивидуума в использовании данной лингвистической единицы в других ситуациях и 2) от тех индуктивнодедуктивных процессов, которые дают возможность индивидууму соотнести информацию, полученную на основе этого опыта, с данной ситуапией ⁴.

Хотя некоторые сложности языковой коммуникации не были секретом для Блумфилда, строгая ориентация его определения на объекты, поддающиеся непосредственному внешнему наблюдению (observables) ⁵, привела его к следующему ограничительному заключению относительно возможности исследования значения: «Для того, чтобы дать научно точное определение значения, необходимо с научной точностью знать все то, что составляет мир говорящего. Действительные пределы человеческого знания весьма невелики по сравнению с этим». Здесь Блумфилд, видимо, использует свое ошибочное определение для формулировки допущения, целью которого является необходимость исключить значение из области научного исследования. Смысл этого допущения состоит в следующем: ввиду многочисленности ситуаций, обусловливающих речь, количество значений лингвистических единиц, возникающих в этих ситуациях, должно быть настолько велико, что делает невозможным их описание.

Однако Блумфилд в своем допущении проходит мимо того факта, что использование лингвистических единиц при коммуникации является си-

⁽стр. 2). Уленбек (1967) дает уничтожающую критику более поздних взглядов Хомского и его молчания на замечания Уленбека, высказанные ранее. Многие другие работы заслуживают уломинания в этом отношении, по мы сошлемся только на некоторые из них, где содержится концепция, сходная с той, которая излагается в настоящей статье: Lotz (1950), Quillian (1962), Carroll (1964), Johnson-Laird (1967).

⁴ Техника описания этих индуктивно-дедуктивных процессов, несомненно, должна значительно продвидуться, прежде чем станет возможным дать удовлетворительную интерпретацию предложений.

⁵ Термин «объекты, поддающиеся непосредственному внешнему наблюдению» объектыбнез) является многозначным словом. Он подразумевает, что внешние аспекты акта коммуникации лучше поддаются анализу и, следовательно, с большим успехом могут исследоваться, чем внутренние процессы. По отношению к речевой коммуникации это не совсем справедливо. Если дап речевой сигнал, участвующий в акте коммуникации, посможно только разложить этот сигнал насоставляющие его асти постольку, поскольку для наблюдателя возможно а и а л и з и р о в а т ь этот сигнал в терминах сго знания данного лингвистического кода, т. е. в той мере, в какой ему известны эначения лингвистических единиц, входящие в этот сигнал.

стемным. Системным является не только использование лингвистических единиц отдельным говорящим, но и их использование всеми другими говорящими на том же языке. В противном случае они не могли бы общаться между собой. Конечно, невозможно обисать к аждую из бесконечного числа языковых ситуаций. Однако в принципе вряд ли можно признать невозможным описание системы, позволяющей определить то или иное конечное число из бесконечно многих возможных соотношений между конечным числом определенных единиц.

Ошибочным представляется и положение Блумфилда о том, что объем человеческого знания весьма мал по сравнению со знанием инпивилуумом своего мира. Ошибка Блумфилда становится очевидной, если учесть тот факт, что язык — это система социо-культурного характера, которая скорее усваивается, чем изобретается индивидуумом. Ни один индивидуум не может знать больше обо всех «объектах», чем знают люди, говорящие на его же языке, и не может знать больше о коммуникативной значимости всех лингвистических единиц своего языка по сравнению с другими говорящими на том же языке 6. Блумфилд вполне понимал тот факт, что «изучение звуков речи, не принимающее во внимание значение, является абстракцией», и что «при практическом использовании звуков речи они произносятся в качестве сигналов» (стр. 439). Однако такая «абстракция» либо невозможна (об этом будет сказано ниже при обсуждении первого положения Харриса), либо не позволяет объяснить способность говорящего общаться на своем языке. Это означает, что если лингвистическая теория как таковая не дает возможности понять, каким образом говорящие на данном языке кодируют информацию в пределах структуры своего языка, анализ ничего не может вскрыть для понимания того, как общаются го-

К счастью, на практике Блумфилд не использовал всех строгостей своих допущений. Об этом говорят многие из его работ, посвященные структурному анализу, основанному на семантике. Эти работы были ценным вкладом в изучение языковой коммуникации. Можно сослаться в этом отношении на книгу Блумфилда «Язык». В этой книге автор широко использует семантические критерии для установления грамматических категорий, морфемных отрезков и даже для фонемного анализа.

К сожалению, некоторые из последователей Блумфилда восприняли его ошибочные допущения в большей мере, чем сам Блумфилд. Наиболее крайнюю позицию в этом отношении, очевидно, занимает З. Харрис. Харрис пытался установить строгие методы анализа, которые позволили бы обойтись без необходимости использовать значение. Основываясь на ошибке Блумфилда, Харрис сделал два своих допущения (последнее из которых продолжает до сих пор оказывать большое влияние на лингвистическую теорию).

Первое допущение Харриса касается открытия лингвистических единип.

⁶ В смысле идиолектных вариаций нельзя, конечно, отрицать большего знания говорящего о своем собственом унотребления лингвистических единии, чем об унотреблении, присущем какому-либо другому индивидууму. В этом ограниченном смысле положение Блумфилда о том, что индивидуум знает больше о своем языке, чем община в целом, вполне правильно. Однако лингвистическая идиосинкразия индивидуума (по крайней мере, на семантическом уровне) является релевантной по отношению к проблеме языковой коммуникации только в том смысле, что она образует фактор шума. Если этот шум превосходит определенный уровень, коммуникация прерывается. Вряд ли разумно допускать, что в связи с невозможностью сформулировать описание такого рода шума, невозможно описать и ограниченную систему информации, которая является общей для говорящих на данном языке.

(1). Допуская возможность идентифицировать единицы языка на основе строгих, чисто формальных дистрибуционных критериев, он следующим образом описывает свой метод: «Весь порядок процедур... который должен начаться с сырого материала и окончиться формулировкой грамматической структуры, в принципе представляет собой использование двух основных шагов, повторяемых дважды: установление элементов и формулировка дистрибуций этих элементов по отношению друг к другу... Эдементы определяются как относительно друг друга, так и на основе

дистрибуционных отношений между ними» (1951, стр. 6—7). Фаулер (1952) указывает на практическую неосуществимость предложенного метода 7. Он подчеркивает невозможность идентифицированный элемент, опираясь на его неизвестное соотношение с другими еще неидентифицированными элементами. Харрис замечает, что «эта операция может производиться без какой-либо произвольности лишь в том случае, если она осуществляется для всех элементов одновременно» (стр. 7). Вполне очевидна невозможность даже для самого одаренного лингвиста проанализировать все элементы «одновременно», ибо значительные трудности для любого лингвиста представляет даже анализ элементов по одному. Единственной альтернативой является выбор одной из неописанных произвольных точек отсчета. Если допустить, что это удастся сделать, опираясь на значение, то и в этом случае мы едва ли можем использовать принципы Харриса, ибо невозможно идентифицировать все другие неидентифицированные элементы в терминах их дистрибуционных отношений к одной известной единице 8.

Второе допущение Харриса, основанное на первом, касается о пр е-

деления лингвистических единиц.

(2). Он заявляет, что «делом первостепенной важности является то, чтобы эти элементы были определены относительно других элементов и относительно взаимоотношений между всеми этими элементами» (стр. 7).

Мы уже установили, что на практике невозможно обнаружить полнозначные единицы языка в том смысле, как это указано в первом допущении Харриса. Кроме того, вполне понятно, что для объяснения системы языка, выступающего в своей коммуникативной функции, определения, основанные только на дистрибуционных критериях (как это предложено во втором допущении Харриса), приводят к порочному кругу.

В качестве иллюстрации рассмотрим структуру кода C, где a, b и c являются элементами C и служат для кодирования элементов x, y, относящихся к среде восприятия, не охватываемой C. Для того чтобы объ-

² В связи с критикой Фаулера интересно отметить, что более полустолетия тому назад Ф. де Соссюр в своих новаторских лекциях, позднее изданных его учениками, настаявам на необходимости обращения к значению для того, чтобы вскрыть единицы языка. «... мы знаем, что основной характеристикой звуковой цени является ее линейность. Рассматриваемая сама по себе, она представляет собой только линию, непрерывную цепочку, на прогляжении которой ухо не воспринимает каких-либо самостоятельных и явно выраженных делений. Для того чтобы разделить эту цепочку, надо обратиться к значениям ... анализ невозможен, если принимается во внимание только звуковая сторона лингвистического явления» (1959, стр. 103—104).

⁸ Мы совсем не хотим здесь сказать, что процедуры обнаружения языковых эдементов рег se невозможны; мы хотим скорее сказать, что предложенный Харрисом мето дать использован на практике. Напротив, мы считаем немабежным положение о том, что процедуры обнаружения возможны, если принять во внимание тот факт, что индивидуум с конечным числом способностей у с в а и в а е т язык. Мы не можем принять альтернативной гипотезы Хомского (1966а), постулирующего «врожденные идеи», с помощью которых ребенов, как он считает, ссоядаетя язык. Данные, опровергающие эту гипотезу, содержатся в работе Оллера и Обрехта (вечати), где показывается, что значение коммуникативной пагрузки высказываний является важной частью усвоения фонологического, морфологического и синтаксического материала иностранного языка.

яснить использование C при коммуникации, необходимо установить соотношение, существующее между элементами a и x, b и y, c и z. Дистрибуционный анализ C (т. е. a, b и c) в терминах их теоретически возможных комбинаций мало или вовсе ничего не говорит об их функции при коммуникации. Такой анализ ничего не межет дать, например, для того, чтобы понять, почему человек, использующий код C, будет интерпретировать сообщение bca как yzx, или каким образом он будет кодировать подобные сообщения.

Очевидно, что встречаемость эдементов кода не зависит от их встречаемости по отношению друг к другу. Их встречаемость «контролилируется» тем сообщением, которое необходимо закодировать 9 . По этой причине определение a, например, в терминах его дистрибуции по отношению к b и c образуют порочный круг.

Аргументация Харриса, пытавшегося обойтись без семантических критерпев при лингвистическом анализе, суммируется в следующем положении: «Нельзя утверждать, что каждая морфема или слово имеет единое или основное значение или даже, что оно имеет непрерывный диапазон

значений» (154, стр. 39).

Рассуждение, лежащее в основе заключения Харриса, является ошибочным в той же мере, в какой допущение Блумфилда относительно знания «мира» говорящего. Именно тот факт, что люди общаются посредством языка, является лучшим аргументом против утверждения Харриса (если, конечно, не исходить из того, что механизм человеческого мышления в состоянии совершать явно невозможную операцию по анализу случайных и неорганизованных сообщений). Положение о том, что взаимосвязь между языком и значением расплывчата и не поддается исследованию,— весьма непродуктивно в том смысле, что оно отвлекает от изучения одного из наиболее важных аспектов языка.

Тезис Харриса о том, что язык следует изучать отдельно от значения, отражается в современных трансформационных теориях порождающей грамматики [это положение было ясно сформулировано Хомским в 1957 г., когда он писал: «По моему мнению, мы вынуждены заключить, что грамматика автономпа и независима от значения..» (стр. 17). «Грамматику лучше всего формулировать в виде самодовлеющей науки, независимой от семантики» (стр. 106). Обсуждение этих положений см. Reichling

(1961)].

В той же монографии Хомский заявляет, что он «пытается описать структуру языка без явного упоминания путей использования этого инструмента». Он полагает, что «его теория будет полностью формальной дисциплиной», которая, как он надеется, будет иметь «значительные взаимосвязи с параллельной семантической теорией» (стр. 103). Основная трудность, к которой приводят такие допущения, состоит в том, что невозможно обнаружить или объяснить лингвистическую структуру, не обращаясь к значению.

Хомский (1957, стр. 94) частично избегает этой проблемы, вводя понятие «лингвистической интуиции говорящего на родном языке». Для

¹ Мы признаем, что проводимая здесь аналогия не является совершенной в том отношении, что система языка намного сложнее, чем система приведенного кода (и одновременно тот факт, что приведенное построение является неполным); тем не менее кажется маловероятным, что лингвистические единицы (данного языка) на любом уровне в полной мере оказывают функциональное влияние на их встречаемость. Нам представляется скорее, что выбор лингвистических единиц в том или ином высказывания в большой мере определяется той информацией, которую говорящий хочет сообщить. Мы предпочитаем считать синтаксические структуры абстрактными полнозначными единицами. Якобсон (1959) и Райхлинг (1961) выражают подобную же точку зрения (см. и чмеч. 3).

того чтобы уяснить смысл этого понятия, лингвист также полжен обладать разными видами интуиции. Хотя Хомский допускает, что «интуиция лингвистической формы» и «интуиция значения» — два различных аспекта знания говорящего, которые каким-то образом смешиваются лингвистами, он не предлагает никаких определений для прояснения этого смешения. В связи с тем, что сам Хомский не отрицает расплывуатости этих терминов и, следовательно, нежелательность их использования. вряд ли необходима какая-либо полемика по этому вопросу 10.

В работах Хомского 1964 г. грамматика более не выступает как «чисто формальная дисциплина», описывающая «интуицию лингвистической формы». Грамматика сейчас включает уже «синтаксический компонент, фонологический компонент и семантический компонент» (разрядка наша. — Aem.) (стр. 51-52). Каким образом последний соотносится с синтаксическим компонентом, не совсем ясно. Представляется, что различение между двумя видами интуиции, на котором Хомский настаивал ранее, в настоящее время для него не имеет значения. В своем довольно обширном рассуждении, посвященном «границам синтаксиса и семантики». Хомский (1965) заключает, что «синтаксическая и семантическая структуры естественных языков представляют много загадок как фактического, так и принципиального характера, и любые попытки разграничить эти области, безусловно, будут чисто предварительными»

(стр. 163) 11).

Хомский (1966 b) предлагает «ввести нейтральное техническое понятие "синтаксического описания" и считать синтаксическое описание предложения (абстрактным) объектом того или иного рода, связанным с предложением, которое только и определяет его семантическую интерпретацию (последнее понятие остается без определения впредь до новых открытий в области семантической теории)...» (стр. 5). Вместо того, чтобы признать, что «абстрактный объект» состоит из семантического соотношения между лингвистическими и другими единицами и отношениями, т. е. значением, Хомский называет его «синтаксическим описанием». Выдвигаемое им в качестве следствия положение о том, что следует пытаться использовать «нейтральное техническое понятие», абсолютно аналогично образующему порочный круг понятию «дистрибуционной структуры» Харриса. Вместо того, чтобы определить лингвистические единицы в терминах «объектов», кодификатореми информации о которых они служат, Хомский заявляет, что лингвистические единицы имеют какую-то взаимозависимую структуру, отличную от их использования при коммуникации. К этому положению Хомского относятся все возражения, которые ранее были выдвинуты в отношении допущений Харриса.

Постулирование самодовлеющей структуры, независимой от значения, является, очевидно, непосредственным предшественником ошибочного

11 Мы согласны с мнением Уленбека (1967) о том, что факты синтаксиса и семантики тесно переплетены между собой и что анализ одного из них должен проходить одно-

временно с анализом другого.

¹⁰ Интересно, что единственным разумным определением «лингвистической интуиции» является такое определение, согласно которому это понятие квалифицируется следующим образом: знание говорящим того, как он высказывает содержание, которое он имеет в виду, и то, что он имеет в виду, когда он делает это высказывание.

Если попытаться определить «интуицию говорящего на родном языке», то такое понятие представляется почти синонимичным «интуиции значения». Согласно Якобсону (1959, стр. 143; авторы настоящей статьи разделяют его точку зрения), информация о значении более доступна, чем информация о грамматической правильности (в том смысле этого термина, в каком его употребляет Хомский). Хомский (1965, стр. 18-22) поддерживает эту концепцию, подвергая довольно общирному рассмотрению недостурность «интуиции формы», характерную для говорящего.

тезиса о том, что говорящие «производят новые предложения,... которые сразу же понимаются другими говорящими, хотя они не имеют физического сходства со "знакомыми предложениями"» (Chomsky, 1966b. стр. 4). Кац и Фодор (1963) также заявляют, что говорящий может производить и понимать бесконечно большое количество предложений, «к о т о р ы е являются полностью новыми для него» (стр. 481). Эти положения просто противоречат фактам. Практически все в новых предложениях знакомо. Если бы это было не так, говорящие не могли бы ни производить, ни понимать эти предложения. Новизна предложений состоит в том, что они представляют собой новые комбинации знакомых структур, т. е. известных лексических единиц и известных структурных признаков 12. Тот факт, что при языковой коммуникации функционируют рекурсивные процессы. Вряд ли оправдывает преувеличение, допускаемое Хомским, Кацем и Фодором. В самом деле, имеется огромное количество данных, свидетельствующих против положения Хомского о том, что возможность бесконечной рекурсии является необходимым компонентом моделей языковой компетенции говорящего и слушающего (обсуждение этих вопросов см. Е. Crothers, P. Suppes, 1967).

Кац и Фодор (1963) также, видимо, присоединяются к ошибочному положению о том, что единицы языка обладают значением, независимым от их использования при коммуникации. Это вытекает из их положения о том, что «в о о б щ е предложение нельзя никак прочесть, если оно не находится в изолированном окружении» (стр. 488). Подобный тезис либо совершенно неверен, либо сформулирован неправильно. Некоторые трудности, к которым он может привести, указываются Уленбеком (1967, стр. 287). Дело в том, что предложение не может иметь какого-либо значения в изоляции, которого оно не имело бы в том или ином окружени ¹³. Положение о том, что лингвистические единицы обладают значениями независимо от своего понятийного отношения к «объектам» воспринимаемого мира, представляет собой особого рода метафизическое расширение введенного Харрисом понятия дистрибуционной структуры, которое, как мы уже говорили, образует порочный круг. В этом случае, вместо того, чтобы постулировать самодовлеющую с и н таксическую структуру, независимую от апперцепционной реальности, Кап и Фодор постулируют самодовлеющую семантическую структуру, апперцепционной реальности.

Кац и Постал (1964) также, видимо, разделяют эту в высшей степени философскую и неэмпирическую теорию. В начале своей книги они заявляют, что «лингвистическое описание должно реконструировать способность говорящих общаться друг с другом» (стр. 1). Позднее, однако, читатель узнает из примечания отом, что все положения, не объяснимые теорией, автоматически исключаются: «мы исключаем из рассмотрения все аспекты использования и понимания предложения, которые необъяснимы на основе порождающего механизма в качестве реконструкции способности говорящего производить и понимать предложения. Другими словами, мы исключаем такие понятийные признаки, как физические и социологи-

¹² Осгуд (1963) также выражает озабоченность по поводу таких преувеличенных положений. Он также критикует общую тенденцию многих лингвистов не принимать во внимание коммуникативную функцию языка.

¹³ Физические проявлении апперцепционных и понятийных единиц, с которыми соотносятся лингвистические единицы предложения, не всегда непосредственно присутствуют при произвеснии этого предложения; однако для того чтобы предложение было понятно, они должны быть выводимы на основе более раннего опыта и на основе вндуктивно-дедуктивных пропессов.

ческие окружения высказываний, убеждения и воззрения говорящего и слушающего, ограничения восприятия и памяти, уровень шума в тех или иных окружениях и т. д.» (стр. 4). При ближайшем рассмотрении оказывается: все, что исключено Капем и Посталом, постаточно лля того, чтобы лишить их теорию возможности объяснить языковую коммуникацию вообще. В том виде, в котором она сформулирована, теория остается эмпирически неуязвимой, что для многих исследователей является уже вполне постаточным для ее пересмотра или для отказа от нее (см. Platt. 1964, стр. 349). Тезис о том, что реальная языковая коммуникация «необъяснима постулированием порождающего механизма», подтверждается только в той мере, что предложенная Кацем и Посталом модель не в состоянии это спелать. Разве из этого логически не следует, что полобная несостоятельность является результатом преднамеренного исключения из рассмотрения некоторых важных аспектов языковой коммуникации? Таким образом, проблема, как бы по кругу, в конечном итоге упирается в постудирование существования ингерентной лингвистической структуры, независимой от осмысленного использования языка. Если принять положение Хомского о том, что основной целью лингвистической теории является объяснение и «описание способностей говорящего понимать произвольное предложение своего языка и производить нужные предложения в том или ином случае» (1966 b, стр. 3), то мы должны признать тот факт, что достижение этой цели потребует нечто большего, чем анализ соотношений между лингвистическими единицами и этими предложениями.

Есть все основания думать, что для изучения языка может оказаться плолотворным использование эмпирических методов, допускающих эмпирическую проверку полученных результатов, и исследование с помощью этих методов проблем языковой коммуникации на основе анализа физических проявлений как высказываний, так и их аналогов в окружениях социокультурного характера. Это особенно важно для лингвистической теории в случаях, когда современный трансформационный подход не допускает изучения объективных реальностей даже в их ожидаемой конечной форме. Хомский (1966) подчеркивает, что «в определенной ситуации слушающий может использовать информацию, выходящую за пределы грамматики [т. е. чисто структурные аспекты языка в интерпретации Хомского. — Авт. 1 для определения того, какая из потенциально возможных интерпретаций имелась в виду» (стр. 6). Но разве интерпретация любого предложения не требует информации подобного рода? Мы полагаем, что требует. Если это так, то в настоящее время необходим анализ отношений, существующих между лингвистическими единицами, с одной стороны, и апперцепционными и понятийными единицами нашего познавательного опыта, — с другой. Именно эти последние являются объектом коммуникации людей.

Литература

Basilius, H., 1952. Neo-Humboldtian ethnolinguistics, «Word», 8, crp. 93-105. Bloomfield, L., 1933. Language. New York.

Bruner, J. S., Goodnow, J. J. and Austin, G. A., 1956. A study of thinking. New York.

Carroll, J. B., 1964. Words, meanings, and concepts, «Harvard Ed. Rev.», 34, crp. 178-202.

Chomsky, N., 1957. Syntactic structures. The Hague.

Chomsky, N., 1964. Current issues in linguistic theory, B kH.: Fodor and Katz (1964, ctp. 50-418).
Chomsky, N., 1965. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.).

Chomsky, N., 1966a. Cartesian linguistics: a chapter in the history of rational thought. New York.

Chomsky, N., 1966b. Topics in the theory of generative grammar, в кн.: «Current trends in linguistics», III. The Hague.

T. A. Sebeok (ed.), Current trends in linguistics, III. The Hague.

Crothers, E. Suppes, P., 1967. Experiments in second language learning. New York.

Fodor, J. A. and Katz, J. J. (Eds.), 1964. The structure of language: readings in the philisophy of language. Englewood Cliffs.

Fowler, M., 1952. Pen. Ha RH.: Z. Harris, Methods in structural linguistics, «Lan-

guage», 28, стр. 504-509. Harris, Z., 1951. Structural linguistics. Chicago. Прежний заголовок (1947)

«Methods in structural linguistics».

Harris, Z., 1954. Distributional structure, «Word», 10, стр. 146—162, перепечатано в кн.: Fodor and Katz [1964; стр. 33—49 (ссылки на стр. в тексте статьи даются по этому изданию).

Hunt, E. B., 1962. Concept learning: an information processing problem. New York. Jakobson, R., 1959. «Boas» view of grammatical meaning, «American Anthropolo-

gy», 61, Мет. 89, стр. 139-145.

Johnson—Laird, P. N., 1967. Katz on analyticity, «Journal of linguistics», 3, стр. 82. Katz, J. J. and Fodor, J. A., 1963. The structure of a semantic theory, «Language», 39, стр. 170—210. Перепечатано в кн.: Fodor and Katz [1964; стр. 479—518 (ссылки на страницы в тексте даются по этому издайню)].

Katz, J. J. and Postal, P. M. 1964. An integrated theory of linguistic descriptions.

Cambridge (Mass.).

Lotz, J., 1950. Speech and language, JASA, 22, crp. 712-717.

Ohmann, S., 1953. Theories of the linguistic field, «Word», 9, crp. 123—134. Oller, J. W. Jr and Obrecht, D. H., 1968. Pattern drill and communicative activity: a psycholinguistic experiment, IRAL, 6, crp. 165—174.

Osgood, C. E., 1963. On understanding and creating sentences, «Amer. Psychol.»,

18, стр. 735-751.

Platt, J. R., 1964. Strong inference, «Science», 146, crp. 347-353.

Quillian, R., 1962. A revised design for an understanding machine, «Machine translation», 7, crp. 17-29.

Reichling, A., 1961. Principles and methods of syntax: cryptanalytic formalism, «Lingua», 10, crp. 1-17.

Saussure, F., 1906-1911. Course in general linguistics. New York, 1959.

Uhlenbeck, E. M., 1967. Some further remarks on transformational grammar, «Lingua», 17, ctp. 263—316.

Vachek, J., 1966. The linguistic school of Prague. Bloomington.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка.—М., надво «Просвещение», 4970. 166 стр.

Усилившийся в конце XIX— начале ХХ в. интерес к русским народным говорам обусловил развертывание диалектологических разысканий в русском языкознании. Это выразилось прежде всего в том, что начался широкий сбор сведений особенностях диалектных русского языка на разных территориях его распространения. Образование в 1903 г. Московской диалектологической комиссии положило начало созданию диалектологической карты русского языка, данные для которой собирались по специальной программе, разосланной на места. На основании ответов на вопросы этой программы и на основании уже известных из опубликованных к тому времени диалектологических работ Московская диалектологическая комиссия создала в 1915 г. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе».

Несмотря на то, что авторы «Опыта» имели в общем недостаточно большой и надежный материал, несмотря на то, что в то время оставались еще неразработанными многие принципиальные вопросы теории лингвистической географии, авторы «Опыта» сумели дать первое обобщение диалектных явлений русского языка в виде нанесенных на карту границ распространения (определенных особенностей, свойственных русскому языку на разных территориях Европейской части России. Впервые в истории русского языкознания границы северноустановлены великорусского и южновеликорусского наречий, выделены особые, «переходные» средневеликорусские говоры, а внутри этих трех основных диалектных объединений намечены границы разных диалектных групп.

Определяя эти границы, авторы «Опыта» оперировали в общем небольшим, ограниченным набором языковых признаков, стремясь при этом опираться прежде всего на такие признаки, которые теперь называются соответственными двучленными явлениями: оканье—акапье, г—ү, т—т в 3-м лице глаголов, форма у меня — у мене и т. п. Противопоставленность этих

признаков на разных территориях дала возможность авторам «Опыта» оптределить границы северного и южного паречий, а своеобразная комбинация их — выделить средневеликорусские говоры. Что касается группировки говоров внутри северного и южного наречий, то она была проведена на основе выделения соответственных многочленных явлений, а именно — для северных диалектов на основе различной судбы б, а для южных на основе типов предударного вокализма после мягких согласных (сюда же был присоединен еще один признак — характер произношения «).

Опора авторов «Опыта» при определении русских диалектных территорий на ограниченный круг особенностей имела и отрицательное и положительное значение. С одной стороны, это обусловило то обстоятельство, что многие существенные и важные особенности русских говоров остались незамеченными. В «Опыте» в основном использованы фонетические и особенморфологические диалектные ности, тогда как синтаксические и лексические факты по существу оставлены в стороне. При всем том, что объективно фонетика и морфология дают наиболее отчетливо выраженные диалектные изоглоссы, все же надо признать, что ограязыковой характеристики ниченность русских говоров, отражающая состояние диалектологической работы в то время, наложила свой отпечаток на общие представления авторов «Опыта» о диалектном членении русского языка.

Однако, с другой стороны, оперирование авторов «Опыта» ограниченным кругом диалектных явлений дало им возможность достаточно определенно установить основные границы диалектного членения русского языка. Не нужно думать,
что авторам «Опыта» вообще недостаточно
были известны факты, характеризующие
русские говоры: если перечитать их комментарии к картам и познакомиться с
«Очерком русской диалектологии», приложенным к «Опыту», то можно вполне
убедиться в том, что диалектных фактов

тогда было известно достаточно. Однако, во-первых, эти факты, при всем их разнообразии, были все-таки слишком разрознены и разноречивы, а во-вторых, они не имели достаточно четкой территориальной распределенности, приуроченности И чтобы можно было оперировать ими при установлении диалектных границ русского языка. Именно поэтому при нанесении на карту границ диалектных объединений авторы «Опыта» отказались от использования в установлении этих границ целого ряда известных им черт и особенностей фонетического и морфологического харакрусских говоров. Это тера придало диалектологической карте русского языка прозрачную структуру, хотя, конечно, многое в диалектном членении осталось не установленным или установленным лишь в приближенном виде.

Однако этот первый опыт составления диалектологической карты русского языка был в целом удачным: не случайно Московской дналектологической комиссии оставалась действенной на протяжении полувека. Это объясняется не только тем, что интенсивная работа по сбору диалектных данных развернулась широко только в послевоенное время, когда начала выполняться поставленная еще в 30-е годы задача составления Диалектологического атласа русского языка, но и тем, что в своих главных, определяющих моментах классификация русских диалектов, данная в «Опыте», оказалась правильной, хотя во многих подробностях она требовала уточнений.

Необходимость пересмотра вопроса о диалектном членении русского языка, как оно было представлено в «Опыте», стала очевидной после первых итогов интенсивной диалектологической работы над составлением Диалектологического атласа языка, русского развернувшейся нашей стране после 1946 г. Такому пересмотру предшествовала разработка теоретических проблем лингвистической географии, получившая свое оформление в книге «Вопросы теории лингвистической географии» (М., 1962), где были изложены основные принципы лингвистического картографирования, которых придердиалектологи. живаются советские В созданной на их основе «Русской диалектологии» (М., 1964 г.) на базе данных, собранных и обобщенных при составлении отдельных томов Диалектологического атласа, впервые в сведенной воедино картине была дана новая, по сравнению c «Опытом», группи ровка русских говоров.

Рецензируемая книга также содержит характеристику основных диалектных разделений русского языка, но характеристику уточненную по сравнению с представленной в «Русской диалектологии», учитывающую самые новые материалы и эпитевистические карты (сгр. 3). Однако это упоминание об уточнениях

диалектного членения остается нераспифрованным, так как в книге отсутствует сопоставление группировки, данной в «Русской диалектологии», и той, какая приводится в рецеватруемой книге. Это вызывает определенное недоумение, тем более очевидное, что и в той и в другой книге разделы, связанные с характеристикой диалектного членения русского языка, написаны одними и теми же авторами.

«Диалектное членение русского языка» является последним по времени обобщающим трудом в области лингвистической географии русского языка. Хотя она выпущена в качестве учебного пособия для факультетов русского языка и литературы пединститутов, ее значение выходит далеко за рамки такого пособия. Можно сказать даже больше: эта книга по заключенным в ней идеям, по теоретической разработке вопросов лингвистической географии, а также по обширности введенного в нее фактического материала представляет интерес преждевсего для специалистов-диалектологов и историков русского языка.

Работа состоит из двух частей: 1) «Вопросы общего характера» и 2) «Обзор диалектного членения русского языка». Первая часть посвящена рассмотрению торых общих проблем лингвистической географии: принципам и методу построения группировки современных русских говоров, характеристике языкового ландшафта русского языка и описанию соответственных и несоответственных, двучленных и многочленных явлений, характеристике основных территориальных величин, выделяющихся в пределах распространения русского языка, и др. Много места в этой части книги занимает сравнительная характеристика «Опыта» 1915 г. и современного диалектного членения русского языка (карта 1965 г.), в которой авторы книги, отдавая должное «Опыту», в то же время устанавливают как недостаточность представленной в нем классификации русских диалектов, так и принципиальные различия в подходе к выделению определенных территориальных единиц у авторов «Опыта» и современных исследователей этого вопроса. Особый раздел этой части посвящен характеристике явлений, имеющих, как пищут авторы, индивидуальный характер распространения, т. е. таких, «которые представлены на изучаемой территории ареалами разных размеров и разной определенности очертаний и обладают той отличительной особенностью, что каждый из этих ареалов не совпадает достаточно определенно по местоположению с ареалами других явлений» (стр. 46), характеризующих данную единицу Установление членения. диалектного такого рода явлений индивидуального распространения (стр. 50, 51 и 54) дало возможность авторам провести выделение говоров центральных территорий, говоРЕЦЕНЗИИ

ров «центра», в отличие от так называемых периферийных говоров, охватывающих территории, окружающие Москву и расположенные к северо-востоку от нее.

В связи с тем, что теоретические положения, развернутые в первой части книги, получили свое практическое воплощение во второй ее части, целесообразно рассмотреть некоторые из вих подробнее вместе с анализом предлагаемой груп-

пировки русских говоров. Эта группировка представлена во второй части книги, где дано подробное описание северного и южного наречий русского языка, среднерусских говоров, а также диалектных зон и групп говоров. Каждая единица диалектного членения охарактеризована со всей возможной подробностью, т. е. в совокупности своих фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей. При этом специально оговаривается то обстоятельство, что для полного представления языковой системы более мелких единиц диалектного членения необходимо учитывать не только особенности, присущие данной единице, но и особенности, свойственные соответствующей крупной единице диалектного членения.

Авторы книги оперируют огромным фактическим материалом, позволнющим им дать широкое описание единиц диалектного членения языка, хотя, надо сказать, этот материал далеко неравноценен в

характеризующем отношении.

Если сравнить диалектное членение русского языка, представленное в «Русской диалектологии», с диалектным членением, данным в рецензируемой книге, то в целом, как это и следовало ожидать, существенных отличий здесь нет; отличия обнаруживаются лишь в характеристиках так называемых межзональных диалектных единиц. Если в «Русской диалектологии» в составе северного наречия выделялась межзональная группа с тремя подгруппами — Онежской, Лачской и Белозерской, то в «Диалектном членении...» выделяются межзональные говоры, имеющие в своем составе Онежскую группу, а также Лачские и Белозерско-Беженкие говоры, как видно, не образующие групны. Если в «Русской диалектологии» в составе южного наречия выделялись межзональная группа А и межзональная группа Б, в состав которой включались Тульская, Елецкая и Оскольская подгруппы, то в «Диалектном членении...» выделяются межзональные говоры типа А и межзональные говоры типа Б, в состав которых входят Тульская группа и Елецкие и Оскольские говоры, также, как видно, не образующие единых групп. Если сопоставить страницы «Русской диалектологин» и «Диалектного членения...», где перечислены языковые черты, характеризующие те группы или говоры, которые различно определяются в этих двух книгах, то окажется, что эти черты в прин-

дине одни и те же (ср. стр. 270-272, 282—283 «Русской диалектологии» и стр. 119—121, 138—139 «Диалектного членения...»). В таком случае возникает вопрос, не сталкиваемся ли мы здесь с простой терминологической заменой. Однако так думать трудно, ибо авторы вполне определенно отличают величины диалектного характера, которые представляют собою группы (и подгруппы) говоров от говоров, не образующих группы. Ср.: «Восточные и западные среднерусские говоры объединяются в качестве среднерусских лишь... по наличию в их системах черт различных диалектных объединений. Наряду с этим данные говоры разнородны ряде отношений... Эта разнородность определяется... тем, что на территории анализируемых говоров... наблюдается сочетание разного круга черт наречий, а также явлений, присущих разным диалектным зонам. Неоднородны также эти говоры по степени оформленности их систем, что находит свое выражение в наличии или отсутствии на разных частях территории своеобразных, именно данной части территории присущих собственно местных черт... Среди западных среднерусских окающих говоров такие черты имеет лишь Гдовская группа говоров, а Новгородские говоры, не имеющие таких общих для всех них черт, не представляют собой самостоятельной величины диалектного членения, т. е. не образуют группы говоров...» (стр. 41-42). Значит, в самом терминологическом различии надо видеть и более принципиальные различия, связанные с характером языкового комплекса, определяющего данные диалектные территории. Приходится только сожалеть, что авторы не обосновали тех изменений в характеристике отдельных единиц диалектного членения русского языка, которые они внесли в новую книгу по сравнению с «Русской диалектологией».

К кпиге приложены две карты карта Московской диалектологической комиссии 1915 г. и карта группировки русских диалектов 1965 г., позволяющие наглядию увидеть как сходство, так и различия в представлениях о диалектном членении русского языка авторов «Опыта» и современных диалектологов.

Оценивая в целом рецензируемую книгу, следует сказать, что она является, без сомнения, нужным и полезным трудом, обобщающим современные достижения лингвистической географии русского языка, уточняющим наши представления о его диалектном членении и о характерных особенностях, присущих диалектным единицам на разных территориях распространения русского языка. Вместе с тем некоторые теоретические положения и основанная на них группировка русских говоров, выдвинутые как в «Русской диалектологии», так и в рецензируемой книге, вызывают если не возражения, то по крайней мере серьезные сомнения.

Прежде всего речь идет о том, что перед новой группировки стояла авторами чрезвычайно сложная задача: имея в руках огромный фактический материал, относящийся ко всем сторонам языковой структуры диалекта, образующий ярко выраженную территориальную пестроту, неравноценный по своей значимости в характеристике диалектного членения; имея перед собой лингвистические карты распространения диалектных явлений, на которых изоглоссы распределяются самым причудливым образом, то образуя пучки, то выделяя разрозненные территории,имея все это, они должны были, изучив все эти факты и явления и интерпретировав данные карт, увидеть те основные диалектные единицы, характеризующиеся определенной языковой структурой, которые членится современный русский язык в его диалектном разнообразии. Для того чтобы осуществить такую группировку диалектного русского языка, нужно суметь увидеть среди множества фактов главные, определяющие и не существенные для характеристики единиц диалектного членения, хотя и создающие специфику говоров на той или иной территории распространения русского языка. Такую сложную задачу выполнить не всегда легко, а может быть, не всегда и возможно, однако необходимо стремиться к ее объективному решению.

Принципиально новое в группировие русских говоров в рецензируемой книге сравнительно с «Опытом», если говорить коротко, заключается в том, что авторы отказались от опоры «на характер распространения отдельных, по разным соображениям избираемых... языковых черт» (стр. 36), как это было у создателей «Опыта», а положили в основу группировки «закономерности, характеризующие лингвистический ландшафт русского языка» (стр. II), т. е. закономерности территориального распространения диалектных различий этого языка. На основании изучения распространения и расположения изоглосс соответственных диалектных явлений, их схождений и расхождений были установлены ареалы явлений, выделяющих определенную территорию русского языка, а отсюда - и единицы его диалектного членения.

Такой подход к установлению диалектных территорий привел авторов к необходимости, с их точки зрения, выделить в определенные группы не только северное и южное наречия и среднерусские говоры, но еще и так называемые диалектные зоны, которых они насчитывают в русском языке семь: западная, северная, северозападная и кого-восточная, южная, югозападная и кого-восточная. «Диалектные зоны... выделяются на основе таких сочетаний ареалов, которые охватывают значительные части территории безотносительно к ее разделению на наречия и среднерусские говоры, при этом большая часть сочетаний ареалов, выделяющих каждую из основных зон, остается в пределах наречий..., лишь частично охватывая территорию среднерусских говоров...» (стр. 22-23). Иначе говоря, в территориальном отношении диалектные зоны как бы накладываются сверху на членение русского языка на наречия и среднерусские говоры. На первый взгляд, происходит своего рода перекрещивание одного диалектного членения другим; однако в действительности это не так, ибо признаки, по которым выделяются наречия и среднерусские говоры, с одной стороны, и покоторым выделяются диалектные зоны с другой, принципиально различны: первые выделяются противоложным набором соответственных явлений или их определенной комбинацией, а вторые — по существу не соотносимыми друг с другом явлениями.

В самом деле, наиболее четко противопоставляются северное и южное наречия по двучленным соответственным явлениям: оканье-аканье, г-ү, утрата интервокального ј и его сохранение, мм вместо бм и сохранение бм, ж', ш' и ж, ш, пшеница п пъшеница, р'ига прыга; у жоны пу жене. дедушко и дедушка, бкна и бкны, меня и мене и т. д. (см. стр. 74—76 и 78—80). Менее четким оказывается противопоставление этих наречий по многочленным соответственным явлениям (см. стр. 76-78 и 80). Эта нечеткость определяется тем, что по существу такие явления в силу их непараллельности, не соотнесенности в двух противоположных русских наречиях служат лишь дополнительной характеристикой того и другого наречия (ср., например, в северном наречии четыре фонетических многочленных явления: произношение и в соответствии с д и заударного е как о, лабиализация предударного о, твердые губные на конце — и только одно: произношение форм тряс и запряг с' о - в южном). Значит, противоноставление двух наречий русского языка осуществляется не только прежде всего, но исключительно двучленными соответственными явлениями. С этой точки зредостаточно четким оказывается выделение среднерусских говоров цо наличию в них вполне определенного комплекса явлений, свойственных как северному, так и южному наречиям и совмещающихся в среднерусских говорах; при этом оказывается, что при всем разнообразии черт, характеризующих отдельные говоры и группы говоров среднерусского типа. всем этим говорам присущи те северные или южные особенности, которые входят в состав двучленных соответственных диалектных явлений. Значит, можно вновь утверждать, что именно эти последние явления служат той прочной базой, на которой основывается отчетливое дналектное членение русского языка. Конечно, диалектное членение языка должно основываться не только на противопоставлении двучленных соответствецных явлений: в его характеристике свое место должны занять и многочленные соответственные явления. Однако среди этих последних необходимо установить такие, которые не просто характеризуют данную диалектную величину, но и противополагают ее двугой чиз дектной величине.

другой диалектной величине. Если с этой точки зрения посмотреть на выделение диалектных зон, то здесь картина окажется иной. Прежде всего достаточно взглянуть на карты № 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18а и б. данные в книге, на которых нанесены границы разных диалектных зон, чтобы убедиться в том, что эти границы оказываются не только очень расплывчатыми, но и такими, которые так членят картографируемую территорию, что часть одной диалектной зоны включается в пределы другой или даже других диалектных зон. По существу подобное положение подрывает сами основы выделения диалектных зон как второго по сравнению с выделением наречий и среднерусских говоров диалектного членения русского языка. Авторы достаточно хорошо понимают это и потому подробно обосновывают свои взгляды на принципы группировки русских говоров, которых они придерживаются (см. стр. 13—19). Однако верность или приемлемость принцинов определяется прежде всего практикой — анализом лингвистических карт. А этот анализ говорит о том, что выделение диалектных зон (если придавать им то значение, какое придают им авторы, т. е. значение членения говоров русского языка на западные и восточные, которое существует «как бы на втором плане» и «не является столь актуальным, как членение на наречия, но также имеет достаточно большое значение» — см. стр. 24) в том виде, как это представлено в книге, не является достаточно определенным. Это тем более очевидно, что характеристики языковых комплексов, свойственных той или иной диалектной зоне, строятся на разрозненных, подчас мелких с точки зрения языковой структуры, не существенных в этом плане особенностях. Ср., например, характеристику языкового комплекса западной диалектной зоны, в которую включены следующие явления: ударение на первом слоге у прилагательных седьмой, шестой; формы местоимений 3-го лица с начальным і; формы местоимений 3-го лица оны, йоны; наличие ј в основе в формах указательного местоимения; суффикс -ак в существительных ходак, седак; конструкция типа приехал с города; деепричастие в функции сказуемого; наличие слов лемеши, омеши и путо. Едва ли можно утверждать, что все эти черты имеют равную значимость для характеристики языковой структуры говоров, включенных в данную диалектную зону; а если к тому же некоторые из них оказываются и не свойственными всем говорам данной зоны (см. стр. 83 и 84), то реальность подобного выделения начинает внушать определенные сомнения. Ср. еще карты № 11,12 и 13 (стр. 84, 86 и 88), где даны изоглоссы, выделяющие западную, северрую и северозападную диалектные зоны и где отчетливо видно, что северо-западная зона полностью входит в пределы западной и северной диалектных зон.

Кроме того, необходимо сказать, что описание языкового комплекса различных диалектных зон достаточно определенно показывает, что ряд черт, входящих в этот комплекс, оказывается раненным в разных, подчас далеко друг от друга расположенных зонах. В качестве примера можно проанализировать комплекс северо-западной диалектной зоны, занимающей территорию восточнее Онежского озера, далее к югу восточнее озера Селигер, а затем к западу по линии Великие Луки — Себеж (см. карту на стр. 88). Эта зона выделяется двумя пучками изоглосс. В первый пучок во-первых, явления включены, формы им. падежа мн. числа от весьвьси, страдательно-безличного у меня воды принесено, а также некоторые слова, которые как будто бы известны только в пределах данной зоны; во-вторых, такие явления, как формы типа к жоны, к земли, встречающиеся в центральной части территории южного наречия (хотя ареалы их там представляют разрозненные острова), формы 3-го лица окончания, известные в глаголов без межзональных говорах южного наречия типа Б, наконец, некоторые слова со вторым полногласием (верех, столоб), отсутствующие на южной и юго-западной территории западных среднерусских окающих говоров. Второй пучок изоглосс выделяет еще более узкую территорию, так как он не захватывает земли вокруг Онежского озера. И здесь вновь в характеристику языкового комплекса включены такие черты, которые или свойственны не всем говорам данной зоны (различение твердых ч и ц, произношение ни вместо дн), или свойственны говорам юго-западной зоны (словоформа глазы, ударение в глаголах прошедшего времени бра́ла, звала), или известные в южном наречии и в юго-восточной зоне (плотиш, инфинитив итимь, возвратная частица си после ш и л), или, наконец, присущие центральным говорам (противопоставление в и ф., различение дат.-предл. падежа у существительных на мягкий согласный по месту ударения). Если так же проанализировать, скажем, характеристику языкового комплекса юго-восточной зоны, прямо противоположной по территориальному расположению северо-западной, то и в числе черт этой зоны можно обнаружить такие, которые или выходят за ее пределы, или, наоборот, не свойственны говорам всей этой зоны (см. стр. 102—108). Таким образом, как представляется,

таким образом, как представляется, если, но мнению авторов, деление рус-

ских говоров на западные и восточные может быть установлено при анализе лингвистических карт, то такое деление должно было бы быть осуществлено несколько иначе, чем это сделано сейчас при выделении семи диалектных зон. Возможно, что разделение говоров на западные и восточные, т. е. на две диалектные зоны, действительно может быть осуществлено. Но это можно сделать только в том случае, если отвлечься от многих разнообразных и чрезвычайно пестрых и теронивлено определенно определенно вакрепленных диалектных черт русских говоров, затрагивающих все стороны их языковой структуры, и выбрать лишь те, которые, во-первых, являются действительно определяющими данный языковой комплекс и которые, во-вторых, позволяют провести деиствительно четкие границы между западной и восточной пиалектными зонами русского языка. Если таких особенностей установить нельзя, то, как видно, в этом случае целесообразнее указать границы и область распространения тех или иных диалектных черт, которые характеризуют лингвистический ландшафт русского языка, но не могут быть использованы при определении его диалектного членения. Как представляется, в установлении языковых комилексов наречий и среднерусских говоров авторы в целом нашли пути правильного решения вопросов диалектного членения. выпедении же диалектных зон они недостаточно разграничили явления, которые характеризуют языковой комплекс одной зоны в отличие от другой, от явлений, которые не могут участвовать в такой характеристике.

Зависимость авторов от диалектных фактов сказалась и в характеристике групп говоров русского языка, в которых, по словам авторов, «представлены те реальные языковые системы, которыми пользуется исконное население определенных

территорий».

Вместе с тем надо сказать, что по сравнению с «Опытом» авторы «Диалектного членения...» дали принципиально новую группировку говоров в пределах основных наречий русского языка и среднерусских говоров. Подходя к вычленению групп говоров с точки зрения установления языкового комплекса, авторы пересмотреди отнесенность различных групп говоров к северному или южному наречию и расширили территорию среднерусских говоров: в новой группировке к среднерусским отнесены почти все говоры, которые входили в «Опыте» в состав владимиро-поволжской группы северновеликорусского наречия, и часть говоров, относимых «Опытом» к западной группе этого же наречия. Такое расширение территории среднерусских говоров обусловило то, что, согласно принципам новой групцировки, по которым среднерусскими являются говоры, совмещающие в своих

системах разные, но не обязательно одни и те же черты северного и южного наречий, в числе этих говоров выделились не только западные и восточные, но и окающие и акающие. С другой стороны, оказалась расширенной и территория южного наречия за счет включения в него западной. верхне-днепровской и верхне-деснинской групп, говоры на территориях которых ранее определялись или как белорусские, или как переходные от южновеликорусских к белорусским. В целом эта новая группировка русских говоров должна быть принята, ибо она последовательно основана на принятых авторами принпинах диалектного членения и, как представляется. достаточно соответствует действительности. Однако при этом характеристика групп говоров целым языковым комплексом оказывается такой, в которой представлены все возможные, независимо от их роли в языковой структуре, особенности, в результате чего эта характеристика приобретает большую расилывчатость. Вероятно, правильнее было бы и здесь выделить те особенности, которые определяют языковой облик данной группы в отличие от языкового облика другой группы, и оставить в стороне все, что не имеет непосредственного отношения к такому определению, а является случайным или повторяющимся в других груп-

Ведь задача книги — установить лиалектное членение русского языка и дать группировку русских говоров — не совпадает с требованием представить полное оцисание особенностей говоров, расположенных на той или иной территории. Для решения второй задачи необходимо описать как можно больше явлений, тогда как для решения первой необходимо выявить именно те диалектные черты, которые определяют языковой характер данной группы говоров в отличие от другой или других. Как кажется, авторы недостаточно различили эти задачи, а потому характеристики групи говоров, которые они дали, оказались во многом неопределенными.

Как уже говорилось, создать новую группировку русских говоров -- это очень сложная и трудосмкая задача. Авторы соответствующего раздела в «Русской диалектологии» и рецензируемой книги сделали большое и серьезное дело, представив первый опыт такой новой группировки. Не все в ней кажется удачным, вероятно, в дальнейшем нужно будет пересмотреть некоторые принципы описания диалектного членения русского языка — говоря проще, необходимо продолжать работу в этом направлении. Однако то, что уже сделано К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, представляется важным этапным моментом в разработке данной проблемы.

Вал. Вас. Иванов

130

«Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической гесграфии». Отв. ред. В. Г. Орлова. — М., «Наука». 1970. 456 стр.

книга Рецензируемая написана К. Ф. Захаровой, В. Г. Орловой, А.И. Сологуб, Т.Ю. Строгановой. Основным источником исследования являются данные лингвистической географии русского языка, накопленные на протяжении сороковых и пятидесятых годов. Подготовленные в это же время карты диалектологических атласов создали принципиально новые возможности для вопросов разработки исторической диалектологии. С помощью метода лингвистической географии дополнена история отдельных явлений обязательным включением территориального аспекта существования и развития. Лингвогеографические данные в соединении с результатами изучения письменных памятников позволили показать в общем виде сбразование диалектного членения русского языка в относительно позднюю эпоху: основные события книги развертываются после XII в., главным образом в эпоху XIV-XVII вв. В книге читатель найдет не абстрактные схемы, опирающиеся на отдельные факты, а обретшие кровь и плоть живые картины формирования диалектных образований русского языка в связи с историей русского народа. В комбинации исторических, лингвоструктурных и лингвогеографических сведений авторы находят опору для всех своих выводов. Эти выводы для современного состояния и развития русской диалектологии чрезвычайно важны, что делает рецензируемую книгу, несмотря на гипотетичность ряда ее положений, трудом большой научной пенности.

Книга состоит из «Введения» и пяти разделов. Во «Введении» нет достаточного обзора работ по исторической диалектологии русского языка, отмечены лишь отдельные, не всегда основные вехи данной науки. Очевидно, историю научной разработки основных проблем исторической диалектологии надо было бы дать или в виде последовательного, охватывающего все основные работы, очерка, или исключить эту тему из книги. В предложенном виде этот раздел оказывается лишним, тем более, что в основной части книги авторы не сопоставляют свои выводы с результатами предшествующих работ. Вопреки намерениям авторов в таком изложении истории науки оказанедостаточно выявленной А. А. Шахматова в становлении исторической диалектологии восточнославянских языков, значение его работ, значение работ Н. Н. Дурново.

Во «Введении» дана оценка источника. «Самый факт наличия карт диалектологических атласов еще не предрешает,... в какой мере эти карты смогут явиться псточником для плодотворного изучения

диалектного членения языка, а также для изучения истории формирования диалектных объединений. Ценность лингвогеографических данных во многом зависит от принципов, положенных в основу лингвогеографического изучения данного языка. ... Лингвистической географии русского языка в высшей степени свойственна... сознательно устанавливаемая связь между изучением говоров языка методами лингвистической географии и системным подходом к изучению говоров языка... Авторы диалектологического атласа русского языка уделяют равное внимание разным сторонам языка... Учитывалось также и то, что "только картографирование диалектных различий, касающихся всех структурных элементов языка, может обеспечить выяснение истории соответствующего языка в его говорах с наибольшей полнотой и во все периоды его развития, доступные исследованию"» (стр. 5-6).

Книга показала, что мы обладаем новым источником истории русского языка — данными лингвистической географии, источником во многом уникальным, имеющим необыкновенную ценность. Оценка этого источника в книге могла бы быть более полной. Отбирая определенные изоглоссы современного языка для их последующей исторической интерпретации, авторы не говорят, все ли эти изоглоссы и почему имели значение для группировки русских говоров в разные исторические эпохи. Не всегда достаточно обоснована дата, абсолютная или относительная, появления некоторых изоглосс, особенно морфологических, синтаксических и лексических. Очевидно, без достаточной разработки исторической морфологии, синтаксиса и лексикологии народно-разговорного языка диалектного типа по данным письменных памятников такую датировку трудно установить, на что следовало бы указать при общей оценке источника.

Во «Введении» следовало бы подробнее остановиться на характеристике той территории, в пределах которой рассматривается история диалектного членения русского языка, а также на содержании тех понятий, которыми пользуются авторы: на речие, диалект, группа говоров, диалектная зона. Содержание этих понятий оказывается близким, даже иногда тождественным. Все они включают представление о структурно-территориальной единице, полученной в результате синхронной интерпретации изоглосс. Не меняются они и исторически. Следовало бы остановиться на том, как понимают авторы различие между ними и связь этих понятий с исторической эпохой существования тех или иных диалектных образований. Неудачными, особенно с исторической точки представляются термины зрения,

РЕЦЕНЗИИ 434

севернорусское (северное) и южнорусское (южное) наречие вместо традиционных — северновеликорусское и южновеликорусское.

Межпу основными разделами книги существует сложная внутренняя связь. Первый раздел — «Очерки по истории имеющих индивидуальный характер распространения» — предваряет все остальные. Здесь показана относительная хронология и территориальное размещение в разные исторические эпохи тех основных явлений из области фонетики и морфологии, изоглоссы которых создают те ареалы, размещение и историческое движение которых позволяет судить об образовании основных диалектных групп.

Раздел второй — «Северное наречие русского языка» — включает характеристику основных изоглосс, выделяющих северное и южное подразделения русского языка, а также среднерусские говоры. После генетической оценки северных изоглосс, после выделения арханамов и инноващий, а также их территориальной оценки идет заключительная глава раздела, посвященная истории образования северного наречия русского языка.

Раздел третий — «Основные группы говоров северного наречия» — построен по единому плану: дается синхронная оценка фонетических, морфологических, синтаксических, лексических явлений, изоглоссы которых выделяют данную группу говоров, а затем с включением исторических сведений предлагается история

образования каждой группы.

Разделы четвертый и пятый посвящены соответственно характеристике и истории восточных и западных среднерусских говоров. Схема построения разделов сохраняется: вначале дается современное расположение изоглосс, их всесторонняя характеристика, показано, как с их момощью выделяются зоны и группы среднерусских говоров, а затем как результат исторической интерпретации этих изоглосс в сопровождении исторических сведений показана история данных диалектных образований.

Первый раздел книги, кроме того, что он содержит необходимый материал для всех последующих разделов и поэтому является органической частью книги, имеет и самостоятельное значение; он может быть использован для разработки глав исторической грамматики русского языка. Здесь рассмотрено изменение гласного а в е между мягкими согласными. К уже известным сведениям, пользуясь методом лингвистической географии, присоединяют новые данные. Они цолагают, что это изменение, начавшись после падения редуцированных и в известной мере отражающее общую тенденцию русского языка к продвижению а в более переднее и верхнее положение перед мягкими согласными, было особенно присуще новгородскому (возможно, и соседнему с ним смоленскому) диалекту. Этот вывод согласуется с представлением об общей системе древненовгородского вокализма с более напряженными гласными ветолько нижнего, но и среднего и верхнесреднего подъема.

Приведенный в этом разделе материал об изменении е в о позволяет нанести послепние штрихи на ту картину, которая достаточно полно нарисована диалектологами и историками русского языка. Обобщив все данные лингвистических карт с учетом фонетической и морфологической структуры слова, построенной по фонетической модели с результатами перехода е в о или их отсутствием, авторы поддерживают «ту, определившуюся за последние десятилетия точку зрения, согласно которой изменение е в о не было общерусским процессом» (стр. 27). Процесс изменения е в о, относясь к XII — началу XIII в., в своем территориальном распространении соответствует диалектным объединениям феодального периода. По данным лингвистической географии, по этому признаку противопоставляются говоры центра и периферии. Из числа периферийный говоров более позднее изменение е в о было характерно для говоров новгородского происхождения. Для говоров ростово-суздальского типа было характерно последовательное изменение е в о как под ударением, так и в предударном слоге. Говоры центра восприняли эту черту.

Из области консонантизма рассмотрена судьба долгих шилигих, губных спирантов, новых сочетаний согласных с j, смычно-проходных боковых сонорных согласных, прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных, переходное смягчение задненебных согласных к и г.

Рассмотрев ареалы распространения двух типов употребления губных спирантов: І тип $s-s^*$, $\phi-\phi^*$; ІІ тип $s(w)-s^*$ (w^*); ІІ тип $s(w)-s^*$ (w^*); ІІ тип $s(w)-s^*$ (w^*), $\phi-\phi^*$, — авторы приходят к выводу, что І тип, в настоящее время характерный для говоров центральных территорий, присущ им неисконно. Этот тип мог развиться в этих говорах как вторичное явление, но в весьма давнее время, когда часть восточнославянских племен, отходя на восток, заселяла стрриторию будущей Ростово-Суздальской земли и вступала на путь обособленного от западных территорий языкового развития (стр. 41).

Менее интересной для исторической морфологии представляется глава третья первого раздела, где рассмотрены морфологические явления. Здесь даты главным образом изоглоссы отдельных словоформ, но недостаточные для исторической диалектологии, но недостаточные для исторической морфологии, занимающейся историей всей парадигмы слова.

Изложение своей гипотезы об образовании северного наречия русского языка авторы ведут ретроспективно. Подобный

характер текста позволяет подробно знакомить читателя с исходным материалом и с методами самого исследования, получения конечного результата. Авторы как бы проводят читателя по всем основным путям исследования с тем, чтобы не просто познакомить его с готовым решением, но и показать, как это решение готовилось. Но этот способ изложения и затрудняет восприятие наиболее существенного содержания книги, связанного с выяснением истории образования тех или иных объединений и противопоставлений. Очевидно, можно было бы сократить описание современного состояния, так как этот материал в достаточной степени имеется в книгах «Русская диалектология» и «Диалектное членение русского языка». Это позволило бы авторам в большей мере, чем это сделано, включить материал из письменных памятников разных эпох и относящихся к разным территориям.

Основные выводы авторов имеют новое содержание в сравнении с предшествующими работами и заставляют еще задуматься над сложившимися представлениями об относительной хронологии основных диалектных противопоставлений русского языка в связи с историей родственных славянских языков. В этом отношении важным является утверждение авторов о противопоставлении западной диалектной зоны восточной как о наиболее древнем, предшествующем образованию северного и южного подразделений русского языка. Этот вывод особенно интересен, так как он согласуется с результатами работ по изучению карпатского ареала, проводимых под руководством С. Б. Бернштейна и уже частично опубликованных. Он подкрепляется диалектологическими материалами украинского и белорусского языка, ссылки на которые имеются в книге.

Авторы показывают, как это древнейшее противопоставление помогает выяснить образование современного диалектного членения, проходившее в более позднюю эпоху. Явления общезападной локализации, с разной последовательностью встречаясь в говорах северного наречия, известны и за его пределами преимущественно в западных говорах русского языка, реже в пределах северных периферийных говоров (за исключением юго-восточной части территории) и отсутствуют в говорах центра. Изоглоссы этих явлений продолжаются на территории белорусского языка, а иногда и на территории украин-CKOTO.

В числе таких фактов общезападной локализации рассмотрены из области фонетики звуковые сочетания w'm'w', x'o'x' (карты № 5, 59), чередование s с ў в конце слова и слога (карты № 6, 59), произношение твердых губных на конце слова (карта № 8), случаи сохранения ударенного s без изменения в o (карты № 3, 4, 59), повые сочетания согласных с j и их

соответствия (карта № 9), чередование с w для фонемы л любого образования (карта № 10), особая судьба редуцированных ў и і сохранение мягкости согласных н и р. исторически входивших в суффикс-ьск (типа же|н' с кий, озе р'с кая), сохранение группы чи без перехода в ши. Из морфологических явлений сюда включены: соотношение форм дат.-предл. падежа существительных жен. рода непродуктивного склонения по типу ударения (по гря́зи, но в грязи́ или: по грязи́ и в грязи́, по грязе́ и в грязе́), разные словоформы слова мать, распространение названий ягод с суффиксом -иц: брусница, гемляница п под., формы местоимения типа йейе́, формы глагола типа даришь и даришь, ка́тишь и катишь. Рассмотрены в этом плане изоглоссы ряда синтансических и лексических явлений, такие как конструкции: косить трава, мне шапка надо, я была опухла и т. д.

Размещение этих явлений объясняется тем, что тесные связи между говорами западных территорий в их языковом развитии продолжались долго, в ослабленном виде — и после образования современных восточнославянских языков и их поздних диалектных групп (в XVI— XVII вв.). В этой связи для понимания судьбы северного наречия важно подчеркнуть, что историческое единство новгородского диалекта с другими говорами западных территорий сложилось на оспове языковых переживаний, характерной для говоров западных земель в отличие от говоров Ростово-Суздальской земли, а позднее Великого княжества Московского. Диалектные явления западносеверного распространения в пределах говоров северного наречия в северо-восчасти территории генетически связаны с древним новгородским диалектом и распространялись на северо-восток вместе с новгородской колонизацией. Перерыв в распространении этих явлений на центральных территориях Новгородского княжества объясняется как результат тех процессов нивелировки новгородских черт, которые интенсивно протекали после присоединения княжества к Москве. Отсутствие явлений общезападной локализации на юго-восточной части территории северного наречия связано с генетической связью костромской говоров не с новгородским, а древним ростово-суздальским диалектом. Очевидно, дальнейшая разработка этой проблемы возможна на основе лингвогеографического и сравнительно-исторического изучения материала всех восточнославянских языков.

Вторым важным и также древнейшим этапом в развитии диалектных объединений на территории исконного восточнославянского заселения было образование общности южного типа. Опираясь на исторические сведения о росте территории Черниговской земли и распитрении сферы черниговского влияния в течение XI-XII вв. и связывая с этим распространение языковых новообразований южного типа, авторы делают ряд интересных для исторической диалектологии выволов. Они пишут: «В условиях сложившейся таким образом сферы черниговского влияния и могло осуществляться распространение некоторых языковых вовообразований, по наличию которых говоры южных территорий, вместе взятые, оказывались противопоставленными находившимся к северу от них говорам Смоленской, Полоцкой, Новгородской и Ростово-Суздальской земель, объединенных в данном случае тем, что на их пределы не распространялись соответствующие языковые новообразования южного Возникновение такого противопоставления, хотя и касалось первоначально ограниченного круга явлений, создавало основу для последующего выделения северного и южного территориальных подразделений в пределах говоров русского языка» (стр. 224).

К числу южных новообразований авторы относят изменение г в ү, которое и по данным лингвистической географии следует датировать XI-XII вв., а не относить к праславянскому периоду. Следующим по времени и исключительным по значению южнорусским новообразованием определяется аканье. К этим ранним южным новообразованиям, возможно, можно отнести и образование парадигмы путь путі - путі и т. д. и перенос ударения на окончание им. падежа мн. числа таких существительных, как волк, вор - волки, воры. Из этих черт южного происхождения авторы выделяют аканье и высказывают предположение, что «если понимать под этим явлением любой вид перераспределения экспираторной силы слогов и связанной с этим возможности появления редукции гласных, то можно считать, что явлениями этого рода ко времени XIV в. уже были охвачены говоры Смоленской и Полоцкой земель на северо-западе, а также, в ограниченном кругу позиций, и значительная часть Ростово-Суздальской земли... Тем самым к XIV в. должны были выделиться на основе полного отсутствия изменений этого рода пределы той территории, на которой в дальнейшем формируются говоры северного наречия русского явыка» (стр. 225).

И, наконец, третий круг вопросов, связанных с образованием сверного наречия, определяется проблемой взаимодействия двух древних диалектов — новгородского и ростово-суздальского. Для решения этой проблемы авторы анализируют серию новгородских явлений — архаизмов и инноваций, их распределение, а также ряд ростово-суздальских архаизмов и инноваций и их размещение и показывают, как взаимодействие этих диалектов определяло превращение ранее только новгородских или только ростово-

суздальских черт в общесеверные. Одновременно дается и характеристика территории, на которой протекают эти процессы, показывается, как некоторая специфика этих процессов зависит и от характера осваиваемой новгородцами или суздальцами территории, от столкновения данных колонизационных потоков и т. п. Из общирной характеристики этого исторического взаимодействия приведем следующие наблюдения авторов. Так, они указывают, что новгородские архаизмы и явления общезападной локализации, охватывая в позднее время северо-восток, не распространяются на юго-восточную часть северного наречия. Инновации же новгородского происхождения: изменение бм в мм, ∂н в нн, взятые в совокупности случаи совпадения форм дат.-тв. падежа мн. числа прилагательных — местоимений и существительных, окончание -т в формах 3-го лица глаголов настоящего времени получили другую продуктивность распространения, охватывая всю территорию, они имели большое значение для оформления северного наречия как самостоятельной величины.

Такую же важную роль сыграло и распространение инноваций ростово-суздальского происхождения в пределах северного наречия. Это — процессы выпадения интервокального / в различных грамматических категориях и последующие измения в сочетаниях гласных и явления, связанные с образованием форм личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратных.

Показателем того, что севернорусское наречие как самостоятельное диалектное объединение уже сложилось, авторы считают появление таких явлений, которые развиваются в пределах всего северного наречия, т. е. появление собственно северных инноваций. К их числу они относят: важность лабиализации предударного o (\hat{o} , o^y и т. д.) вне зависимости от качества соседних согласных, возможность произношения и в соответствии ё перед мягким согласным под ударением и в первом предударном слоге, изменение конечного ст в с, образование форм типа крестьяна, крестьяны, сватовья, волосья. Эти явления складываются на раннем этапе существования русского языка как национального, в конце XVII — начале XVIII в. По мнению авторов, именно к этому времени, к рубежу XVII—XVIII вв. завершается и процесс образования северного наречия русского языка. Этот вывод дан убедительно.

Есть все основания считать, что такое понимание истории севернорусского наречия надолго войдет в историческую диалектологию русского языка, лишь уточняясь и конкретизируясь в связи с новыми исследованиями.

Вторая важная проблема для исторической диалектологии уже собственно русского (великорусского) языка связана

134

с историей противопоставления пиалектной зоны центра всем периферийным говорам. Выделить центральную диалектную зону было не просто, так как характеризующие ее черты сопадают с фактами литературного языка. Особенностью распространения этих явлений в пределах центральной пиалектной зоны является то. что эти черты, общие с литературным языком, на этой территории не сопровождаются параллельными диалектными особенностями. Генетически эти говоры связаны с ростово-суздальским диалектом, и образовались они в результате особой судьбы этого диалекта, который с конца XV в. приобретает ведущую роль среди диалектов языка великорусской народности.

С образованием диалектной центра связана история Костромской группы говоров северного наречия. Эта группа, исторически связанная с ростово-суздальским диалектом и потому имеющая и черты центральных говоров, в более позднее время оторвалась от южных говоров этого диалекта, не пережила вместе с ними общих процессов, связанных с междиалектным взаимодействием с юго-восточными говорами Рязанского края. В то же время эти говоры довольно рано стали взаимодействовать с более северными говорами, генетически связанные с диалектом Новгорода, что выработало здесь общие северовосточные черты.

Другие группы северного наречия — Вологодская и Ладого-тихвинская — продолжали развитие новгородского диалекта, но в специфических исторических условиях. Так, для развития вологодских говоров в отличие от говоров ладого-тихвинской группы характерно то, что на более позднем этапе своего существования они не испытывали непосредственного влияния московских говоров или других говоров, усвоивших черты южнорусского

характера.

Третья важнейщая проблема книги история образования среднерусских гово-Учение о средневеликорусских, переходных говорах, сформулированное уже в работах А. А. Шахматова, получает свое развитие в трудах Московской диалектологической комиссии, особенно в работах Н. Н. Дурново. Образование средневеликорусских говоров рассматривается здесь как показатель образования языка, общего для великорусской народ-Средневеликорусские говоры. занимая промежуточное положение между северновеликорусским и южновеликорусским наречиями, возникли в результате южновеликорусского (или белорусского) влияния на северновеликорусское на речие. Поэтому средневеликорусские говоры это говоры в основе своей северновеликорусские с южновеликорусским (или белорусским) наслоением. Положение о северновеликорусской основе и южновеликорусском (или белорусском) наслоении составляет основной и определяющий вывол всего данного учения. Критический анализ этого учения предложил Р. И. Аванесов, который полагает, что следует различать первичные и вторичные средневеликорусские говоры 1. Первичные говоры возникли в результате этнического смешения носителей первоначально различных диалектов. Поэтому в отношении этих говоров нельзя говорить об основе и наслоении. К числу таких первичных говоров, очевидно, следует отнести московский диалект. Причем здесь имеется в виду именно диалект, а не московское просторечие как живая основа русского литературного языка с его северновеликорусской основой. Вторичные средневеликорусские говоры имеют как северновеликорусскую, так и южновеликорусскую основу. Так, тульская группа говоров территориально рано (уже в XIV в.) вошла в состав Московского государства и испытала влияние одного из средневеликорусских говоров — московского, через который она и получила северновеликорусские черты. В результате говоры тульского типа можно отнести к средневеликорусским, которые имеют южновеликорусскую основу.

Авторы книги предлагают новое понимание характера и истории средневеликорусских говоров. Главным процессом, определившим специфику и место этих говоров в диалектном членении русского языка, считается процесс междиалектного взаимодействия юго-восточных говоров Рязанской земли и ростово-суздальских говоров в их южной части. Неразличение гласных во всех безударных слогах или во всех, кроме первого предударного, став особенностью восточной зоны среднерусских говоров, затем, позднее, через говоры московского типа уже в своем среднерусском виде продвигается дальше на северо-запад, в пределы территории древней Новгородской земли. В то же время в пределах западной диалектной зоны проникновение новых южнорусских явлений идет непосредственно с юга на север без московского влияния. Поэтому безударный вокализм псковского и гдовского типов отличается как от вокализма восточных среднерусских говоров. так и от вокализма новгородских среднерусских говоров.

Возникновение среднерусских говоров как результат сложного междиалектного взаимодействия, что создало специфику этих говоров — сво**е**образное совмещение черт, которые в другом сочетании, в ином расположении известны и на других территориях русского языка. Кроме этого своеобразного совмещения ареалов, все среднерусские говоры

Аванесов, Вопросы об-¹ Р. И. разования русского языка в его говорах, «Вестник МГУ», 9, 1947.

характеризуются перазличением гласных неверхнего подъема в безударных слогах, кроме первого предударного, и наличием е взрывного образования, рядом с которым может быть и ү.

Таким образом, авторы книги снимают вопрос об основе и наслоении применительно к среднерусским говорам. Они замечают, что «процесс распространения совпаления гласных в восточных со.-р. говорах едва ли следует представлять себе в такой последовательности, что под влиянием акающих южнорусских говоров сначала образовались акающие ср.-р. говоры, а потом под влиянием этих последних возникло совпадение гласных лишь в части позиний в окающих говорах владимирско-поволжского типа. По данным лингвистической географии образование акающих и окающих восточных среднерусских говоров скорее можно себе представить следующим образом: еще до образования существующих в настоящее время систем акающих и окающих говоров ср.-р. типа в этих говорах, как и вообще в говорах всего юго-востока, т. е. в современных говорах юго-восточной зоны и примыкающей к ним части говоров центра, могло возникать сокращение, редукция гласных безударных слогов, особенно сильная во 2-м предударном и заударном положениях. По существующим данным можно предположить, что этим явлением были охвачены как говоры юго-востока, так и говоры Ростово-Суздальской земли в бассейне Волги и Клязьмы, причем по времени этот процесс мог возникнуть уже в XII-XIII вв. (стр. 327-328).

Полчеркивая роль междиалектного взаимодействия как основного фактора образования среднерусских авторы обращают внимание на то, что новый набор черт не складывался как набор коний черт каждого из взаимодействующих диалектов, а возникали и специфические новообразования. Так, этим говорам присущ особый вокализм первого предударного слога после мягких гласных (виды умеренного яканья), возникновение которого объяснимо только пережитым междиалектным взаимодействием.

Еще сложнее представляется историческая характеристика западных среднерусских говоров. Исторически основная часть современных западных среднерусских говоров связана преемстиенным развитием с диалектами новгородской и исковской земель феодального периода. Некоторые специфические исковские черты (изменения в ряду свистящих шинящих и дентальных — альвеолярных, в дальнейшем — особенности гдовской и исковской групп) объясняются как результат древнего взапиодействия западной части восточнославянских племен с финскими илеменами.

Вторым, более поздним, важным фактором образования специфических черт этих говоров определяется проинкновенте с юга аканья диссимилятивного типа. Включение диссимилятивного пригципа неразличения гласных в систему различения гласных формирует вокализм исковского и гловского типов.

Вторичное проникновение акапья, уже недиссимилятивного типа, с юго-востока через посредство центральных аказопих говоров могло явиться основанием, по мнению авторов, для развития сильного яканья, известного на востоже искоской группы связывается с историческими условиями существования новгородского княжества, его населения, после покорения Новгорода Москвой и образования москоского государства.

Все эти соображения авторов, очень интересные, требуют дальнейшей разработки. Очевидно, здесь нужны более убедительные предварительные разыскания в области не только истории, но и типологии различных звуковых систем, решение вопросов о возможном и невозможном совмещении разных звеньев, разных частных систем в более общей при межлиалектном историческом взаимодействии и дальнейшая, прежде всего теоретическая разработка проблем междиалектного и межъязыкового взаимодействий. Кроме того, очевидно, до рассмотрения всех вопросов, связанных с образованием среднерусских говоров, следует представить хотя бы в гипотетическом виде историю южнорусского наречия и в связи с ней историю первичного акающего вокализма.

Будем надеяться, что авторы продолжат свою работу по исторической пинтерпретации данных лингвистической географии и в соединении с фактами, извлеченными из памятников письменности, предложат новые результаты по разработке проблем исторической диалектологии русского языка.

Можно думать, что выход рецензируемой книги будет способствовать углублению теоретической работы в области русской диалектологии, окажет положительное влияние на преподавание истории и диалектологии русского языка на филологических факультетах университетов и пединетитутов.

К. В. Горшкова

РЕШЕНЗИИ

«Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)», материал собрали и словарь составили: Г. А. Баринова, Т. С. Коготкова, Е. А. Некрасова, И. А. Оссовецкий, В. Б. Силина, К. П. Смолина, под ред. И. А. Оссовецкого. — М., изд-во «Наука», 1969. 612 стр.

Вышел в свет подготовленный группой диалектологов Института русского языка АН СССР словарь одного из южнорусских народных говоров 1. Объектом лексикографической обработки в словаре явилась современная лексика говора д. Деулино Рязанской области со всеми ее специфическими особенностями. Сведения о лексическом составе говора до сих пор почти полностью отсутствовали в русском языковлании.

136

Лексический состав южнорусских говоров менее выявлен сравнительно с севернорусскими. Значительная часть диалектных слов и значений, получивших отражение в деулинском словаре, или отсутствует в картотеке Словаря русских народных говоров, или представлена в ней, но по другим говорам. Уже одно это делает словарь д. Деулино чрезвычайно важным источником изучения диалектной лексики. То обстоятельство, что материал для Словаря собран группой опытных диалектологов от значительного числа информантов, обеспечило надежность, достоверность и полноту фиксирования словарного состава диалекта.

Тип словаря народных говоров в свое время вызвал горячие споры и дискуссии, в ходе которых было высказано немало различных точек врения. Эти споры не привели к примирению сторон, но они способствовали углублению представления о задачах и методах лексикографической разработки диалектный сиссики, выявлению новых типов диалектных словарей 1.

В шестом выпуске «Лексикографического сборника» (М., 1963) приведен список диалектных словарей, вышедших за рубежом в 1957—1958 гг. (из числа тех, которые поступили в московские библиотеки). Этот перечень иллюстрирует многообразие типов словарей, различие целей и задач, решаемых в них, многоплановость лексикографической обработки материала ².

Передставляется, что принципиально неврепо требовать составления областных своварей отдельных территорий или отдельных говоров на основе одних установок, по одному образцу. Это было бы сознательным обеднением задач и возможностей диалектной лексикографии. Работа над диалектными диференциальными словарями отнюдь не исключает возможности и надобности подготовки словарей других типов.

Чрезвычайно важно во многих отношениях было бы подготовить полный словарь одного говора, содержащий в себе характеристику всех слов, образующих словари способствовало бы более точному и полному решению вопроса о соотношении диалектного и литературного (общенародного) в данном языке и в данном говоре; такой словарь был бы неоценимым источником для решения целого ряда лексикологических и общеязыковых проблем.

Однако для этого необходимо учесть все богатство лексических средств дналекта, что исключительно трудно. Финксацией одних только наиболее употребительных и активных слов лексики ограничиться нельзя, ибо на характер системных отношений в заначительной мере влияют и малоупотребительные, устаревшие или только входище в диалект слова. Необходим учет всех основных слов дналекта, составляющих костяк его словарного состава. Иными словами, полный словарь диалекта должен быть действительно полным словарем, если составители его стремятся отразить системные связи и отношения в лексике диалекта.

Дело это чрезвычайно трудное в первую очередь по практическим соображениям; еще никому не удавалось зафиксировать словарный запас диалекта во всем его объеме. Не случайно все длалектыве словари на материале русских народных говоров построены по дифференциальному привципу 3.

¹ См.: Б. А. Л арин, Инструкция «Псковского областного словаря», Л., 1961; Ф. П. Филин, Проект «Словари русских народных говоров», М.—Л., 1961; его же, Некоторые проблемы диалектной лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1966, 1; И. А. Оссовецкий, Осставлении региональных словарей, ВЯ, 1961, 4; Ф. П. Сороковорово областного словаря, сб. «Современная русская лексикология», М., 1966; Л. А. И вашко, О. С. Мжельска ал, Общерусский лексический фонд в словарном составе диалекта, Вестник ЛГУ, 20, Серия истории, явыка и литературы, 4, 1966 и др.

² См. аннотированный библиографический список иностранных словарей 1957—1958 гг. издания, полученных крупнейшими библиотеками Москвы, в «Лексикографическом сборнике», 6, М., 1963.

³ Попытка создать полный словарь псковских говоров не может считаться удачной из-за отсутствия в словаре значительной части словарного состава диалекта. См. об этом: В. И. М а к с и м о в,

Справедливо считая, что в дифференциальном словаре нарушаются системные связи и отношения лексики говора и что в связи с этим дифференциальный словарь не может быть надежным источником для изучения лексики как системы, коллектив деулинского словаря отвергает дифференциальный принцип в формировании словника как теоретически несостоятельный, но пользуется им практически. «Принцип дифференциальности по отношению к литературному языку в диалектном словаре нужно интерпретировать дишь как сугубо практический прием отведения от словаря всех тех слов, в которых собирателям по разным причинам не удалось подметить и зафиксировать их объективное диалектное качество в значении, или в грамматике, или в стилистической окраске» (Введение, стр. 11).

Таким образом, деулинский словарь это дифференциальный словарь с большим количеством отступлений от принципа дифференциации. Так, слова, отличающиеся от литературных одним из своих значений, вводятся в словарь со всей совокупностью значений; в словаре получают место также слова, отличающиеся от литературных эквивалентов только устойчивыми сочетаниями при полном совпадении системы значений. В словарь включено немало слов, вообще ничем не отличающихся от литературных. В этом сказалась убежденность авторов в том, что все слова диалекта в каком-либо отношении противопоставлены лексике литературного языка и обладают соответствующими дифференциальными признаками 4.

Читателю между тем неясно, какими дифференциальными признаками в отличие от литературных обладают слова: копна «укладка сена в виде конуса», а также «примерное количество сена, входящее в такую укладку», копенка, копеночка, корь «болезнь корь», краснобайка, наслежаться, морда, молобака, бедокур, бедно, бёрдо, богатый, бугор, бугорок, бугорчик, бузить, бузотер. бузка, житьё и др.

Много места занимают материалы, иллюстрирующие литературные значения тех слов, которые включены в словарь потому, что они имеют одно или несколько диалектных значений. См. в этом отношении словарные статьи на слова корень, коренной, короткий, край, поглядеть, объесть, шуметь, через, сечь ит. п. Это делается для того, чтобы полнее и отчет-

Ф. П. Сороколетов, Псковский областной словарь, ИАН ОЛЯ, 1968, 2.

ливее выявить и показать семантическую структуру вводимых в словарь слов. Но делается это, по-видимому, непоследовательно, не во всех случаях.

Так, при слове пожарник указано только одно значение «погорелец»; следовательно, слово в говоре не имеет литературного значения «пожарник»? В словаре есть коноводка, но нет коновод. В словах младенец и молоденец отмечено только «эпилепсия, припадки». При значение наличии конопатка «веснушка» отсутствует конопатый и т. д. и т. п. Чтобы ставить и изучать вопросы функционирования лексики деулинского диалекта как определенной цельной системы, исследователь должен знать, чем объясняется отсутствие в словаре такого рода фактов: отсутствием их в говоре или случайным пропуском собирателей.

Исследователю будет мещать и отсутствие в словаре сведений о наличии синонимических обозначений тех или иных явлений в говоре.

Все это в значительной степени снижает ценность той части материала словаря, которая представляет литературные (общие для говора и литературного языка) слова и значения.

Дифференциальный принцип отбора лексики для словаря (хотя и в расширительном понимании) обусловил и характер лексикографической интерпретации словарного состава диалекта. Составители, опираясь на опыт диалектной и литературной русской лексикографии, нашли рациональные, отвечающие характеру лексического материала, способы и приемы разработки слов в словаре. Слова, получившие место в словаре, приводятся в орфографической записи, а словарная статья включает грамматическую и стилистическую характеристику, толкование значения (оттенка), цитаты, иллюстририрующие значение и особенности употребления, толкования фразеологически связанных значений слов и цитаты, иллюстрирующие эти значения.

Лексика говора д. Деулино авторами словаря рассматривается в сопоставлении с лексикой литературного языка. Это дало возможность при семантической характеристике слов ориентироваться на известную каждому носителю русского литературного языка лексико-семантическую систему. Отсюда — смешанный тип толкования слов: перевод средствами литературного языка (литературные эквиваленты диалектных слов) и толкование слов и их значений в тех случаях, когда в литературном языке отсутствует соответствующее слово и понятие. Такой способ описания семантической структуры диалектных слов в словаре современного говора русского языка следует признать наиболее целесообразным и разумным.

Общеизвестно, что разработка семантической структуры слова является одной из важнейших проблем лексикографии;

областном сложение выдвигается рядом диалектолов как бесспорное. См., например: И.А. Оссовецкий, «Словарь говора деревни Деулино Рязанского р-на Рязанской области, в кн. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков», М., 1964; Л.А. И в а ш к о, О.С. М ж е льская, указ. соч.

разграничение значений и унотреблений, значений и оттенков значения, выделение различных типов значения слова и их характеристика, установление синонимических отношений и показ их в словаре и многое другое - все это во многом определяет тип и характер словаря. Вместе с тем это, пожалуй, самая трудная сложная часть лексикографической работы. Справедливо замечание о том, что «диалектный языковый материал, столь же трудный для лексикографической интерпретации, как и языковый материал литературного языка, кроме того, облалает своими сцепифическими особенностями, которые усложняют и без того нелегкий процесс составления полнопенной словарной статьи диалектного словаря» (Введение, стр. 25).

Составителям словаря удалось избежать нередко встречающийся в областных словорях последнего времени способ толкования значений слова с позиций носителя не дналекта, а литературного языка, т. е. с позиций самих составителей. Ср., например, определение первого значения существительного дремя в «Пермском словаре»: «Всеобъемлющий, необратимый процесс, в котором протекают все другие частности, в последовательной смене регулярно чередующихся явлений природы (дия и почи, лета и зимы и т. п.)» 5.

Таких случаев в деулинском словаре нет. Но он грешит другим недостатком семантической разработки слова — нечетким разграничением таких категорий, как значение слова, оттенок, употребление — единичное, частное применение слова в речи.

Конечно, разграничение значения слова п оттенка значения представляет большую трудность и на материале литературной лексики, ибо в лексикологии нет отчетливо выработанных критериев, позволяющих безошибочно разграничивать эти поинтия. Вместе с тем в большинстве случаев значение и оттенок легко различаются. Не вдаваясь в теорию вопроса, укажем лишь на случаи бесспорного смешения значения и оттенков, значения и поторебления слова в деулинском словаре.

Так, в статье на слово каток под значенем «кусок какого-либо вешества в виде
шарика» даны «оттенки»: перен. «о шаровидной опухоли», «плодовая завязь у
некоторых растений, имеющая форму
шарика», и «круглый деревиный чурбачок, который подкладывают под ухват,
чтобы летче было вытаскивать чугуны вз
печи». Очевидно, что второй и особенно
третий «оттенки» представляют собой
самостоятельные значения. Каток для
вытаскивания чугунов из печи вявляется
терминологическим обозначением пред-

мета, функционально и по внешнему виду четко отграниченного от «чего-либо в виде шарика».

глаголе жалковать сожалеть» последний «оттенок» — «проявлять беспокойство, озабоченность в связи с чем-либо» — надо было бы выделить особым, самостоятельным значением. В слове кожа под значением «наружный покров тела человека, животного; выделанная шкура животного» даются как оттенки «кожура, оболочка плода, клубия» и «кора (у деревьев, кустарников)». Это слово, в общем совпадающее в семантическом плане с литературным кожа (если его и поместили в диалектный словарь), должно было бы быть разработано так, как это сделано в пятом томе «Словаря современного русского литературного языка». Под значением «деревянный или железный ковш» в слове корец дается оттенок «кастрюля с одной ручкой». Новое функциональное назначение реалии — кастрюли — не дает возможности упрятывать последнюю под значение «ковш». Такие случаи, к сожалению, не единичны, и они не могут быть объяснены особенностями функционирования слова в дналектной речи.

С другой стороны, можно отметить случаи, когда в слове выделяются несуществующие значения. В прилагательном желтый под литературным значением «желтый» выделяется в качестве оттенка «хорошо промытый, чистый (о некрашенных деревянных полах, лавках и т. п.)». Это подкрепляется примерами. У н'ей изба́ - та была́ жо́лтайа - прижо́лтайа, фс'а вымътайа, ч'иста — хо́л'найа. Уш ч'иш'ш'ь М'ин'ушъных нет. Жалто́к жблтай, мост-тъ был. Мамъ, хърашо́? [вымыла пол] — O-o, жо́лтыйи!. цитат видно, что прилагательное *желтый* обозначет в них «желтый (желтоватый) цвет», какой обычно имеет хорошо вымытая доска (ср. жалток жолтай). И ничего более!

В существительном роса выделяются значения: 1) «роса», 2) «о мере времени для отдельных пропяводственных процессов в сельском хозяйстве, связанных с увлажнением чего-либо на росе (заготовка сена, обработка льна и т. п.)». Обращает на себя внимание сложность и неточность толкования и необоснованность выделения последнего употребления. Цитаты нод этим значением: Чаво ураблий з двух рос? Н'икада з двух рос и'и гр'абуй" и др. свидетельствуют о том, что роса в них употреблено в своем исходном значении.

Есть случаи перазграничения явных омонимов. Так, под одним словом грозный разработаны «значения» 1) внушающий страх (грознай мужык) п 2) грозовой (муй и трознай»). Наряду с этим можно указать на неоправданное разделение полисематического слова на омонимы.

⁵ «Живое слово в русской речи Прикамья», 1, Пермь, 1969, стр. 46.

Так, валух «кастрированный бык» и «о медлительном человека» вряд ли целесообразно было делить на омонимы.

Питаты, иллюстрирующие значения слова, показывающие особенности его функционирования в живой народной речи, пожалуй, являются одним из самых значительных достоинств рассматриваемого словаря. Прежде всего надо отметить богатство цитатного материала -в словаре нет ни одного слова, не обеспеченного оправдательным примером на употребление его в речи, многие слова проиллюстрированы несколькими цитатами; при этом большинство цитат не просто подтверждает существование слова в говоре, но раскрывает особенности и условия его функционирования в живой речи - это лучший способ цитирования (ср. например, в этом отношении слова кобёл, кисель, качка, извековать, вбежки, желанный и мн. др.). Особенно ценны иллюстрации при устойчивых сочетаниях (идиомах), приводимых в составе словарной статьи под значком ∧.

Можно даже отметить некоторое излишество в цитировании. Некоторые цитаты типологически, конструктивно однородны (тождественны) и по существу повторяют друг друга. Ср., например, словарные статьи на жадобный, жалеть, жрать, конец, перевесна, ренка и др. Иногда цитаты так пространны и включают в себя такое количество сведений, что читатель не в силах определить, что призвана подтвердить цитата. Ср. в этом отношении цитату на второе значение прилагательного печальный «траурный» (о цвете): Ч'орнай — вот с'в'ет п'а-(—А белый?) — В'елай — ета ч'а́л'най б'єлай, ну тожа, н'а бч'ин' п'ач'ал'най... T бже n' au' an' haŭ. (A серый?) — C' e paŭ h' a man mm o n' au' an' an'нас'йт' и па-ч'орнаму и па-краснаму... и уор'а — нас'ит' фе'о можна, и ра- $\partial ac'm' - \phi c'o$ можна нас'йт' (2). А да-лее — вовсе непонятное: Ана п'ач'алнайа платиа, с'ин'ийа... а фс'о равно па-краснаму нос'у. К счастью, такие случаи немногочисленны.

Непосредственные наблюдения над речью носителей говора в сравнительно короткий срок дали возможность составителям словаря проследить стилистическую дифференциацию лексического материала. Стилистические пометы, применяемые в словаре, призваны выделить сравнительно небольшой круг так или иначе маркированной лексики диалекта на основного (стилистически нейтрального) пласта лексики. Сам набор помет, относимых составителями к стилистическим, малоупотр., устар., нов., ласкат., уменьш.ласкат., неодобрит., груб., бран., экспрес., свидетельствует о неоднородности «стилистических» квалификаций и о неширокой палитре стилистических жазграничений.

Нельзя считать стилистической в полном смысле слова помету нов., так как она указывает только на временной фактор в функционировании слова. Известно, что новые слова могут относиться раздичным стилистическим пластам лексики. Одни из них сразу становятся общеупотребительными и широко распространенными словами, другие в течение какого-то времени принадлежат к словам стилистически ограниченным, нередко так и не входя в широкое употребление. Помета малоупотр. также не является сугубо стилистической, так как она квалифицирует слово только с точки зрения частоты употребления. Иногда это связано не с языковыми причинами. а является следствием неширокой распространенности предмета или явления, которые обозначаются данным словом. Так, казачок «старинная верхняя женская одежда обычно из сукна или на вате» имеет помету малоупотр. Из цитат и из толкования видно, что такой вид одежды в настоящее время не носят, но намять о нем еще сохранилась. Отсюда малая употребительность слова *каза*чок. Но в описаниях старинной одежды казачок употребляется совершенно свободно, не получая никаких эмоциональноэкспрессивных нагрузок. В литературном языке таким словам соответствуют «историзмы».

Можно указать на случаи ошибочного или по крайней мере спорного восстановления исходной формы слова. Так, принятая во многих источниках форма слова калган «деревянная миска» в словаре передается через колган. Это слово и по другим говорам известно именно в форме калган 6. Видимо, копец «конец» должно возвести к капеи от капит. Непонятно. почему пьяней считается сравнительной степенью по качественному значению существительного пьянь, если ествественно связать его с прилагательным пьяный.

Все такого рода неточности и ошибки в словаре почти неизбежны, и мы отмечали их, исходя из требований идеального характера.

Значительно более серьезные возражения вызывают некоторые теоретические соображения составителей словаря, высказанные ими во введении.

Название словаря — «Словарь современного русского народного говора»,-не случайно, оно отражает взгляды составителей на соотношение говора д. Деулино с другими южнорусскими говорами и с литературным языком. «Составление словаря одного говора, — пишет И. А. Оссовецкий, — прежде всего нужно рассматривать не как показ лексики говора именно данного населенного пункта, а как реализацию потенциальной возможности на языковом материале одного

⁶ Ср. также: М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, II, М., 1967.

говора показать диалектную лексику, типичную для данной диалектной зоны» (Введение, стр. 5). Типичность лексики говора д. Деулино для южнорусской диалектной зоны выводится из относительной близости всех южнорусских говоров в фонетико-морфологическом отношении. Однако общейзвестно, что прямой связи между лексическими особенностями говоров и их фонетико-морфологической системой нет.

Хорошо знакомый мне говор д.Выворотково Курской области, который также, как и говор д.Деулино, может быть отнесен по фонетико-морфологической характеристике к типичным южнорусским говорам, никак не может служить подтверждением мнения о том, что словарь д.Деулино может рассматриваться с известным основанием как словарь всего южновеликорусского наречия и что лексика говора д.Деулино, во всем своем объеме противостоящая лексике литературного языка, обнаруживает значительно меньшие расхождения с лексикой других говоров южного наречия.

Так, из общего числа 365 слов на букву «б» 200 слов в говоре д.Выворотково не обнаруживается. Две трети слов, таким образом, в двух диалектах не совпадают. Примерно такое же соотношение и по другим частям словаря. Показательно и то, что совпадают лексические составы двух говоров именно в той части, которая является общей для говоров и литературного языка.

В курско-орловском словаре С. М. Кардашевского на букву «в» насчитывается 191 слово (словарь этот строго дифференциальный), в деулинском словаре — 239 слов. Из 191 слова, представленных в

словаре С. М. Кардашевского, 143 в деулинском отсутствуют; 206 слов деу-линского словаря нет у Кардашевского и лишь 23 слова, т. е. 10%, являются общими для этих двух словарей.

Такие сопоставления можно продолжить, но они не изменят картины. Сопоставление данных словаря д.Деулино с лексикой других южнорусских говоров показывает, что нет никаких оснований говорить о том, что словарь говора д.Деулино может рассматриваться «с известным основанием - как словарь южнорусского наречия» (Введение, стр. 6). Рассматриваемый словарь, таким образом, должен быть признан словарем одного говора, — говора д.Деулино.

Не подтверждается и второе положение, выдвинутое в теоретическом Введении к деулинскому словарю-положение о значительно большей противопоставленности лексики говоров литературному словарю при незначительных различиях

лексических составов говоров.

Впрочем эти теоретические установки не отразились на составе словаря. Словарь представляет достаточно объективную картину состояния лексики современного народного говора — говора д. Деулино в той ее части, которая противопоставлена словарному составу литературного языка. Эта лексика хорошо и всесторонне лексикографически интерпретирована. Исследователи диалектной лексики современных говоров с выходом в свет «Словаря современного русского народного говора» получили в свое распоряжение материал первоклассный и чрезвычайно много говорящий.

Ф. П. Сороколетов

«Словарь таджикского языка (Х-начало XX века)», под ред. М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашима, Н. А. Масуми. — М., изд-во «Советская энциклопедия», Т. І—А—О, 1969, 952 стр., т. ІІ—П—Ч, 1969, 952 стр. (на тадж. яз.).

До недавнего времени чтение произведений таджикской классической литературы X-XIX вв. вызывало серьезные затруднения из-за большого количества непонятных в настоящее время слов и выражений. Поэтому давно назрела необходимость в толковом словаре языка этого периода, и читатели с нетерпением ждали появления полобного издания.

Таджикская и персидская лексикография имеет давнюю богатую традицию создания толковых словарей. По подсчетам известного пранского писателя и филолога СаидаНафиси, за период Х --ХІХ вв. было всего составлено и расиространено в рукописном, а позднее - в печатном (литографированном) виде более двухсот словарей. Наиболее известные из них «Луғати фурс» Асади Туси (XI в.), «Фарханги Чахонгирй» Хусайна Инджу (XVII в.), «Гиёс-ул-лугот» Мухаммада Гиёсиддина (XIX в.) и др. Все они, естественно, представляют собой большую Редкость, встречаясь лишь в единичных экземплярах в отдельных библиотеках и частных собраниях. К тому же эти словари различны и по объему, и по уровню ^обработки материала. Этим и **бы**ла вызвана необходимость пересмотр**а эт**их словарей и составление нового, наиболее полного научного толкового словаря таджикского языка, рассчитанного на современного читателя.

За составление подобного словаря в советское время взялся коллектив ИИЯЛ Тадж. ФАЙ СССР под руководством основоположника талжикской советской литературы Садриддина Айни, акад. Е. Н. Павловского, чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса. Словарь строился на материалах современной таджикской литературы. В середине 40-х годов был издан первый том двуявычного таджикскорусского толкового словаря, однако эта успешно пачатая работа осталась неза-

вершенной. В 50-х годах в работу по составлению толкового словаря таджикского языка включился коллектив Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР. В составление, редактирование и издание этого словаря много труда вложили такие ученые филологи, как Н. А. Маъсумй, М. Ш. Шукуров, Р. Хошим, В. А. Капранов, С. Д. Арзуманов, Т Н. Зехни, Х. Р. Рауфов и др. Большую пользу принесли составителям словаря консультации с знатоками классической литературы из Ленинабада, Самарканда, Бухары, Ферганы и учеными-востоковедами Москвы, Ленинграда, Баку. Серьезную и кропотливую работу пришлось проделать и редакторам издательства «Советская энциклопедия» при подготовке словаря к печати.

В двухтомном словаре (объемом около 210 авторских листов, включающем около 45 тысяч слов и выражений) представлен словарный фонд таджикского литературного языка за период более чем в тысячу лет.

В словаре богато представлена лексика и фразсология произведений Фирдоуси, Саади, Джалолиддина Руми, Хафиза, Джами, Хилоли и др. Значительную часть словаря составляют слова и выражения из произведений среднеазиатских авторов X-XIX вв. Рудаки, Абу Али ибн Сино, Носпра Хисрава, Васифи, Сайидо, Ахмади Дониша, Шохина, Савдо и др., причем лексика произведений среднеазиатских авторов XV-XIX вв. по существу впервые собрана в рецензируемом словаре. Использование составителями наряду с художественной литературой материалов исторических, философских и других произведений прошлого обусловили в известной степени энциклопедический характер словаря.

В предисловии к словарю приводятся сведения по истории таджикской лексикографии, освещены принципы составления словаря и пользования им, подробно
уномянуты источники словаря — они
в дальнейшем могут быть использованы
при составлении многотомного толкового
словаря таджикского языка и двуязычных словарей.

В словарь вилючены главным образом простые (непроизводные) лексемы. Из производных, число которых практически неограничено, отобраны те слова, которые имеют иное значение или стилистическую окраску, чем вытекающие из значений их компонентов.

Словарь построен по алфавитному прин-

ципу. Сложные слова приводятся в порядке алфавита. В случае, если у слова имеются различные фонетические вариавты, они приводятся каждый на своем алфавитном месте, но пояснения даются при одном из них.

Каждая словарная статья содержит толкование значения или значений (если слово многозначно, либо имеет в разных контекстах различные стилистические оттенки). Каждое значение полкреплено цитатами из произведений классического периода с указанием автора или названия произведения. В начале словарной статьи после заглавного слова, набранного полужирным шрифтом в современной графике, дается написание этого слова в старой таджикской (арабской) графике. Если слово заимствованное, после заглавного слова указывается язык (или языковая семья), из которого это слово заимствовано (а. - арабский, т. - тюркские и т. д.).

К словарю приложен арабский ключ указатель, где все содержащиеся в словаре лексемы даны в арабской графике в порядке арабского алфавита с параллельным написанием их в современной тадкинской графике; это облегчит пользование словарем при чтении старых рукописей произведений классической литературы.

«Словарь таджикского языка», несомненно, станет настольной книгой как специалистов, так и любителей классической литературы. Однако этот научный лексикографический труд - по существу только первый этап работы над толковым словарем таджикского литературного языка в советский период. В этом словаре естественно, представлены все слова и выражения, да составители и не ставили целью полноту охвата всего лексического и фразеологического материала. Это — задача будущего, когда будет предпринята попытка создания фундаментального толкового словаря таджикского литературного языка. Для такого словаря потребуется не менее пятнадцати — двадцати миллионов карточек, при этом, очевидно, придется учесть все смысловые и стилистические оттенки слов и выражений, использованных произведениях классической таджикской литературы.

Современный таджикский литературный язык, его словарный состав, претерпевший за годы советской власти ряд существенных изменений, должны послужить предметом отдельного исследования.

Остается надеяться, что таджинские лексикографы не усиоколтся на достигнутом и в ближайшем будущем возьмутся за создание фундаментальных толковых словарей как классического, так и современного таджикского литературного языка.

Т. Абдиджаббаров

B. Schlerath. Awesta Wörterbuch, Vorarbeiten. Bd. 1; Index lo orum zur Sekundärliteratur des Awesta. — Wiesbaden, 1968. XXXII+264 crp. Bd. 2: Konkordanz. — Wiesbaden, 1968. 200 crp.

На протяжении почти двух столетий внимание ученых привлекает один из самых древних и наиболее своеобразных письменн**о**й культуры памятников Авеста. Понятно поэтому, что возникло так много литературы — многотомных собраний и небольших книг, учебных пособий и ученых статей, посвященных языку и литературным достоинствам, мифам и религии, этнографии и географии, философии и истории текста. Библиографические пособия «Anzeiger für indogermanische Sprach- und Altertumskunde» (1892 -1911), «Indogermanisches Jahrbuch» (1911-1955), «Bibliographie linguistique» (1938—) помогают разобраться в литературе об Авесте. Но они в своей совокупности обладают рядом недостатков: 1) в них не учтена старая (до 1892 г.) литература, особенно интересная для изучения пазенда, содержащая немало интересных мыслей и наблюдений о рукописях и т. п. К этому периоду относятся, в частности, работы Дармстетера и Шпигеля, многие труды Хюбшмана и Бартоломе; 2) для обнаружения литературы, не относящейся непосредственно к языку, необходимо обращаться к иным пособиям или же затратить несообразно много времени. Между тем, это неизбежно, так как язык Авесты нельзя изучать, отвлекаясь от ее содержания; 3) никак нельзя быть уверенным в полноте этих пособий. Для авестийского языка это особенно существенно, так как многие исследования печатались в Индии; русская библиография, как известно, представляет свои сложно-

Рассматриваемая работа дает полную библиографию трудов по Авесте, причем расписанных таким образом, что можно найти литературу, относящуюся к любой отдельной строке памятника, к любому разделу. Эти библиографические данные снабжены краткими пометами, заменяющими в какой-то степени аннотации. В пособия такого типа полные аннотации, естественно, были бы неуместны, они превратили бы библиографический справочник в энциклопедию. Можно только удивляться искусству автора, достигшего такой компактности одновременно с такой полнотой.

Полезно разобрать образец библиографического комментария. Ниже приводится таковой к 54 стиху 5 Яшта (Ардвисур-Яшта):

5.54. a: Geig OstirK 1882 52 + A 1 t ü b: FMü WZKM 9 1895 379 tk c: Hav Kassy 1911 57 t ü d: Zaijti CamaJ 10 1927 29 ü e: Coyajee CamaJ 33 1939 257f ü

f: Wikn Feupr 1946 132

чески для каждой строки Авесты. Если в привлекаемом труде рассматривается несколько строк, строфа, раздел, то вместо пометы «5,54» стоит «8,26—30» и т. и. Какую же информацию можио почерпнуть из приведенного примера?

g: Hzf Zor 1947 678 t tk

h: Humb MSS 3 1953(58) 76f tk k

Такие же данные приводятся практи-

Во-первых, мы видим, что составитель приводит восемь (а — h) библиографических единиц. Во-вторых, указаны авторы часто сокращение: Geig = Geiger, FMü = Friedrich Müller, Hav = Havers, Wikn = Wikander, Hzf = Herzfeld, Humb = Humbach. Сокращения водятся на стр. VIII—XXXII. Ссылки на авторов позволяют в некоторой степени определить содержание их труда: ясно, что Бартоломе рассматривает грамматические вопросы, Шарпантье - этимологические, Седерблом — историко-религиозные и т. д. В-третьих, приводится название работы, наименование журнала, где она опубликована, с указанием номера и года издания. В-четвертых, указывается страница, на которой рассматривается данная цитата, причем особо отмечается, если она приведена на данной странице в примечании. Необходимо отметить, что большая экономия места достигается за счет отсутствия знаков препинания. Наконец, в-пятых, приводится специальная информация о содержании приводимого толкования. В приведенном примере это t — у данного автора приводится текст (т. е. текст 54 стихи 5 Яшта); ü — имеется перевод; k — комментарий; tk — замечания об истории текста и по критике текста.

Этот раздел сообщает также о том, приводит ли комментатор парадлели из ведийского, санскрита или древнеперсидского и среднеиранских языков; имеются ли у него парафразы, средневековые переводы на санскрит и новоперсидский; имеется ли там санскритский перевод-транспозиция, выполненный ременными учеными; рассматривается ли метрическая структура текста и мя. др. Работы располагаются в хронологическом порядке. Список сокращений занимающий лвадцать одну страницу (XI—XXXII), представляет собой последнюю и наиболее полную библиографию по Авесте, расположенную по алфавиту и содержащую аббревиации, принятые в иранистике; новые же, введенные Б. Шлератом, могут быть рекомендованы для дальнейшего употребления.

Библиография ко всем строфам и строкам Авесты образует первый том рецензируемого труда, объем его XXXII + + 264 стр. Второй том содержит четыре

конкорданса.

Первый из них (стр. 1-129) представляет собой систематическую регистрацию повторений (составляющих более 25% авестийского текста), снабженную соответствующими ссылками работу С. Гартмана, «Orientalia Suecana», 5, 1956, стр. 36). Предполагается, что новый авестийский словарь (данные тома расцениваются как предварительная работа к этому словарю) будет у всех повторяющихся слов иметь индекс к. Например, ušidarenahe Y 1, 14k; в первом конкордансе можно установить, что это слово встречается еще в 16 местах (У 3, 16; Y 4, 19; Y 7, 16 и т. д.). Естественно, что такие отсылки могут помочь найти и среднеперсидские переводы: зная, в каких местах повторяется какой-либо стих и изучая раздел текста, не имеющий перевода, мы можем найти по этому конкордансу тот же стих в таком разделе Авесты, который имеет перевод.

Структура этого указателя такова. В порядке нумерации по изданию Гельднера приводятся стихи Авесты: Y 0,1; Y 0,2; Y 0,3.... Y 8,2 Y 8,3... Yt 14,30; Yt 14,31... Vd 17,9; Vd 17,10 и т. д. Каждый номер, указывающий на стих, является заглавием своеобразной словарной статьи. Например: $\{Y 6,20: = (Y 17,19 + Y 59,29 +) \rightarrow Y 2,18 \rightarrow Y 6,IV.$

Автором разработана оригинальная нотация, все знаки имеют специальное значение, не вытекающее из их математиче-

ского употребления.

«[» значит, что весь стих состоит из повторений и поэтому не учитывается в словаре (будущем); «+» означает, что данный стих (Ү 17,19) имеет дополнительную часть сравнительно с стоящим в заглавии рассматриваемой единицы конкорданса (Y 6,20); «()» означают, что соединенные ими стихи совпадают в своем отличии (+!) от поясняемого; \longleftrightarrow — простая ссылка к идентичному стиху.

Иногда выписывается цитата с особы-

ми обозначениями:

5.5) x arəmanhö savanhō mazdabatahe b) airyanam x arənō mazdaδātanam c) kāvayeheca x^varənanhō mazdaðātahe d) kavoiš haosravanhahe varoiš haosravanhahe asnvantahe garōiš mazdaδātahe ¹caēcistahe varōiš mazdabātahe | c | = S 1,9 + + (1caēcastahe) b: Y t18,0; Yt 18,9; S1,25; → 1,12.

Особенности нотации: «|» обозначает начало стиха; « » — знак того, что часть текста опущена: напротив, порядок [b..... с..... d..... и т. и. показывает непрерыв-

ность текста.

Далее следует конкорданс В (стр. 130-147), содержащий подборки одинаковых именных словосочетаний в разных падежах. Например:

1,12: tava āðrō ahurahe mazdā puðra 4,23: tava ātarš puðra ahurahe māzdā

62,7: ātarš mazdā ahurahe, ebenso (также) N_y 5,4

Vd 18,18: ātarš ahurahe mazdā

Vd 3,15; ātrəmca ahurahe mazdā H 2,13: ätarəmca ahurahe mazdă

Vd 14,2: äðre ahurahe mazdã

4,2: ā@raēca ahurahe mazda

3.2: tava arto ahurahe mazda

1,4: āðrasce ahurahe mazdā 36,2: ātarə mazdă ahurahyā

58,7: ātarē ahurahē mazdă Третий конкорданс (C: стр. 148—164)

содержит сходные выражения (parallele Fügungen), образованные, например, однокоренными словами, являющимися, однако, разными частями речи, а также синонимами и т. п. Например;

48,1: ašā drujem vēnņhaitī 48,2: ašavā... vēhghat dregvantem 60,5: vainīt... ašā~drujəm 19,95 vanāt aša akam drujim

В этом же указателе приведены ведийские и иные параллели. Собранный таким образом материал чрезвычайно важен, на основании его могут быть восстановлены фрагменты индо-иранского «про-

В указатель включены словосочетания, имеющие по меньшей мере два этимологически сходных слова. Параллели, в которых сходные представления и ситуации описаны разными словами («идеологические» параллели), в данном конкордансе не учтены.

За этим указателем следует список выражений с vīspa- («Konkordanz D», стр. 165—166), указатель питированных мест из текстов к конкордансам В, С, D и индексы слов (стр. 167-199).

На основании анализа повторов, не рассеивающихся по всей Авесте, а обращающихся в отдельных специфических ее слоях, автор сумел выделить пять струк-

турно-стилистических пластов:

1. Индоиранские рецитационные гимны: одиннадцатисложник, вербальная магия, скрытыйсмысл, нагромождение синонимов. Пример -

2. Индоиранские мелодические гимны: преимущественно восьмисложник, выраженная строфическая структура, мало при**ла**гательных, невыраженность личности «поэта». Примеры — Y 43—46, Yt 5, Yt 10.

3. Литания: бесконечное нагромождение формул с общей частью, выраженной глаголом в 1-м лице ед. или мн. числа: yazamaide, yazāi, nivaēðayemi hankārayemi, āyeše yešti, āat dīš āvaēδayamahī, asaya daδami и т. п.

1 Cp.: R. Schmitt, Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit,

Wiesbaden, 1967.

Эпические -фрагменты: в них часты перечисления, ср. Y9, Vd 1, Vd 2. Б. Шлерат предполагает, что этот «жанр» мог развиться из № 2.

5. Правов ые предписания и комментарий к молитвам (Vd. Y 19—21): напболее поздний слой.

Достоинства рецензируемого труда бесспорны, польза его очевидна. По своему значению в истории изучения Авесты он приближается к работам М. Блумфилда в ведических штудиях. Методика, разработанная Б. Шлератом, может быть рекомендована и для проведения всестороннего анализа отдельных авторов, например, творчества тех или иных поэтов классического периода дари.

Необходимо отметить безупречную полиграфическую сторону издания, столь сложную при учете авестийской транслитерации ². В заключение заметим, что иранисты с нетерпением ожидают выхода в свет третьего тома, который, как предполагается, будет содержать исчернываю щий анализ Гат с полными библиографическими данными, учетом всех переводов. вариаций в толковании грамматики и т. д. Л. Г. Герценберг

2 Небольшое недоумение вызывает лишь авестийское «С» вместо принятого «С». Еще Бругманн указывал на настоятельную необходимость транслитерационной дисциплины.

Q. I. M. Mok. Contribution à l'étude des catégories morphologiques du genre et du nombre dans le français parlé actuel. — The Hague — Paris, Mouton, 1968. 155 стр.

Рецензируемая книга посвящена морфологическим категориям рода и числа французского языка в том виде, в каком они проявляются во флексии прилагательных, артиклей, местоимений, а для числа — и существительных. Материалом исследования служит устная речь, в которой дифференциация по роду и числу выражается значительно реже, чем на письме. Весь иллюстративный материал транскрибирован. Исследуется как формальный аспект оппозиций (гл. II — род, гл. V — число), так и роль флексии в этих оппозициях (гл. III, IV - род, гл. VI число).

Задача описания грамматического рода заключается в том, чтобы дать «возможно более полное и простое описание чередования форм и указать информацию, которую слушатель получает, благодаря употреблению той или иной формы, независимо от того, является ли это употребление автоматическим или зависит от выбора говорящего» (стр. 26). В соответствии с этим, из описания исключаются неизменяемые прилагательные типа jaune, а также прилагательные, согласуемые в роде на письме, но неизменяемые в устной речи, например, joli - jolie. остальные относятся к изменяемым. Автор отказывается от традиционной методики описания прилагательных на основе формы мужского рода, поскольку ничто в ее звуковой структуре не предсказывает форму женского рода (стр. 38). Выбор последней в качестве исходной формы позволяет достичь большей простоты описания: так, форма /pla/ описывается как /plat/ + /t/ \rightarrow /0/, где /t/ и нуль звука представляют не морфемы, а конечную фонему женского рода и ее отсутствие. И хотя здесь также не удается резюмировать все чередования в нескольких простых формулах, эта методика позволяет свести все изменения к определенным типам и их комбинациям, а именно: сокращение формы слова: /d/ → /0/ grande; 2) сокращение, сопровождаемое варьированием гласной: /n/ → /0/ с переходом $/\varepsilon/ \rightarrow /\tilde{\varepsilon}/$ — vaine; 3) вариации конечной фонемы типа $/v/\rightarrow/f/$ active. Каждый раз перечисляются все возможные изменения и приводятся исключения из правила. Подобное описание формального аспекта оппозиции мужской — женский род является, по сути дела, типологическим, ибо основано на более общих закономерностях, чем простое перечисление форм. К тому же оно более экономно: характеристика изменяемых придагательных, вместе с исключениями из правил, занимает в книге иять стр.; описание тех же прилагательных, сделанное в 30-х годах М. Дюран 1 по форме мужского рода, имеет вид списка, занимающего 15 стр. в четыре колонки.

Однако наиболее интересными представляются принципы отождествления грамматических значений и в связи с этим классификация форм прилагательных и детерминативов, возникающих при связке или (для артикля) элизии 2. Автор считает, что статус той или иной грамматической формы в языке определяется ее парадигмой в речи. Так, прилагательное

M. Durand, Le genre grammatical en français parlé à Paris et dans la région parisienne, Paris, 1936.

² Вообще, анализ словоизменительных форм не только в их парадигматическом аспекте, но и во взаимодействии с другими речевыми единицами составляет характерную черту книги.

grand перед существительным муж. рода на гласную /grã.t/ — выражает значения «муж. род., ед. число» (ср. grand éléphant, противопоставленное grands éléphants), тогда как преконсонантная форма того прилагательного — /grã/ - имеет значение «муж. род» и в числе недифференцирована (grand garçon garçons), Эти комбинаторные варианты формы муж. рода противопоставляются форме жен. рода /grā d/, которая в свою признается омонимичной: перед существительным на гласную она имеет значение «жен. род., ед. число» (grande armée — grandes armées); в других позициях она выражает значение «жен. и в числе недифференцирована (grande fille — grandes filles). Наличие неизменяемых форм объясняется тем, что в системе языка есть своего рода пустые клетки («des trous dans le système morphologique», стр. 35), которые нужно принимать как таковые 3. Задача лингвиста состоит не в том, чтобы заполнить эти лакуны («boucher les trous qu'il constate dans le système», стр. 30), но дать систе-матическое и возможно более простое описание поведения носителей языка, не навязывая в целях простоты языковым фактам заранее подготовленную схему (там же). Такую схему автор видит в построениях А. Мартине, Ж. Кантино, К. Тогебю, которые полагают, что, поскольку в языке есть различающиеся по роду формы типа blanc - blanche, форма jaune является омонимичной и расщепляется на jaune муж. рода, соответствующее blanc, и jaune жен. рода, соответствующее blanche. К. Мок утверждает, что ничто в речи не позволяет предположить расщепление jaune на омонимы; есть только одна форма јаипе, дистрибуция которой покрывает дистрибуцию и blanc и blanche н которая, следовательно, тождественна и формально и семантически (стр. 31). Омонимами же считаются слова, которые образуют различные парадигмы не в системе языка (поэтому, например, форма mes, соотнесенная с mon — ma, не признается омонимичной), но в системе речи, где различия в значениях маркированы формально.

В своей работе Мок, как и большинство авторов, изучающих категорию рода, исходит из предположения о том, что род фравцузских существительных, за редкими исключениями, не может быть определен по форме слова, вследствие чего это

значение выражается почти исключительно формой соотнесенных с существительным слов. Это, однако, не точно. Исследование, проведенное в Советском Союзе И. А. Мельчуком, показало, что форма не существительных несет в себе информацию о грамматическом роде 4. Эта закономерность, несомненно, представляет реальный фактор в языковом сознании и, видимо, в значительной степени покрывает те пустые клетки, о которых говорит Мок. Можно думать, что носители языка отождествляют род существительного, исходя не только из формы соотнесенных с ним слов, но также на основе анализа формы самого существительного. Очевидно, система дифференциации существительных по роду не может быть ограничена флексиями прилагательных и детерминативов: так, если в примерах petit orage — petite orange узнать род в устной речи нельзя, то в petit examen herbe он определяется формой самих существительных, которые, по классификации И. А. Мельчука, относятся соответственно к муж. и жен. роду. Поэтому то, что, по мнению Мока, представляет пробел в системе языка, в действительности может таковым и не быть, -- меняется лишь механизм дифференциации.

много инпмания в работе уделяется синтаксической функции родовых флексий. Наиболее наглядно она проявляется в словосочетаниях, состоящих из двух существительных и прилагательного. Подробный анализ функции родовой флексии прилагательных в словосочетаниях и предложениях приводит автора к закономерному выводу о том, что какой бы «лишней» флексия порой не казалась, она предоставляет слушятеле формальное указание о необходимых связях и используется носителями языка при комбинировании слов (стр. 62).

Родовая флексия прилагательных и детерминативов может выполнять и семантическую функцию, которая состоит не в выражении связи между словами, а в указавии на пол существа. Эта функция реализуется в разряде одупіевленных существительных (аті, êlève, esclave), которые, по мнению автора, имеют единый лексический смысл и могут сочетаться с прилагательными и муж. и жен. рода; в книге они называются substantifs agénériques (ср.: le concierge—la concierge, Claude est content — contente и т. д.).

Аналогичным образом изучается роль линых местоимений, которые в одних случаях дают информацию о грамматических связях слов, в других — указывают на пол. Так же обстоит дело с указательными местоимениями, выполняющими синтаксическую или семантическую функцию.

³ Мысль автора о пробелах в системе изыка, вообще говоря, не нова и перекликается с точкой зрения Ш. Балли, который, рассматривая грамматически двусмысленные фразы типа Pierre et Paul viendront avec leur (s) soeur (s), квалифицирует их как «патологию правильного изыка» (Ш. Балли, Общая липевистика и вопросы французского изыка, М., 1955, стр. 37—38).

⁴ И. А. Мельчук, Статистика п зависимость рода французских существительных от окончания, сб. «Вопросы статистики речи», Л., 1958.

В подобных случаях выбор формы муж. или жен. рода либо автоматический, либо произвольный, в зависимости от функции; в последнем случае он определяется ситуацией.

Поставленная в предыдущих главах проблематика и предложенные там решения повторяются и в отношении категории числа. Автор считает, что остатки флективного выражения оппозиции числе типа amiral — amiraux не дают основания предполагать, что эта оппозиция сохраняется и в случаях, когда она формально не выражена, т. е. что в устной речи также есть две формы существительного /gars 7/: одна - ед. числа, другая — мн. числа. Мок и в данном случае выбирает то же решение, что и при анализе категории рода: здесь нет морфологических омонимов, есть одна неизменяемая форма, которая по-разному интерпретируется носителями языка.

Поскольку число не выражается формой существительного, очевидно, форма ед. или мн. числа детерминатива не есть результат согласования его в числе существительным, и употребление le, la или les со словами garçon (s), fille (s) не является автоматическим, а обусловлено своболным выбором говорящего (стр. 128). Это значит, что в устной речи та или иная форма детерминатива перед существительным, не дифференцированным в числе, выполняет не синтаксическую функцию (показатель связи между словами), а семантическую, т. е. соответствует определенному смыслу, который, однако, не входит в смысловую структуру изменяемого в числе слова, но является элементом плана содержания группы, образованной детерминативом и недифференцированным в числе существительным: le garçon → les garçons. Выбор детерминатива перестает быть произвольным лишь в случаях, когда число выражается флексией самого существительного: le jeune amiral - les jeunes amiraux.

Наконец, следует сказать об одной теоретической посылке автора, вызывающей принципиальное возражение. Рассматривая категории рода и числа в терминах грамматических оппозиций, автор, естественно, вынужден затронуть вопрос о маркировке. Он оспаривает точку зрения, согласно которой муж. род является немаркированным членом оппозиции и считает, что это значение также несет положительную информацию; оппозиция признается эквиполентной, а не привативной (стр. 97-99). Такое же решение предлагается и в отношении категории числа: значение ед. числа трактуется не в отрицательных терминах (что указывало бы на его немаркированность), а в поло-

жительных (стр. 149). В современном французском языке ед. число действительно маркировано, но это связано с иными причинами, объяснение которых лежит в диахронии. Известно, что в старофранцузский период число имело двучленную структуру и реализовалось в оппозиции множественность — немножественность (формально обозначается противопоставлением артиклей мн. и ед. числа и флексией -s). В этой оппозиции маркирован первый член - множественность; второй немаркирован и имплицитно содержит два разных значения: единичность и неединичность (соответственно не-сигнализация А и сигнализация не-А). Противопоставление двух последних значений носит, однако, в тот период логический характер, ибо в языке нет специальных формантов для его обозначения. С появлением частичного артикля это логическое противопоставление становится языковым, и в системе числа появляется еще одна бинарная оппозиция: единичность - неединичность, в которой маркировано значение единичности. Таким образом, система категории числа уже в среднефранцузском имеет трехчленную структуру и описывается при помощи двух бинарных привативных оппозиций: з множественность — немножественность и «; единичность — неединичность. Кроме маркированных [значений жественности (des) и единичности (un), она включает значение несчитаемости (du), которое описывается как немножественность и неединичность, т. е. является дважды немаркированным членом. Отсюда, определение ед. и мн. числа в положительных терминах, сделанное автором книги, объективно обусловлено не тем, что эта оппозиция является эквиполентной, а тем, что оба значения входят в разные бинарные оппозиции, где они выступают в качестве маркированных членов. Эта особенность структуры категории числа и является причиной того, что ед. число может быть определено позитивно; однако такая его интерпретация зависит не от произвольного выбора исследователя, но обусловлена самой структурой этой категории. Полностью она реализуется лишь в системе артиклей, но ее совершенно необходимо учитывать при описании единственное - множественоппозиции ное число.

Высказанное замечание не умаляет, разумеется, достопнетв книги, автор которой вносит определенный вклад в изучение такой сложной системы, какой является система грамматических категорий имени во французском языке.

C. Th. Gossen. Französische Skriptastudien. Untersuchungen zu den nord-französi schen Urkundensprachen des Mittelalters. - Graz - Wien-Köln, Hermann Böhlaus. Nachf., 1967. 368 crp.

Книга К. Т. Госсена является одним из немногих исследований, посвященных изучению графики и орфографии в историческом аспекте. Известно, что до сих пор этому вопросу уделялось мало внимания. Тем не менее за последнее время количество работ значительно возрастает 1. Глубокое теоретическое обоснование вопросов графики и орфографии в историческом плане в связи с вопросами фонологии дается Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой на материале немецкого языка 2. Их книга выходит за рамки немецкого языка и может служить руководством при интерпретации письменных данных других языков.

К. Т. Госсен решает проблему изучения письма французских памятников делового языка с целью определения соотношения звука и буквы. Построение книги, подача материала и выводы служат подтверждением взгляда, высказываемого К. Т. Госсеном и в ряде других своих статей, о единстве региональных письменных языков (так называемой скрипты³) средневедиалектально-раздробленной

ковой Франции 4.

Книга состоит из предисловия, введения и пяти глав; заключения нет. Для каждого диалекта автором выбраны характерные явления, которые рассмотрены под углом отражения их в письме документов. В связи с этим выделение глав идет согласно географическому разделению, но с учетом полученных языковых фактов. В начале каждой главы указана

Историческая фонетика немецкого язы-

ка, М.— Л., 1965.

³ Термин scripta — (перевод немецкого Schriftsprache) впервые введен Л. Ремаклем (см.: L. Remacle, Le problè-

me de l'ancien wallon, Liège, 1948).
4 C. Th. Gossen, De l'histoire des langues écrites régionales du domaine d'oïl, RLR, 26, 1962; его же, Die Einheit der französischen Schriftsprache im 15 und Jahrhundert, ZfromPh, 73, 1957.

библиография и подробный указатель использованных хартий XII—XVI вв. В предисловии (стр. 5-8) определены цели работы, среди которых К. Т. Госсен указывает на «стремление... критически проверить отношения между нацисаниями и звучаниями, которые долбыли выражаться по желанию писцов (разрядка наша.— Н. М., М. Б.)» (стр. 6). Здесь же говорится о выборе материала для исследования (канцелярские документы), о трудностях, связанных с разным качеством и количеством хартий по областям. Введение (стр. 11—52) состоит из трех разделов: А. Общие вопросы; В. Оригинал и копия; С. Писцы и их орфографическая система. Зд**е**сь кратко изложе**ны** принципы, высказываемые автором в ряде предшествующих работ: о важности использования деловых документов изучения диалектов, об осторожности при интерпретации письменных учитывая, что скрипта, по мнению автора, представляет собой искусственный продукт писцов, в котором диалектные черты проявляются в измененном виде.

В разделе А. рассматривается возможность установления соотношения «средневековая графема — современная нема», указывается на важность сравнения с современным звуковым составом привлечения данных исследований грамматистов и наблюдателей языка более поздних эпох (XV-XVI вв.); затрагиваются вопросы локализации доку-ментов. В разделе В. на примере различного рода сравнения нескольких отрывков грамот показано графическое несоответствие между оригинальной и переписанной грамотой вследствие возраста-ния временной разницы. Так, например, сравниваются по общим чертам (развитие латинского k^{+a} , k^{+i} , e, y, германского w и др.) оригинал и кония, составленная почти одновременно или с незначительной временной разницей с оригиналом. Эти сравнения доказывают, что различия в написании очень незначительны; одни и те же графические особенности обнаруживаются чаще всего в обоих сравниваемых текстах. Однако с возрастанием временной разницы графические расхождения могут стать очень значительными. При сравнении оригинала и копии, составленной 170 лет спустя, выясняется, например, что в оригинале написание от латинского ударенного о встречается как o, a в копии — как ou (ancessours, signours), оригинале — bestes, в копии — beystes. В разделе С. на основании анализа грамот, составленных в двух вариантах (оба текста одинаковы по содержанию, но написаны разными писцами), автором вы-

¹ См.: G. Hammarström, Graphème, son et phonème dans la description des vieux textes, «Studia Neophilologica, XXXI, 1959; A. Avram, Contributions à l'interprétation de la graphie cyrillique des premiers textes roumains, «Revue roumaine de linguistique», IX, 1964; e e ж e, Sur quelques particularités des systèmes graphématiques, «Cahiers de linguistique théorique et appliquée», I, 1962; H. M. Hoenigswald, Sound change and linguistic structure, «Language», XXII, 2, 1946; К. В. Горшкова, Очерки исторической диалектологии Северной Руси, М., 1968. ² Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева.

сказывается предположение, что в зависимости от места получения образования писцы владели несколькими орфографическими системами, применяя их по желанию или в угоду тому, кто им

давал поручение.

В первой главе «Западпофранцузские скрипты» (стр. 53—186) рассматриваются написания результатов развития латинских ударенных $\bar{e}[$, $\bar{o}[$, $\bar{e}[$, $\bar{o}[$, $\bar{e}[$, $\bar{o}]$ + папатальный, латинского ударенного $\bar{a}[$, $\bar{a}+l$, $-\bar{e}llu$, k^a , g^a , $k^{b,e}$, t^{yo^2} , развитие суффикса- $\bar{a}riu$, $-\bar{a}ria$; отсутствие конечного s в 1-м лице мн. числа; имперфект первого спряжения; subjonctif на -ge. Изложение материала ведется с юга на север: Ангумуа, Онис, Сентоиж, Пуату, Вандея, Бретань, Анжу, Турэнь, Мэн, Нормандия.

Во второй главе «Центральнофранцузские скрипты» (стр. 187-211) подвергнуты анализу написания еп, ап, написания для мульированного |l|: gl, lg, ilg, lgl; отражение в письме латинского ударенного ў, ў + палатальный; закрытие ударенного о в и; исходя из написаний, объясняются отношения в пограничной с Пикардией области, а именно: отделение центральнофранцузского письма от пикардского на территории сегодняшнего деп. Уазы. Данные для анализа представляют хартии из Берри, Орлеанэ, Иль-де-Франса (Суассонэ, Валуа, Вексэн). Третья глава «Пикардские скрипты» (стр. 213-241) имеет два раздела: о письме самых первых хартий в сравнении с более поздними традициями письма (XIII, XIV вв.) и о силе распространения пикардского письма внутри пикардской области, а также о его влиянии на соседние пограничные районы. Четвертая «Восточнофранцузские скрипты» 243-344) начинается небольшим введением, содержащим некоторые замечания о появлении французского языка как делового в восточных областях домена d'oïl: в большинстве областей это произошло во второй трети XIII вв. В основном изложении главы дается характеристика письма Ноэнбурга и области к северу от Билерзее-Уферс как объекта, на примере которого можно развить дальше теории о сущности французского письма: согласованность письма с местным диалектом, отражение в нем диалектных черт, возможность познания его на основе современных говоров. В этой же главе анализируются написания результатов развития латинских ударенных \check{e} , \check{o} + папатальный; палатальный + $\bar{a}ta$; $-\bar{a}bulu$, -ābula, -ābule; германского w, латинского ударенного й перед носовым; судьба конечного t после ударной гласной, определенный артикль мужского рода единственного числа в cas régime, указательные местоимения illos, ecce-illos. Пятая глава «Скрипты Шампани» (стр. 345-365) представляет анализ десяти нелитературных текстов XIII в. На основании полученных данных письмо Шампани характеризуется как сложное неоднородное образование, где встречаются бургундская, лотарингская, валлонская, пикардская и центральнофранцузская традиции письма. Это было возможно потому, что Шампань не являлась единой в языковом отношении: на ее территории перекрещивались различные языковые зоны; собственно «шампанское письмо» существовало лишь на юго-востоке.

Огромный материал рукописных и печатных текстов делового языка XIII-XVI в. (2114 хартий, в основном оригинальных), подвергнутый необычайно детальному анализу с привлечением количественного подсчета употребления графем и отражения его в таблицах (стр. 74---75, 177, 296—300) и картах (стр. 112, 114, 156) не оставляет сомнений в правильности выводов, сделанных К. Т. Госсеном относительно распространения тех или пных написаний в письменном языке средневековой Франции соответственно по диалектным областям. Решая проблему соотношения буквы и звука, К. Т. Госсен привлекает для сравнения данные современных говоров, что бесспорно повышает достоверность подхода к интерпретации письменности прошлых эпох. Помимо основного изложения многочисленных вариантов написаний слов в различных скриптах, в книге встречаются сведения исторического характера, наблюдения и выводы о взаимовлиянии разьдучных традиций письма (например, о силе распространения пикардской скрипты в средние века), различного рода замечания и комментарии. Все это делает работу К. Т. Госсена очень интересной и полезной при изучении истории и диалектологии французского языка.

Следует, однако, указать и на некоторые недочеты в работе, связанные скорее всего с исходной постановкой проблемы. Прекрасно сделан анализ письма документов, но мало уделено внимания фонетической (фонологической) интерпретации самих написаний. Установление отношений между написанием и звучанием рассматривается односторонне, в пределах слов одной этимологии, без учета употребления того или иного написания в других словах для отражения звука в различных положениях и окружении. Так, например, явления одинакового графического выражения результатов латинского ударенного \bar{e} и \bar{a} (написание ei) рассматриваются изолированно без связи друг с другом. Следствием такой интерпретации разнонаписаний является вывод автора, что «графема является лишь приблизительным изображением фонемы» (стр. 11). Такая недооценка письменного материала для изучения звуковой стороны старофранцузского языка объясняется взглядами автора на характер письменного делового языка как на неоднородное искусственное об-

разование, продукт писца и его школы: «каждая рукопись является местной традицией письма, которая лишь в некоторой степени соприкасается с действительным диалектом...» (стр. 15). Поэтому такие написания, как hers, heyrs, hayr, hair, hoeur, обнаруженные в хартии 1324 г. из области сегоднящиего деп. Луар-Атлантик, представляются автору отражающими одну звуковую реальность (е), а их появление обязано произвольному выбору писцом той или иной письменной традиции.

Однако, исходя из известного положения о существовании (особенно в применении к младописьменным языкам) различного произношения одной и той же фонемы, так называемых факультативных вариантов в, представляется возможным при интерпретации письменных данных говорить о большей значимонаписаний в смысле отражения произношения, нежели просто о взаимовлиянии письменных искусственно созданных трапиний. Факультативные варианты отмечались носителями языка и фиксировались на письме из-за отсутствия в старофранцузский период единой общеобязательной фиксированной нормы как произносительной, так и орфографической.

Например, проведенный нами анализ написаний в старофранцузских памятниках с учетом рассмотрения последних во всех положениях и сочетаниях в слове, сравнения их частоты употребления в различных текстах, сопоставления с данными современной диалектологии позволяет установить, что написания аі (ау) и е являются графическими разновидностями при отражении одной и той же фонемы. Эта графическая синонимия имела своей предпосылкой различие в произношении, которое сохранялось еще в XIII в. северо-восточных и восточных дифтонг. С другой стороны, написание еі

могло отражать факультативный (дифтонгоидный) вариант той же фонемы [е].

В силу отсутствия единых устойчивых фиксированных общеобязательных норм в области письма мы должны признать. что орфографии в подлинном смысле этого слова в старофранцузский период не было. В связи с этим автору книги при анализе было бы целесообразно разграничить периоды в истории развития письма деловых документов: начальный период, характеризующийся отсутствием единой орфографической нормы, и более поздний период, когда начинают унифицироваться под действием центра различные системы и традиции.

Указатель, данный в конце книги, представляется недостаточным; было бы полезно в практических целях дополнить его словарем дублетных написаний, рассматриваемых в книге. Например, seignor, segnor, seignour, segnour, saingnor, signor, signour, signeur, segneur, saingnour, sangnour, sangeor < seniore.

В заключение следует еще раз полчеркнуть то, что книга К. Т. Госсена представляет большой теоретический интерес благодаря рассматриваемой в ней проблеме соотношения графики и устной речи в историческом плане. Не меньшее значение она имеет и в практическом плане: выводы, сделанные К. Т. Госсеном в результате исследования старофранцузского письма и основанные на огромном фактическом материале изданных и архивных документов, являются хорошим справочником при определении той или иной произносительной нормы различных диалектов Северной Франции.

Выход в свет книги К. Т. Госсена, являющейся результатом накопленного автором в течение многих лет опыта в исследовании проблемы скрипты XIII— XV вв. домена d'oïl, заслуживает, таким образом, особого внимания. Это — единственное исследование старофранцузского письменного языка с точки зрения рассмотрения графики и отражения посредством ее произношения.

диалектах, и где написание аі обозначало

⁵ Л. Р. Зиндер, Общая фонетика, Л., 1960, стр. 43.

 $M. \ A. \ Бородина, \ H. \ H. \ Мильман$

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

28—30 сентября 1970 г. в Воронежском госуниверситете состоялась конференция на тему «Ленин и филологи-ческие паучению отдельных велений языка произведений В. И. Ленина, 3 — общеметодологическим вопросам.

В докладе «Язык как система знаков свете ленинской теории отражения» И. П. Распопов (Воронеж) обосновывал билатеральную теорию языкового знака, соответствии с кото-В языковой знак рассматривается как двусторонняя (психофизиологическая по своей природе) сущность. Автор пытался преодолеть известную антиномию значимости (сознание отражает - языковой знак обозначает реалии внешнего мира) на основе ленинской теории познания. В докладе «Методология изучения языка в свете философских взглядов В. И. Ленина» З. Д. Попова (Воронеж), опираясь на мысль В. И. Ленина о том, что несмотря на принципиальную важность противопоставления материи и сознания для гносеологии, различие между ними не является абсолютным, рассматривала механизмы языковых процессов. В докладе И. А. Фигуровского (Елец) «Проблема адекватного отражения и язык в свете высказываний В. И. Ленина» говорилось о том, что процесс познания отражается в изменении грамматических и лексических значений.

Явления лексической синонимии в языке произведений В. И. Ленина были освещены в докладах В. Н. К ретовой (Воронеж), В. К. Лотарева (Мичуринск). На богатом материале были показаны характерные черты индивидуального стиля В. И. Ленина, нанизывание синонимов и градация, показаны особенности употребления системных и контекстуальных синонимов. В докладе «Градация как полемический прием» М. В. Федорова (Воронеж) показала, что изучение языка произведений В. И. Ленина позволяет уточнить ряд положений теоретической лингвистики, в частности отграничить родо-видовые лексические группы и градационные ряды от собственно синонимических средств языка.

Ю. Т. Листрова (Воронеж) анализировала лексико-семантические лексико-морфологические средства выражения степеней признака (в языке ленинских выступлений по вопросу о мире с Германией) с точки зрения их семантики, стилистической окраски и употребления. Лексике произведений В. И. Ленина были посвящены также доклады Р. Ф. Т и т о -(Воронеж) «Словообразовательные неологизмы», Р. В. Херольянц (Воронеж) «Иноязычная лексика в письмах В. И. Ленина», Г. Л. Щеулиной (Липецк) «Языковые средства эмоциональности в публицистике В. И. Ленина», А. К. Кочеткова (Елец) «Сложносокращенные слова в телеграммах и письмах В. И. Ленина».

В докладе «Из наблюдений над эволюцией стиля В. И. Ленина — публициста» Е. М. Дубровина (Мичуринск) рассмотрела явления лексического повтора. В период до 1905 г. В. И. Лениным используется буквальный повтор (битве, битве, битве), характерный для народной речи и представляющий собой один из приемов демократизации публицистического стиля. В дальнейшем по-втор у В. И. Ленина усложняется, средства экспрессии становятся разнообразнее. В некоторых произведениях советского периода повтор становится как бы сквозным, пронизывающим все произве-дение. Н. К. С о к о л о в а (Воронеж) в докладе «Речевые средства популяризации у В. И. Ленина» рассматривала главным образом явления переносного словоупотребления. Стилистические наблюдения над средствами достижения ясности, точности, лаконизма и живости речи пыталась показать Е. А. А в д ю шенко (Тамбов) в докладе «О типических качествах речи В. И. Ленина как публициста».

В докладе Р. К. Кавецкой (Воронеж) «Лении и советская лексикография» были показаны достижения практической и теоретической лексикографии.

На конференции было представлено пять синтаксических докладов. В докладов В. И. Собинниковой (Воронеж) было показано соотношение книжных и разго-

ворных элементов в языке В. И. Ленина (в рамках именного составного сказуемого). В докладе Е. А. Наз и к о в о й (Воронеж) «Спитаксические средства пояснения в языке произведений В. И. Лениа» были прослежены структурные особенности пояснительных конструкций и их функции в сопоставлении с теми же вълениями в языке В. Г. Плеханова. О самой распространенной в языке В. И. Ленина конструкции (с однородными членами) доложила А. И. Ч и ж и к - П оле й к о (Воронеж).

Два доклада были посвящены некоторым типам связи предложений как независных структур: это доклады О.В. О за ровского (Тамбов) «К характеристике семантико-синтаксических отношений между отдельными предложениямы» и И.Я. Чернухиной (Воропеж) «Местоимение это как одно из средств связи самостоятельных предло-

жений».

В выступлениях по докладам доказывался тезис о материальной сущности языкового знака (Е. Б. Артеменко), оснаривалась правомерность выделения градационных рядов из системы синонимических отношений (В. К. Лотарев),

указывалось на необходимость учета синтаксических конструкций, в которых возможно проявление градационных отношений (О. В. Озаровский); указывалась также нетипичность метафоризации для языка В. И. Ленина, где выразительность достигается по преимуществу неэкспрессивными средствами (Е. В. Авдюшенко). Высказывалось мнение о необходимости исследований обобщающего характера; исследований о языке определенных произведений В. И. Ленина разных периодов его творчества, работ сопоставительных, показывающих язык В. И. Ленива в сравнении с языком других публицистов общественных деятелей его (М. А. Шлыкова). Участники конференотметили, что синтаксис языка В. И. Ленина изучен недостаточно. Нет работ о таких характерных для его индивидуального стиля явлениях, как парцелляция конструкций, уточнение и пояснение, вводные, сложные вставные, предложения, период.

Краткое изложение докладов, прочитанных на конференции, будет напеча-

тано отдельным сборником.

А. И. Чижик-Полейко (Воронеж)

7—8 октября 1970 г. в Институте русской литературы (Пушкинском доме) АН СССР соголялась сессия Отделения литературы и языка АН СССР, Института русской литературы АН СССР, Института русской литературы АН СССР и Комиссии по истории филологических наук АН СССР, посвященная памяти академика А. А. Шахматова (к 50-летию со дня смерти).

Во вступительном слове Д. С. Л и х а чев (Ленинград) напомнил, что основными направлениями научной деятельности А. А. Шахматова были история русского языка, история русского летопроблема происхождения писания и народа. С этими были связаны конкретные исследования памятников языка, памятников народнотворчества, различных языковелчеархеографических, этнографических и других вопросов. Каждая тема представляла для А. А. Шахматова собственную ценность и связывалась им с общей проблематикой науки. Так, история летописания привлекала его не только как средство проверки подлинности исторических фактов, но прежде всего потому, что история летописных сводов была частью истории культуры русского народа. Д. С. Лихачев подробно останавливается на многообразной научно-организаторской деятельности А. А. Шахматова. А. А. Шахматов превратил руководимое им Отделение русского языка и словесности в высоко авторитетный центр русской национальной культуры, он возобновил издание Известий ОРЯС и сделал этот журнал одним из лучших филологических журналов мира, он был инициатором издания «Энциклопедии славянской филологии», для обсуждения проекта которой в 1904 г. был созван Российской Академией наук первый съезд славистов. А. А. Шахматов стремился к объединению всех славянских академий, для чего накануне первой мировой войны был созван учредительный съезд. Д. С. Лихачев напоминает о роли А. А. Шахматова в осуществлении орфографической реформы, о поддержке им идеи академических изданий русских классиков.

Далеко не второстепенным делом была деятельность А. А. Шахматова как циректора Библиотеки Академии наук. Он превратил БАН в важнейший центр научной работы по вопросам собирания и изучения рукописей, библиографии и библиотековедения. Он способствовал выходу в свет библиографических пособий, придавал огромное значение составлению каталогов, стремясь создать справочный аппарат, который бы объединил все научые библиотеки. Характериауя преподавательскую деятельность А. А. Шахмато-

ва, Д. С. Лихачев напоминает, как разнообразен был круг предметов, по которым А. А. Шахматов читал курсы, вел семинары и просеминары: это были история русского языка, церковнославянский язык, русская диалектология, история летописания, «Слово о полку Игореве», памятники древнерусской литературы.

А. А. Шахматов мог стать организатором науки, авторитетом, с мнением которого считались, ибо он обладал высокими нравственными достоинствами, обаянием крупного ученого и скромного

человека.

Ф. П. Филин (Москва) в докладе «А. А. Шахматов и проблемы происхождения восточнославянских языков» подчеркнул, что А. А. Шахматов впервые в нашей науке сумел воссоздать цельную картину происхождения восточнославянских языков и диалектов. Его труды в этой области актуальны и в наше время. Докладчик сосредоточил свое внимание на трех кардинальных вопросах. Первый из них — вопрос о единстве происхождения восточных славян и их языков, как он представлен в учении А. А. Шахматова,неожиданно оказался чрезвычайно актуальным сейчас, в связи с попытками воскресить ошибочную гипотезу С. Смаль-Стоцкого, утверждавшего, что украинский язык выделился непосредственно из праславянского языка. Второй вопрос диалектных возникновения касается особенностей древнерусского языка. Широко распространена теория, согласно которой диалектные границы возникают на месте границ феодальных княжеств. Но еще А. А. Шахматов предложил выделять в древнерусском языке три наречия южнорусское, севернорусское и восточно-или среднерусское; при этом зоны, занимаемые этими наречиями, не совпадали ни с границами феодальных княжеств, ни с племенными границами. При наличии постоянных контактов населения различных областей, особенно по речным путям, непостоянные границы уделов не играли решающей роли. В работе, которую подготовил к печати Ф. П. Филин, выделено примерно 80 фонетических, 47 морфологических, 32 синтаксических и 120 лексических диалектных зон. Часть этих зон восходит ко времени образования общеславянского языка, другая часть возникла в эпоху образования восточных славян, третья — в IX-XII вв., четвертая — в период распада древнерусского языка и, наконец, пятая - в процессе образования и развития отдельных восточнославянских языков. Каждый последующий этан развития языка трансформировал прежние диалектные границы и приводил к постепенному напластованию изоглосс. Такая картина диалектного членения древнерусского языка исключает всякую возможность существования в VII-XIII вв. русского, украинского и белорусского языков. Третий вопрос касается возникновения отдельных восточнославянских языков. Нарастание диалектных отличий постепенно создавало почву для распада древнерусского явыка, но этот распад смог осуществиться лишь при определенных исторических условиях, которыми явилось тагаро-монгольское нашествие и переход западных и юго-западных областей Руси под власть польско-литовских феодалов.

С докладом «Значение лингвистических трудов А. А. Шахматова для современного славянского языкоанания» выступил В. В. Колесов (Ленинград) 1.

Л. С. Ковтун (Ленинград) сделала доклад на тему «Основная идея шах-

матовской лексикографии» 2.

В докладе А. П. Евгеньевой «Фольклорные (Ленинград) А. А. Шахматова» была охарактеризована собирательская деятельность ученого, который во время своих поездок для собирания диалектных материалов одновременно вел записи произведений устного народного творчества. А. А. Шахматовым были записаны многие русские и белорусские сказки, былины, свадебные и похоронные причитания, загадки, духовные стихи и сотни пе**с**ен. Эт**и** записи А. А. Шахматова представляют особый интерес, поскольку они сделаны лингвистически точно. Однако лишь часть этих богатейших материалов опубликована. Многие записи были сделаны карандашом, мелким бисерным почерком; со временем они могут стать еще более трудночитаемыми. Особенно важно было бы опубликовать собрание песен, записанных А. А. Шахматовым в Калужской губернии, поскольку у нас нет больших собраний песен для южнорусских говоров. Фольклорные записи А. А. Шахматова представляют одновременно и факты языка, и факты словесного искусства, и факты этнографии, что придает им особую ценность.

Доклады, посвященные лингвистическим воззрениям А. А. Шахматова, вызвали оживленные прения. Л. П. Жуковская (Москва) выразила свое согласие с представленной в доклале Ф. П. Филина постановкой вопроса о диалектных изоглоссах и отметила, что до сих пор недостаточно налажена общая исследовательская работа лингвистов, этнографов и археологов, результаты которой могли бы помочь решению спорных вопросов возникновения и существования древнерусских диалектов. К сожалению, лингвисты-русисты мало привлекают и данные о неславянских языках на территории европейской части страны, и это лишает их возможности судить о языковых субстратах, влиявших на формирова-

Доклад В. В. Колесова публикуется этом номере журнала.

² Доклад Л. С. Ковтун публикуется в этом номере журнала.

ние севернорусских и южнорусских наречий. Б. Л. Богородский (Ленинград) остановил свое внимание на требовании А. А. Шахматова рассматривать историю языка на фоне достижений археологии, этнографии, фольклористики и истории культуры. В настоящее время историки русского языка не опираются на достижения этих смежных наук, работа лингвистов часто ограничивается поисками внутренних закономерностей языка без привлечения конкретных материалов истории народа. О. В. Творогов (Ленинград) говорит о необходимости систематических наблюдений над принципами древнерусской орфографии. Это открыло бы перед исследователями новые возможности для локализации и датировки рукописей и позволило бы им с большей объективностью разграничивать явления фонетического и орфографического характе-

На сессии были прослушаны также доклады В. А. Кучкина (Москва) «А. А. Шахматов и проблема реконструкции древнейшего летописания», Я. С. Л у р ь е (Ленинград) «А. А. Шахматов и летописание XV в.» и Б. М. Клосса (Москва) «А. А. Шахматов и хронографическая основа летописания», в которых отмечалась роль А. А. Шахматова как создателя научной истории русского летописания и указывалось на плодотворность шахматовской методики изучения летописных сводов. М. В. Кукушкина (Ленинград) выступила с докладом «А. А. Шахматов директор Библиотеки АН СССР». Доклад С. О. Ш мидта (Москва) «А. А. Шахматов советское архивное строительство» был посвящен научно-организационной деятельности А. А. Шахматова. Отношение А. А. Шахматова к студенческим волнениям 1911 г. было темой доклада «Новые материалы о А. А. Шахматове», прочитанного М. А. Робинсоном (Москва). С. В. Чирков (Москва) в докладе «А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков» сообщил неизвестные факты научного общения этих ученых. В прениях по доквыступили С. Н. Азбелев, В. В. Коргузалов, В. А. Кучкин, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, О. И. Подобедова и С. О. Шмидт.

В решении сессии была отмечена необходимость издания сборника документов о научно-организационной деятельности А. А. Шахматова и издания полного текта «Обозрения русских летописных сводов». 9 октября участники сессии возложили венок на могилу А. А. Шахматова на Волковом кладбище.

О. В. Творогов (Ленинград)

20—22 октября 1970 г. в Москве в Институте языкознания АН СССР состоялась конференция по актуальным вопро-

сам пранистики и индоевронейского сравнительного языкознания, посвищенная профессору Василию Ивановичу Абаеву в связи с 70-льтиемсо дня рождения ученого и 45-летием его научной и педагогической деятельности.

Во вступительном слове член-корр. АН СССР В. Н. Я р ц е в а (Москва) подчеркнула широту научных интересов В. И. Абаева, сочетающего в себе лингвиста-индоевропенста, ираниста и осетиноведа, и отметила, что столь обширный круг вопросов, вынесенный на данее собрание, обусловлен именно этим обстоятельством.

На конференции прослушано дваддать два доклада. В них были рассмотрень вопросы индоевропейского языкознания, сравничельно-исторического исследования пранских языков, типологии, сопоставленього анализа, языкового взаимодействия и т. д. Ряд докладов был посвящен конкретным вопросам пранской этимологии и топонимики.

В докладе Э. А. Макаева (Москва) «Проблема индоиранского языкового единства» критиковалась концепция индоиранского праязыкового единства, которое докладчик отрицает. Общие же черты индийских и иранских языков объясняются докладчиком длительным периодом их географического сосуществования и контактирования, а также одинаковым воздействием на них извне. Следствием контактов этих двух групп языков являются, по мнению докладчика, появление общих инноваций в результате параллельного, но независимого развития, а также консервация некоторых черт поэтического языка, восходящих еще к индоевропейской эпохе.

В докладе В. Н. Я рпевой «О глагольных категориях инфинитива индоевропейских языков» были затронуты вопросы отражения в инфинитиве глагольных категорий, выраженных в парадигме личных форм, а также степень глагольности инфинитива в различных индоевропейских языках. Максимальная выраженность именных черт в морфологии и синтаксических связях может сочетаться в инфинитиве с такими синтаксическими значениями, которые обычно присущи глагольным комплексам. Сочетание именных и глагольных черт в инфинитиве неодинаково в различных индоевропейских языках, как и границы парадигматических и синтагматических потенций инфинитива, зависящие от специфики глагольной системы конкретных языков, фрагментом которой является инфинитив.

Доклад М. М. Гухман (Москва) «Кельто-германские изоглоссы и проблема инноваций» был посвящен проблемется инноваций в ареальной лингвисти-ке. Здесь были рассмотрены ареальные инновации, представляющие изоглоссы,

которые связывают как кельтские, германские и отдельные другие языки (например, отдельные семантические группы в лексике), так и — в особенности — пучки системных изоглосс, которые связывают только кельтские и германские языки. Особо в этой связи были отмечены фонетические и морфологические изменения в этих языках, связанные с динамическим акцентом на первом слоге: потеря или упрощение системы постпозитивых формантов, превращение в морфемы случформантов, превращение в морфемы случ

154

В докладе В. А. Д ы б о (Москва) «О рефлексах индоевропейского ударения в афганском» на основе анализа большого материала делается вывод о том, что в афганском языке сохранилась общая схема разноместного индоиранского ударения, и что даже материально в деталях афганское ударение с поразительной точностью совпадает с ведийским.

жебных слов и т.п.

В. С. Расторгуева (Москва) докладе «О явлениях агглютинации в иранских языках» рассмотрела развитие агглютинации, наблюдаемой в абсолютном большинстве новоиранских языков. Явления агглютинации наблюдаются уже в языках среднеиранской языковой эпохи. Они появляются как побочное следствие перестройки морфологической структуры этих языков от синтеза к анализу. В именных частях речи агглютинация возникает часто в связи с постепенным сужением функций старых флективных окончаний. В глаголе возникновение агглютинации обычно бывает связано с явлением вторичного синтеза ряда сравнительно новых аналитических форм.

Вопросам взаимодействия двух диалектных систем внутри одного языка на примере осетинских диалектов — иронского и дигорского — был посвящен доклад М. И. И саева (Москва) «О взаимодействии двух близкородственных языковых систем (на осетинском языковом материале)». Покладчик отметил, что это взаимодействие может породить третью систему (среднюю между данными двумя), имеющую, наряду с унаследованными от исходных систем, свои собственные закономерности, что является признаком ее жизнеспособности (в данном случае — системы смеиронско-дигорского наречия шанного Уаллагкома).

Сопоставительному анализу были посвящены доклады Р. С. С у л т а н о в а (Баку) «О типологическом сопоставлении указательных местоимений персидского и русского языков» и К. К. К у р д о е в а (Лепинград) «Объектная и безобъектная конструкции в заза и курманджи». В первом сопоставлялись указательные местоимения древнеперсидского, современного персидского и русского языков, во втором — синтаксические конструкции с переходными глаголами в пропедшем времени и морфологическое оформление составляющих их компонентов в заза и кур-

В трех докладах рассматривались вопросы исторического анализа отдельных грамматических категорий живых бесписьменных пранских языков памирской группы. Доклад Т. Н. Пахали ной (Москва) «Сравнительно-историческая характеристика личных местоимений южнопамирских языков» был посвящен этимологии личных местоимений в южнопамирских языках. В докладе В. А. Е ф нмова (Москва) «К вопросу о генезисе имен на -а в мунджанском» анализируется происхождение данного показателя в именах существительных и прилагательных и его связь с категорией рода. В докладе Д. И. Эдельман (Москва) «К истории язгулямских местоимений» реконструируется староязгулямская система указательных местоимений.

Ю. Ю. Авалнани (Самарканд) в докладе «К сравнительно-историческому и сопоставительному исследованию иранской фразеологии» подчеркнула важность сравнительно-исторического и синхронно-сопоставительного планов исследования фразеологии для выявления путей возникновения и дальнейшей «отработки» различного рода устойчивых сочетаний в разных группах языков. При этом особое внимание было обращено на роль контактов, обеспечивающих общность фразеологии и отдельных формул-фразеологизмов разных (в том числе и генетически разнородных) языков в определенных языковых ареалах (например, в таких многоязычных городах, как Самарканд).

Вопросы лексики рассматривались в двух докладах. В одном из них - «К вопросу о словообразовательных отношениях имени и глагола в иранских языках» Л. С. Пейсикова (Москва) анализировалась словообразовательная модель «имя → глагол», которую докладчик рассматривает как модель конверсионного характера, реализующуюся включением имени в глагольную словоформу. В другом — «Семантическая модификация арабских заимствований в нерсидском языке» Ю. А. Рубинчика (Москва) - были прослежены различные типы изменения семантики арабских слов, усвоенных персидским языком: утрата самостоятельного значения, приобретение нового значения (полностью или частично), сохранение значения. Говорилось и о причинах несовпадения значений арабских заимствований в персидском со чениями этих слов в литературном арабском языке.

Серия докладов была связана в большей или меньшей степени с этимологиями отдельных пранских слов. А. З. Р оа е н ф е л ь д (Ленимград) в докладе «К терминологии родства и свойства в юговосточных говорах таджикского языка» делит термины родства и свойства в юговосточных таджикских говорах по их происхождению на три группы: собственно иранские, арабские и тюркские. Из собственно пранских автор подробнее останавливается на происхождении отсутствующих в литературном языке терминах (h)evar «деверь» и sin(h)or «невестка». Доклад И. М. Оранского (Ленинград) «Тадж. kati/gati — осет. (диг.) хасса» содержал понытку доказать возможность происхождения этих слов, встречающихся во многих иранских языках. от общей древнеиранской основы типа *kati; впрочем докладчик не исключает и другой возможности - их тюркского происхождения. В докладе Л. Г. Герценберга (Ленинград) «Хатусу fyrt» делалась попытка возвести имя героя нартовского эпоса Батрадза к древнеиранскому Уддачпа-. О. Г. Тедеева (Тбилиси) в докладе «Об этимологии нескольких осетинских слов» аргументировала грузинское происхождение еще одной группы осетинских лексем. В докладе Дж. Ш. Гиунашвили (Тбилиси) «О происхождении слова «стакан» было высказано предположение о персидском источнике этого слова (из формы dustkani/ /dustgani). И. М. Стеблин - Камен-(Ленинград) в докладе «Ваханское (žə)māk "(моя) луна", (у)imыk "хвойник" и древнеиранское hauma-» проследил отражение в фактах современных восточноиранских языков, в частности ваханского и мунджанского, древнеиранского культа луны и культового напитка хаомы.

Два доклада были посвящены топонимическим вопросам. В А. Л. Хромова (Душанбе) «Ягнобские архаизмы в топонимических названиях» было показано, что в составе тополексем сохраняются такие ягнобские слова, которые в современном уже неупотребительны. Это — слова старого иранского (согдийского) наследия, имеющие парадлели в других восточноиранских языках. Доклад А. Дз. Ц агаевой (Орджоникидзе) «Древнейший слой в топонимике Северной Осетип» был посвящен рассмотрению разновременных и разноязычных топонимических пластов этого ареала. Здесь отмечались названия иранского (осетинского) происхождения, значительный слой необъяснечных топонимов, названия кавказского слоя, византийско-римские вкрапления, тюркско-монгольский и славянский слои. Большую часть составляют топонимы, восходящие к кавказскому субстрату.

В заключительном слове В. С. Р а ст о р г у е в а подвела итоги конференции. Будучи посвящева обсуждению инрокого круга вопросов пранского и индоевропейского языкозвания, конференция явилась лучшим подарком наших лингвистов юбиляру, илодотворно работающему в этих областях. Отметив разпообразие тематики, рассмотренной на конференции, В. С. Расторгуева подчеркнула, что она по необходимости была все же ограничена изыковедческой направленностью, тогда как в исследованиях В. И. Абаева немалую долю занимает проблематика фольклора, истории, этнографии. Как положительный факт в работе конференции В. С. Расторгуева назвала очень высокую активность ее участичков, поскольку практически каждый зачитанный доклад нашел отклик в выступлениях, а некоторые из них вызвали оживленную дискуссию.

Д. И. Эдельман (Москва)

С 11 по 13 ноября 1970 г. в Институте языкознания АН СССР проводился С импозиум по сравнительно-историческому изучению тюркских языков, организованный Сектором тюркских языков института. В работе симпозвума приняли участие специалисты из Москвы, Ленинграда, Баку, Ашхабада, Фрунае, Новосибирска, Томска, Казани, Уфы, Чебоксар, Карачаевска и других тюркологических центров страны.

Открывая симпозиум, Э. Р. Тен ише в отметил определенное оживление, наблюдаемое за последние годы в области создания отечественных работ по сравнительной фонетике и грамматике тюркских языков (труды А. М. Щербака, А. Н. Кононова, Э. В. Севортяна, Н. З. Гаджиевой и др.). Ныме задача заключается в дальнейшем развертывании исследований по истории тюркских языков и создании трудов синтетического характера («Сравнительная грамматика тюркских языков»).

Предварительной программой симпозиума для обсуждения были предложены следующие проблемы: 1) Понятие общетюркского языкового состояния; 2) Соотношение сравнительно-исторического и типологического методов в исследованиях по тюркским языкам; 3) Реконструкция как исследовательский прием в тюркском сравнительно-историческом языкознании.

мазыкознании. По первой, наиболее общей из выдвинутых проблем было заслушано три доклада.
Э. В. Севортян (Москва) в докладе кодержании термина "общетюркский" «определил понятие «общетюркский» как языковое явление, установленное в ряде живых тюркских языков или сохранившееся в памятниках, и поставил привщинальный вопрос — в какой степени общетюркский факт может считаться пратюркским? По мнению докладчика, чем дальше
в глубь веков, тем вероятиее совпадения общетюркского и пратюркского, особенно в лексике. Параллельные корневые
формы в различных тюркских языках

(например, ун, ин и ын «голос», өт- и эт-«петь», учун и ичин «для»), которые не удается свести к более старым (и единым) архетинам, по-видимому, представляют собой диалентные расхождения дописьменной поры, но они тем не менее являются пратюркским достоянием с наметившимися в нем локальными особенностя-

Подобный вывод представляется сравнительно новым для тюркологии, но индоевропеистика уже давно превзошла этот благодаря успехам уровень географии. Говоря о соотношении между общетюркскими и ареальными явлениями, следует иметь в виду, что последние могут уходить корнями в общетюркское состояние и быть унаследованными в языках, относящихся к разным ареалам: к примеру, ротацизм и ламбдаизм сохранились не только в чувашском, но встре-

чаются и в турецком.

Э. Р. Тенишев (Москва) в докладе «К понятию общетюркского состояния» рассматривал «общетюркский» и близкие синонимы -- «первоначальная тюркская общность», «гипотетический язык древнейших тюркских племен» — как набор восстанавливаемых и считающихся наиболее арханческими тюркских языковых форм. С этой позиции докладчик подробно проанализировал понятие общетюркского состояния на фонетическом уровне, предложенное Н. Н. Поппе ¹, и выделил рациональные моменты, согласно которым намечаются контуры обособления этой общности вплоть до ее распада на родственные наречия. Э. Р. Тенишев наметил два этапа общетюркского языкаосновы - ранний и поздний, характеризующиеся определенным набором фонетических и морфологических признаков; большое значение докладчик придает установлению промежуточных языковых общностей.

Доклад Т. М. Гарипова (Уфа) «Понятие общетюркского языка-источника и вопросы исторического развития кыпчакских языков» посвящен уточнению как места общетюркского языкового состояния в глобальной схеме исторического развития тюркских языков, так и состава данной общности с точки зрения относящихся к ней конкретных лингвистических фактов (преимущественно на примере подобщности кыпчакских языков Урала и Поволжья).

В частности, по мнению докладчика, методически неправомерно булгарскую ветвь из общетюркского сос--одидело вмед в же время оперировать чувашско-кыпчакскими соответствиями.

По второй проблеме было прослушано пять докладов.

Э. А. Макаев (Москва) в докладе «О задачах построения сравнительной грамматики тюркских языков» говорил о том, что «общетюркский» и «пратюркский должны различаться и терминологически и хронологически, причем принцип относительной хронологии оказывается неизмеримо важнее принципа абсолютной хронологии. Относя понятие «общетюркский» к эпохе, намного предшествовавшей появлению письменных памятников. докладчик отметил, что унифицированного общетюркского состояния никогда не существовало, поскольку и на этом уровне развития существовал ряд диалектов.

Критикуя мнение о том, что тюркские языки с их регулярными парадигмами якобы непригодны для компаративистских целей (А. Мейе), Э. А. Макаев указал, что в действительности языков с «идеальной» морфологией не бывает; «преимущество» тюркских языков перед индоевропейскими заключается в прозрачности морфемных швов. Докладчик призвал не ограничиваться построением сравнительной грамматики, а сразу же приступать к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, отсекая типологически конвергентные стыки их с монгольскими и другими алтайскими

языками.

Н. З. Гаджиева (Москва) в докладе «Методы изучения истории синтаксических единиц в тюркских языках» отметила, что общая тенденция синтаксиса тюркских языков заключается в трансформации самостоятельных грамматических единиц в несамостоятельные (ср. генезис примыкания). При этом отношения определения и определяемого изоморфны отношениям конкретного и абстрактного (в слове демирджилик «кузнечное ремесло» аффикс имени деятеля -∂жи- конкретнее аффикса отвлеченности -лик). Реконструкция синтаксиса должна сопровождаться морфологической реконструкцией.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «Сопоставительно-типологические курсы и конкретное сравнительно-историческое изучение тюркской грамматики» на конкретных примерах показала возможность структурно-типологической верификации предполагаемого состава морв той или иной грамматичесформе. Значительное внимание уделялось морфологической автономности местоименного и именного падежных склонений, что находит себе типологические параллели в ряде иносистемных языков. Особенно явственно прослеживается эта автономность в языке «Кутадгу билиг» (XI в.), ощутимо сохраняется в поэтических произведениях более позднего средневековья, написанных на тюрки, а в настоящее время разрозненными

¹ Cm.: N. Poppe, Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, Tl. I. Vergleichende Lautlehre, Wiesbaden, 1960, стр. 8 и сл.

осколками представлена в различных тюркских языках и диалектах.

М. Ш. Рагимов (Баку) в докладе «Значение неродственных языков на территории Азербайджана в сравнительноисторическом изучении тюркских языков огузской группы» доказывал, что талышские говоры, к примеру, в отдельных случаях лучше сохранили огузскую арханку, нежели азербайджанский литературный язык. Докладчик резко критиковал смешение понятий «древнетюркский» и «пратюркский», предлагая ограничить каждое из этих понятий определенными хронологическими рамками.

Д. М. Насилов (Ленинград) в докладе «Типологические сопоставления в рамках сравнительно-исторического изучения отдельных грамматических категорий», высказавшись за необходимость изучать одновременно означающие и означаемые, предложил начинать сопоставительно-типологические исследования с определения и описания таких типологических констант микросистем тюркских языков, как, например, каузативные и пассивные структуры. Касаясь вопроса о намятниках древнетюркской письменности и использования их данных в качестве тех или иных языковых доказательств, докладчик указал на необходимость в полной мере учитывать типы языковых памятников и не забывать о том, что они не могут считаться непосредственно отражающими язык или диалект

Больше всего докладов (7) было посвящено третьей проблеме симпозиума.

И. Убрятова (Новосибирск) детально рассмотрела методику В. В. Радлова в сравнительно-историческом исконсонантизследовании якутского \ начатое В. В. Рад-Продолжая ловым изучение якутского языка с точки зрения соотношения тюркских элементов (их Радлов насчитывал 32%), монгольских (26%) и остальных (неизвестпроисхождения — более Е. И. Убрятова уделила основное внимание воздействию тунгусо-маньчжурских языков на якутский. Она выявила значительный эвенкийский пласт в якутской системе согласных, которая, как и в эвенкийском, кетском, юкагирском, показывает бедность проточных и полное развитие смычных.

А. П. Дульзон (Томск) в докладе «Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков» ознакомил участников симпозиума своей гипотезой перестройки «классных» языков (тица енисейских) в «неклассные» (типа тюркских) на основании учета логического, исторического и типологического критериев. Наряду с поисками архетипов внутри данного языка и близкородственных языков докладчик считает не менее важными фономорфологические сопоставления с соответственными вариантами в языках отдаленного родства (для тюркских — в монгольских и тунгусо-маньчжурских, с одной стороны, в уральских и енисейских — с другой). А. М. Щербак (Ленинград) в докладе «К вопросу о падежных формах на -pa, -py, -ры в тюркских языках и их соответствиях в монгольских языках» на основе морфологического и семантического анализа исследуемых форм пришел к заключению, что в большинстве своем они представляют глагольные образования с позднейшей реинтерпретацией конечного -г основы и деепричастного аффикса -a (tašir- «выводить наружу» + $\hat{a} - a > ta$ š-ra).

В. И. Асланов (Баку) в докладе «К проблеме реконструкции корневых морфем в исторической лексикологии азербайджанского языка» говорил о необходимости выделять первичные («доисторические») и вторичные корни, учитывать антонимичность и синонимичность морфем. помнить про значимость обоих компонентов парных слов и т. п. Докладчик представил на обсуждение ряд конкретных реконструкций на материале азербайджан-

ского языка. И.Г.Добродомов (Москва) в докладе «Тюркские заимствования славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков» проанализировал большое число случаев, когда для тюркско-булгарского соответствия с — ш дают рефлексы, утраченные современным чувашским языком: тюркск. сазан — русск. диал. шаран при чувашск. сасан (из татарск. или русск). В ряде случаев славянский материал позволяет вскрыть заимствованный характер чувашских слов типа сурах «овца» (татарск. сарык) на основе русского и белорусского диалектных шу́рка в русские которое попало (казанский) из татарского языка в

виде сарга. В докладе Ф. А. Ганнева (Казань) «К вопросу о фонетическом словообразовании в татарском языке (в историческом освещении)» рассматривался прием опущения звука (звуков) как живое, хотя и малопродуктивное средство словообразования в современном татарском языке. Вопреки существующему мнению, в живой речи прием прибавления звука (звуков) не используется как способ фонетического словообразования. Докладчик предлагает квалифицировать соответствующие примеры как проявление морфологического переразложения, нации и т. п.

Ш. Х. Акбаев (Карачаевск) в докладе «Сравнительно-исторический метод в тюркологии и генезис балкарского цоканья» отметил, что происхождение малкарского цоканья обычно объяснялось влиянием осетинского языка (Н. А. Ка-

раулов, В. И. Абаев). Для правильного решения проблемы необходимо включить это явление в орбиту сравнительно-исторического авализа и рассматривать его в составе закономерных соответственных рядов, прежде всего в близкородственных (куманских) языках.

Э. В. Севортян взаключительном слове подвел итоги обсуждения поставленных проблем, указав, что на симпозиуме оказались представленными несколько научных направлений: общетеоретическое — общие классификационные построения (Э. Р. Тенишев, отчасти --Т. М. Гарипов и др.); изучение иноязычных элементов в тюркских (Е. И. Убрятова) и поиски отдаленного родства языков (А. П. Дульзон); сравнительно-историческая морфология (А. М. Щербак, А. Н. Кононов) и сравнительно-исторический синтаксис с опорой на морфологию (Н. З. Гаджнева), представляющие новое направление в отечественной тюркологии; сопоставительно-типологическое направление (Г. Ф. Благова, Д. М. Насилов), которое только начинает развертываться; историко-лексикологическое и фонетическое направления (В. И. Асланов, М. Ш. Рагимов, Ш. Х. Акбаев), интересные частными методиками, хотя этимологические выкладки были не бесспорны; участие специалистов по иносистемным языкам (Э. А. Макаев, а также И. Г. Добродомов), что всегда обогащало тюркологию.

Было принято предложение редколлегии журнала «Советская тюркология» о публикации материалов симпознума в одном из померов журнала.

Участники высказали также пожелания о ежегодном проведении подобных симпознумов по более узкой тематике.

T. M. Гарипов (Уфа)

25—27 июня 1970 г. в Ленинградском гос. ун-те им. А. А. Жданова проходила І Всесою з ная конференция по пспанской филологии, посвящения 100-летнему юбилею со дня рождения В. И. Ленина. В работе конференци приняло участие сыше 200 человек — научных работников, преподавателей высших и средних школ различных городов Совота.

На пленарымх и секционных заседаниях конференции было прослушано 68 докладов по различным актуальным вопросам теории и истории испанского языка и его литературы, по сравнительно-историческому и сравнительно-сопоставительному изучению языка, по новым методам применительно к испанскому языку, а также вопросы, связанные с взаимо-гиошением литературных языков и диалентов

Во вступительном слове акад. М. П. А лексеев (Ленинград) охарактеризовал значение конференции и задачи, поставленные конференцией перед учеными страны. Касаясь актуальных вопросов испанской филологии, О. К. В асильева — Пвере (Ленинград) отметила, что потребность в созыве первой всесоюзной конференции по испанской филологии давно назрела в связи с необходимостью обсуждения перспективного плана научно-исследовательской работы, обмена опытом и координации всех сил испанистов.

На первом пленарном заседании с большим интересом был прослушан доклад Касаткина (Ленинград) «Учение В. И. Ленина и задачи лингвистики как социальной науки». Докладчиком были поставлены и по-новому рассмотрены проблемы социологического исследования. Для советского языкознания, и в частности для романского языкознания, вопросы, связанные с ленинскими идеями о развитии наций и языка, с проблемой государственности и национального языка, языка и пиалекта имеют большое значение, поскольку романские языки дают очень пеструю картину социального развития и становления языков.

А. Будаговым (Москва) был поднят сложный вопрос о месте испанского среди романских языков. На большом и интересном материале было показано, что своеобразие места одного языка среди других родственных языков не может быть сведено только к эпохе их зарождения. Своеобразие каждого языка в родственной группе языков определяется не только условиями их генезиса, но и условиями всего последующего развития каждого отдельного языка. В этой связи классификация романских языков, а следовательно, и определение места испанского среди этих языков должны базироваться на таких факторах, как генетический, внутрение- и внешнелингвистический.

В докладе об актуальных проблемах испанской филологии О. К. Васильева-Шведе выделила и охарактеризовала основные направления, по которым научно-исследовательская проводилась работа в области отечественной испанистики. Одновременно докладчиком были намечены очередные задачи, стоящие перед советскими испанистами. Для дальнейшего успещного развития испанистики необходимо углублять и расширять научноисследовательскую работу, внедрять результаты изучения лингвистической теории в читаемые студентам курсы, резко увеличить и улучшить подготовку кадров средней и высшей квалификации и создавать высококачественные учебники и учебные пособия вузовского типа. Касаясь грамматического строя испанского языка, докладчик подробно остановился на значении морфологии и синтаксиса неличных форм глагола для сравнительноисторического и сопоставительного научения романских языков. Изучение этого вопроса представляет, по мнению докпадчика, общелингвистический интерес в связи с проблемой нефлективной морфологии, а при сопоставлении с гасковским и провансальским — для проблемы структурного сходства или различия в грамматическом строе западнороманских языков «промежуточной зоны», т. е. для классификации романских языков вообще.

Изучению испанского языка Америки и его значению для испанского, романского и общего языкознания было посвящено выступление Г. В. Степанова (Ленинград). Привлечение американского материала, отметил докладчик, необходимо не только для воссоздания закономерных соответствий между языками романской группы, но также и для сравнительно-сопоставительного изучения романских языков в синхронном плане. Знакомство с данными испано-американской речи позволит более полно осветить картину исторического развития испанского языка. Типические расхождения между собственно испанским вариантом и американскими разновидностями ставят перед исследователем новую задачу типологического изучения вариантов как в системе родственных, так и неродственных языков.

Д. Е. М и х а л ь ч и (Москва) было раскрыто значение согрудинчества с носителями индейских языков для изучения особенностей американских вариантов испанского языка.

Вопросу о прикладных методах в языкознании был посвищен доклад И. В. Мих а й л о в о й (Ленинград) и Р. Г. И и от р о в с к о г о (Ленинград). Было отмечено то значение, которое приобретает в наши дли статистика и автоматический анализ лингвистического материала.

Значение лингвистической географии при изучении языков Пиренейского полуострова было отмечено в докладе
М. А. Бородиной (Ленинград).
Предварительные эксперименты, проведенные на территории Пиренейского полуострова, дают интерестый материал в
этой области исследований.

В. А. Лисицкий (Воронеж) в своем докладе об историко-фонетических проблемах романских языков Испании (вокализм) остановился на анализе тех исследовательских приемов, которые позвольнот дать более глубокие характеристики романскому вокализму на Пиренеях. В докладе В. Г. Гака (Москва) бы-

В докладе В. Г. Гака (Москва) была рассмотрена специфика родственных языков на разных уровнях реализации. Докладчик отметил, что в реальном пользовании речью элементы системы, структуры, нормы и узуса сливаются в едином акте номинации, но различение этих сторон в илане научной абстракции может оказаться полезным для осознания устройства и процесса использования языка. После пленарного заседания проводилась работа в секциях. Всего работало иять секций: секция грамматики 1, секция грамматики 2, секция лексикологии, стилистики и перевода, секция литературоведения и секция методики. Не вмея возможности подробно осветить работу всех секций, остановимся несколько подробнее на работе некоторых из вих.

В докладах, прочитанных на заседании секции грамматики 1,обсуждались вопросы модальных отношений в системе испанского и португальского (Э. Ф. Бубновская, Е. Г. Голубева, Е. В. Литвиненко), глагольного вида, времени и залога (Л. И. Лухт, Н. М. Фирсова, И. Ф. Мельцев), системы местоимений в испанском и португальском языках (Е. М. Вольф, В. И. Киселева, В. И. Силецкий), структуры глагольно-именных конструкций (А. А. Назарова). Основное внимание участников заседаний секции было направлено на установление и уточнение проблематики, требующей дальнейшей разработки.

На заседаниях секции грамматики 2, собравших наибольшее число участинков, обсуждались проблемы синтаксиса (Э. И. Левинтова, К. В. Ламина, В. Д. Федоров, А. В. Супрун, Р. А. Заубер), система предлогов испанского языка (М. Н. Деев), спитаксическая синонимия португальского языка (М. А. Рабинский, Н. Ф. Самусенко), особенности разговорной речи (Н. Д. Арутюнова, Б. Х. Эйдус, Г. К. Неустроева, Н. Е. Фро-

лова). С большим интересом были прослушаны доклады на секции лексикологии, стилистики и перевода. Тематика их была разнообразной: сопоставительный внализ лексики иберо-романских языков (Д. С. Гельфанд), суффиксальная деривация в латиноамериканском варианте испанского языка (А. А. Кретова), испанские запиствования в молдавских говорах (В. С. Сорбаля), еще одна пошътка в интерпретации фонетического перехода f- > h- (И. А. Короленко), мосарабское estad y ana-está a la puerta (А. Б. Червяк) и лр.

Ряд докладов, посвященных испанской и южноамериканским литературам, был прочитан на пленарных и секционных заседаниях.

На конференции были подведены итоги деятельности вспанистов-филологов за годы советской власти и определены наиболее важные и перспективные направления дальнейшей научной и методической работы испанистов-филологов.

Доклады, прочитанные на конференции, отразили основные научные устремления советских испанистов и результаты их исследовательской работы в различных областях испанской лингвистики и литературоведения.

Докладчики и выступавшие в прениях

(всего в прениях приняло участие около 70 человек) проявили большой интерес к теоретическим проблемам, касающимся методологии лингрыстического и литературоведческого исследования, подвергли обстоятельному обсуждению сложные и спорные вопросы языкового и литературного процессов в Испания. Португалии и Латинской Америке. Этот интерес советских испанистов к теории тем более важно отметить, что в зарубежной романистике за последнее время наблюдается ослабление внимания к насущими вопросам теории и методологии.

Следует отметить, что реальное содержание конференции оказалось шире ее назнания, ибо вопросы каталанской, португальской, галисийской филологии, проблемы других романских языков также явились предметом обсуждения.

На заключительном пленарном заседании были обсуждены итоги конференции. обобщены предложения и пожелания ее участников. В принятой резолюции нашел отражение ряд важных положений, среди которых следует отметить следующие: ходатайствовать о создании периодического печатного органа по испанистике; урегулировать вопрос о введении испанского языка в среднюю школу; отметить крайне неудовлетворительное положение, сложившееся с выпуском учебной литературы по испанскому языку для вузов и средних школ, и принять необходимые меры для ликвидации этого ненормального положения и др. Следующую, II Всесоюзную конференцию по испанской филологии решено провести в 1975 г. в г. Москве с привлечением зарубежных ученых. В промежутке между двумя всесоюзными конференциями намечено организовать два-три симпозиума по конкретным научным и методическим вопросам.

И. А. Короленко (Ленинград)

25 ноября 1970 г. состоялось засе-Лингвистического дание объединения при Лаборатории вычислительной лингвистики МГУ, посвяшенное семидесятицяти рождения летию c o дня М. М. Бахтина. Открывая заседание, Б. А. Успенский отметил, что научная деятельность М. М. Бахтина обнимает самые разные гуманитарные дисциплины, и это заставляет считать ученого ярким представителем той нерасчлененной, комплексной науки, которую по аналогии с общим языкознанием и общим литературоведением можно было бы назвать общей филологией. Идеи М. М. Бахтина очень современны и включаются в качестве необходимого элемента в комилекс научных представлений XX в. Цель заседания — сделать первый шаг в раскрытии плодотворности и богатства научных трудов М. М. Бахтина.

В докладе А. А. Дорогова «Идеи М. М. Бахтина в историко-культурном контексте» были освещены основные вехи жизненного и творческого пути М. М. Бахтина. М. М. Бахтин родился 17 ноября 1895 года в г. Орле. Вслед за своим братом Н. М. Бахтиным (1893—1950), впоследствии известным лингвистом и филологом, М. М. Бахтин поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Петербургский университет в предреволюционные годы был крупным научным центром: достаточно назвать в области литературоведения школу А. Н. Веселовского, представленную в то время рядом его учеников и продолжателей (испанистом Д. К. Петровым и другими), в общего языкознания — школу И. А. Бодуэна де Куртенэ, в области классической филологии — школу Ф. Ф. Зелинского, учеником которого считает себя М. М. Бахтин. В особенности важным для формирования научных интересов и научного облика М. М. Бахтина были работы Ф. Ф. Зелинского по античному театру и по римской ораторской прозе (о Цицероне). Другой круг интересов М. М. Бахтина в университете был связан с занятиями философией.

В конце 20-х годов М. М. Бахтин выдвинул целый ряд новых илей в области психологии, литературовдения, языкознания, которые нашли отражение в ряде публикаций того времени 1; тогда же вышла книга М. М. Бахтина о Ф. М. Достоевском 2.

Для того чтобы полнее воспринять общую систему идей М. М. Бахтина, необходимо обратиться к тому историко-культурному контексту, в котором эти идеи формировались и высказывались. Лепинград 20-х годов был интереснейшим центром культуры и более узко-гуманитарного Непосредственное знания. окружение М. М. Бахтина состояло из таких людей, как его ученик, последователь и сотрудник В. Н. Волошинов, литературоведы П. Н. Медведев и Л. В. Пумпянский, индолог М. И. Тубянский, биолог И. И. Канаев, писатель К. Вагинов, музыковед И. И. Соллертинский. Научная концепция М. М. Бахтина в области литературоведения и языкознания оформлялась во многом в связи с осмыслением теории и практики ОПОЯЗ'а и как определенная

2 М. М. Бахтин. Проблемы твор-

чества Достоевского, Л., 1929.

¹ В. Н. Волошинов, Фрейдизм. Критический очерк, Л., 1927; П. Н. Медведеведев, Формальный метод в литературоведении, Л., 1928; В. Н. Воло- и и нов, Маркензм и философия языка, Л., 1929; 2-е изд. — Л., 1930.

оппозиция к ним. Считая научную деятельность ОПОЯЗ'а значительным этапом в развитии литературоведческого анализа, мимо которого не может пройти ни один исследователь, М. М. Бахтин не мог принять теорию искусства, созданную ОПОЯЗ'ом («искусство как прием»), равно как и более поздние идеи, высказанные представителями «формальной школы» и их продолжателями (теория «литературного быта». «фор-соц» и др.). Прежде всего, для него была неприемлема идея «особости» языка художественной литературы по отношению к обыденному язы-По Бахтину, различия функций языка определяются различиями его применения. Для него также был неприемлем взгляд на художественное произведение и вообще на языковый текст как на замкнутую систему. Всякое произведение, всякий текст имманентно включен в сферу «идеологии» (в широком смысле слова), которая имеет свое существование только в знаковой форме и выполняет функции памяти, управления и общения в человеческом обществе. Смысл текста определяется различными формами его актуализации (всегда исторически конкретными) в контексте того или иного социального действия. Попадая в различные сопиальные контексты, языковой изменяет свой смысл; поэтому всякий текст принципиально многозначен и в этом смысле неисчернаем. По мнению А. А. Дорогова, как деятельность ОПОЯЗ'а была связана с практикой русских поэтов-футуристов, так и иден М. М. Бахтина можно связать в некотором смысле с другой линией в русской поэзии, происхождение которой достаточно сложно и не вполне еще выяснено (однако здесь можно отметить некоторые черты творчества В. В. Хлебникова и О. Э. Мандельштама). Видным деятелем этой линии был К. Вагинов, Н. М. Олейников и поэтыобереуты: Н. А. Заболоцкий, А. И. Введенский, Д. М. Хармс, Ю. Д. Владимиров. Если в первом случае (футуристы -ОПОЯЗ) исследуется поведение слова в пределах языка, по отношению к языковому контексту и тем самым как бы открывается и устанавливается все то мносмыслов, которое в слове заключено и которое можно из него извлечь («самовитое» слово — теория траннения), то во втором случае (Бахтин — Вагинов — обереуты) основной является установка на восприяслова, включение его в систему жизненной ситуации. В первом случае смысл слова определяется изменениями языкового контекста, во втором случае изменениями социального контекста. М. М. Бахтин, таким образом, утверждает необходимость выйти за рамки синтактики и перейти в область исторической семантики и социально-прагматического анализа слова и текста. работе о Ф. М. Достоевском

М. М. Бахтин показал, как в самой структуре произведений Достоевского воплощатетя идея незамкнутости системы человеческих отношений в общении, непрерывного и бесконечного раскрытия истивы, неправомерности последнего суда над человеком. Способ работы Достоевского как инсателя — создание таких провоцирующих, экстремальных ситуащий, при которых социально-этические идеи-сущности, воплощеные в действующих лицах, выражались бы в квечном» диалоге.

А. А. Дорогов отметил, что новый этап прочтения трудов М. М. Бахтина наступил в 60-е годы, когда появилось второе, переработанное издание его книги о Достоевском («Проблемы поэтики Достоевского», М., 1963) и была издана монография «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессан-са» (М., 1965). Через произведения Рабле М. М. Бахтин смог увидеть и реконструировать совершенно новый исторический феномен, оставшийся вне историографии,— феномен народной культуры европейцев с тысячелетней традицией непрерывного исторического бытия, идущей из античности. Книга М. М. Бахтина заставляет многое из известного в истории переосмыслить и по-новому взглянуть на средневековье, Ренессанс и античность.

Положение М. М. Бахтина о том, что письменный текст, не будучи замкнутым, имеет историческое бытие и что жизнь текста в обществе выдвигает бесконечное множество его смысловых решений, полностью оправдывается как раз на трудах самого ученого. Именно в наше время, когда и в лингвистике, и в семнотике углубленное исследование синтактики сменилось повышенным вниманием к семантике, глубоко современными зались работы М. М. Бахтина, в которых был предвосхищен этот новый этап разсемиотики. Поэтому М. М. Бахтина имеют выход в лингвистику и литературоведение, семиотику и социологию, философскую антропологию и историю культуры,

Более петально связь научной концепции М. М. Бахтина с современными представлениями семиотики была вскрыта-В. В. Ивановым в докладе «Значение идей М. М. Бахтина ознаке и высказывании для современной семиологии». В. В. Иванов поддержал высказанное Э. Бенвенистом мнение о том, что в развитни семиотики наступил новый этап по сравнению с Ч. Пирсом и Ф. де Соссюром. Ориентировка на знак сменилась ориентпровкой на высказывание, благодаря чему становится возможным полноценное описание таких семиотических систем, как кино или музыка. Этот новый этап в развитии семиотики в высокой степени соотносится со взглядами М. М. Бахтина, который предложил различать исследование знаков как таковых и исследование текстов как объектов понимания. Знак-элемент противопоставляется знаку-высказыванию. Значимость го разграничения отчетливо видна, например, в современном кино, в котором, в отличие от немого кино 20-х годов, отсутствует монтажная фраза, легко составляющаяся из отдельных кадров (планов), а кадр часто равен высказыванию. Для обозначения науки, исследующей высказывание, начиная от структуры абзаца и кончая структурой целого романа, в современной французской семиотике введен специальный термин «транслингвистика». Основной формой высказывания М. М. Бахтин считает диалог. Вообще проблема диалога выступает лейтмотивом творчества М. М. Бахтина, и вопросы, занимающие его, так или иначе связываются с проблемой диалога. Незавершенность, незамкнутость коммуникативной системы, по мнению М. М. Бахтина, берет начало в диалоге. Это может быть свернутый диалог внутренияя или несобственно прямая речь, которая в искусстве ХХ в. получает новую значимость. В этой связи отмечалось, что уже в 20-ые годы был вскрыт словесный знаковый характер исихоанализа, причем слово как «сценарий словесной ситуации» предлагалось рассматривать именно в ситуации общения 3. Если обратиться к роману, то установка на диалог проявляется в том, что роман предлагается понимать как диалогизированную систему разных языков. Здесь естественна параллель с исторней лингвистики, по отношению к которой активное многоязычие, сопоставление своего языка с чужим выступает мощным фактором развития. «Диалогический» подход позволяет М. М. Бахтину представить роман как контрапункт разных стилей и жапров.

Следующая проблема, связанная с диалогом, -- это проблема «другого» («я для себя» — «я для другого»). М. М. Бахтин пеказывает, как в полифоническом романе Достоевского отказ от монологической субстанции идеи приводит к диалогу как форме постижения мира, к исследо-

ванию функций идей.

В заключение В. В. Иванов коснулся теории карнавала, сформулированной М. М. Бахтиным в монографии о Рабле; при этом подчеркивались специально такие черты карнавала, как незавершенность и диалогическая открытость, бинарный характер семиологических карнавальных противопоставлений, инверсные отношения внутри этих бинарных оппозиций.

Трактовка М. М. Бахтиным различных обрядово-зрелищных форм была подвергнута специальному обсуждению в докладе П. Г. Богатырева «Значение трудов М. М. Бахтина для фольклористики»; особая ценность доклада — в большом количестве собственных фактических наблюдений, приведенных докладчиком. П. Г. Богатырев отметил, что значение монографии М. М. Бахтина о Рабле выходит далеко за границы поставленной темы: закономерности в развитии культуры, раскрытые М. М. Бахтиным, приложимы — с учетом специфических черт различных эпох — к фольклору и вообще к народному искусству стран, не входящих в романский мир; в частности, появляется возможность по-новому подойти к фольклору и этнографии славян. проанализировав заново и уже известный материал и данные, добытые в недавнее время в полевой обстановке.

Обращаясь далее к исследованиям пещного действа, докладчик отметил, что халден в пещном действе говорят на диалектном просторечии на фоне церковнославянского наречия. Эти факты паралдельны приводимым у М. М. Бахтина замечаниям о наличии особого диалекта у каждого из персонажей в комедии

делл'арте.

П. Г. Богатырев остановился на конкретных формах проявлен**ия смеховой** народной культуры у славян, показав, какое выражение здесь находят отмеченные М. М. Бахтиным карнавальная свобода, нарушения сословной иерархии, отвержение права собственности в период празднеств (роль масок, обряды торжественного убоя скота, ярмарочный фольклор — раешники, балаганные деды и т.д.). Современная фольклористика, заключил П. Г. Богатырев, не может пройти мимо трудов М. М. Бахтина, и любое исследование так или иначе должно сверяться с его результатами.

Общая мысль всех трех докладов работы М. М. Бахтина опередили свое время, настоящее полное звучание они приобрели только в 60-е годы ХХ в. Необходимо основательное изучение работ М. М. Бахтина и активное включение его идей в научную практику гумани-

тарных наук нашего времени.

³ В. Н. Волошинов, Фрейдизм.

В КОМИССИИ ПО НАСЛЕДИЮ АКАДЕМИКА В. В. ВИНОГРАДОВА

Постановлением Бюро ОЛЯ АН СССР от 30 декабря 1969 г. об увековечении памяти акад. В. В. Виноградова была образована Комиссия по наследию акад. В. В. Виноградова в составе: акад. М. П. Алексеев — председатель, чл.-корр. АН СССР В. Г. Базанов и акад Д. С. Лихачев - заместители председателя, д-р филол. наук В. Г. Костомаров и канд. филол. наук Ю. А. Бельчиков — ученые секретари, акад. УССР И. К. Белодед, доктора филол. наук Н. Н. Прокопович, Н. Ю. Шведова, В. И. Малышев, И. Л. Андронников, Ю. В. Рождественский, канд. филол. наук Н. И. Толстой. Бюро ОЛЯ АН СССР просило Комиссию подготовить проспект издания избранных трудов акад. В. В. Виноградова для внесения на рассмотрение РИСО АН СССР.

18 ноября 1970 г. состоялось 5-ое заседание Комиссии по наследию акад. В. В. Виноградова. В заседании приняли участие акад. Д. С. Лихачев, Н. М. Малышева-Виноградова, В. А. Белошапкова, Ю. А. Бельчиков, В. Г. Костомаров. Н. Н. Прокопович, Ю. В. Рождествен-ский, Н. И. Толстой, Г. Ф. Благова. Председательствовавший Д. С. Лихачев предоставил слово для доклада о проекте плана издания трудов акад. В. В.

Виноградова Н. И. Толстому. Н. И. Толстой сказал, что по предварительным подсчетам, объем научного наследства В. В. Виноградова равен собранию в 30 томов по 30 печ. л. каждый (т. е. около 1000 печ. л.). Чрезвычайно разнообразна и весьма актуальна тематика трудов акад. В. В. Виноградова: теория общего и славянского языкознания, грамматический строй русского языка, его история, формирование и современное состояние русского литературного языка, его исторические корип и взаимодействие с древнеславянским, его стилистическая система, поэтика, стилистика, русская художественная речь, язык круппейших русских писателей (Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др.), история русской литературы, текстология (атрибуция текста), история русской лексики (этимология, семантика, стилистика), история русского языкознания, культура русской речи. Труды акад. В. В. Виноградова знаменовали собой новый этап (после трудов акад. А. А. Шахматова п Л. В. Щербы) в развитии науки о русском языке, они подвели итог более чем полуторавекового ее развития и заложили фундамент современных научных представлений о русской грамматике, лексике, стилистике, фразеологии. Акад. В. В. Виноградов работал и публиковал свои труды более полувека. Он очень редко их переиздавал. Они разбросаны в разных, часто почти недоступных изданиях. Часть работ покойного академика опубликована за границей.

Сейчас не представляется возможным издать все научное наследство акад. В. В. Виноградова. Академия наук СССР может выпустить в свет лишь часть его исследований в виде серии избранных работ. В эту серию должны войти основные, наиболее важные, теоретически значимые и необходимые для дальнейшего развития науки труды.

Предварительно предполагается изпание 14 томов с общим объемом 300-320 листов (объем отдельного тома около 30-32 листов). Каждый том должен представлять тематически завершенное целое, независимо от содержания других томов:

том I. Русская классическая литература (35 печ. л.);

том II. Поэтика, стилистика, культура русской речи (32 печ. л.)

том III. Истоки и развитие русского ли-

тературного языка (30 неч. л.); том ÎV. Теория общего и русского языкознания (25 печ. л.);

том V. Русская грамматика и лексико-

логия (28 печ. л.). том VI. Русский язык (1947, 59 печ. л.);

том VII. О Пушкине (32 печ. л.); том VIII. Язык писателей (57 печ. л.);

том IX. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX (1938, 33 печ. л.);

том Х. Русские языковеды (58 печ. л.); том XI. История русских слов (33 статьи + рукопись):

том XII. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Очерки из истории звука ѣ (1923);

том XIII. Язык Пушкина (1933, 34 печ. л);

том XIV. Стиль Пушкина (1941, 48

Н. И. Толстой призвал проявить особую заботу к изданию ранних литературоведческих трудов В. В. Виноградова. которые в своей совокущности составляют т. I «Русская классическая литература». Раскрывая далее содержание каждого тома, Н. И. Толстой отметил, что при составлении тома на первое место выдвигаются работы, в которых поставлены более общие проблемы; этот принцип комбинируется с принципом хронологической последовательности.

 «Русская классическая литература». О задачах стилистики. Наблюдения над стилем протоп. Аввакума (1923); Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский (1929); 3. Гоголь и натуральная школа (1925); 4. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» (1921); 5. О «литературной циклизации». «Невский проспект» Гоголя и «Confessions of english opium - eater» де-Квинси (1928); 6. Достоевский и Лесков (1961); 7. Сюжет и архитектоника романа Достоевского «Бедные люди» в связи с воп-

росом о поэтике натуральной школы (1924); 8. «Попрошайка» Достоевского; 9. И. С. Генслер и Ф. М. Достоевский редактор «Гаванских сцен» (1964); 10. Неизвестный очерк-фельетон Ф. М. Достоевского; 11. Тургенев и школа молодого Достоевского (1959); 12. Реализм и разрусского литературного витие (1957); 13. Об авторстве двух статей «Литературной газеты» в 1830—1831 гг. на украинские темы (Сомов, Пушкин или Гоголь) (1960); 14. Неизвестное стихотворение Н. М. Карамзина (1957) (атрибуция анонимного текста); 15. История одной литературной подделки (1958); 16. О поэзии Анны Ахматовой (1925); 17. О трудах Ю. Н. Тынянова по истории русской литературы первой половины XIX века (1967).

И. «Поэтика, етилистика, культура русской речи»: 1. Поэтика и ее отношение к лингвистике и истории литературы (1962); 2. О теории поэтической речи (1962); 3. О художественной прозе (1930); 4. К построению теории поэтического языка. Учение о системах речи литературных про-изведений (1927); 5. Проблема сказа в стилистике (1926); 6. К изучению стиля протопона Аввакума, принципов его словоупотребления (1958); 7. Наука о языке художественной литературы и ее задачи (1958); 8. Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы (1957); 9. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы (1955); 10. Язык художественного произведения (1954); 11. О понятии «стиля языка» (применительно к истории русского литературного языка) (1955); 12. Общие проблемы изучения языка художественной литературы в советскую эпоху (1958); 13. Итоги обсуждения вопросов стилистики (1956); 14. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры (1961); 15. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания (1964); 16. О русском языке как орудин культуры (1964); 17. Заметки о языке советских художественных произведений (1955); 18. Лингвистические основы научной критики текста (1958).

III. «Истоки и развитие русского литературного языка»: 1. Основные этапы истории русского языка (1940); 2. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв. (1946); 3. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка (1958); 4. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. (1969); 5. Вопросы образования русского национального литературного языка (1956); 6. Об образовании восточнославянских национальных литературных языков (1960); 7. Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков (1949); 8. Различия между закономерностями развития: славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху (1963); 9. Революционная роль Вука Караджичав формировании сербского национального литературного языка (1965); 10. «Споры в современной лингвистике об основных. понятиях и терминах в истории литературных языков» (1966) (на сербск. яз.); 11. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией (1964); 12. История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова (1964); 13. О новых исследованиях по истории русского литературного языка (1969); 14. Чтение древнерусского текста и историко-эти-мологические каламбуры (1963); 15. К истории лексики русского литературного языка (1927); 16. О процессах развития и разрушения омонимии в кругу соотносительных русизмов и древнеславянизмов (1966); 17. Основные итоги разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР (1962);

IV. «Теория общего и русского языкознания»: 1. О формах слова (1944); 2. Основные типы лексических значений слова (1953); 3. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка (1951) и (1962): 4. Об изучении общего лексического фонда в структуре славя**н**ских языков (1946); 5. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (1952); 6. О категории модальности и модальных словах в русском языке; Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины (1946); 8. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке (1947); 9. Русский язык (БСЭ1, т. 49, 1941); 10. Великий

русский язык.

V. «Русская грамматика и лексиколог**ия»: 1.** Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках (1968); 2. О грамматической омонимии в современном русском языке (1940); 3. Об омонимии и смежных явлениях (1960); 4. Об омонимии служебных слов в современном русском языке (1967); Об омонимии в русской лексикографической традиции (1967); 6. Омонимы из-гнезда *стрела* (1969); 7. Принципы построения русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» АН СССР (1956); 8. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка); 9. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка (1950); 10. Вопросы изучения словосочетаний (1954); 11. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (1954); 12. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии (1953); 13. О некоторых вопросах теории русской лексикографии (1956); 14. Семнадцатитомный Академический словарь литературного современного русского языка и его значение для советского языжознания (1966); 15. Толковые словари

русского языка.

VII. «О Пушкине»: 1. Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе (1962); 2. О стиле Пушкина (1934); Стиль «Пиковой памы» (1936); 4. Стиль и композиция первой главы «Евгения Онегина» (1966); 5. К изучению языка п -стиля пушкинской прозы (работа Пушкина над повестью «Станционный смотритель») (1949): 6. Из истории стилей русского исторического романа (Пушкин и Гоголь) (1958): 7. Пушкин и русский язык (1937): 8. A. C. Пушкин — основоположник русского литературного языка (1949); 9. Пушкин и русский литературный язык ХІХ в. (1941); 10. О художественной речи Пушкина (1967); 11. Стилистические методы определения авторства и воспроизведения авторского текста в советском пушкиноведении (1961); 12. О принципах и приемах чтения черновых рукописей Пушкина (1964); 13. Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г. (1939); 14. Об одной лушкинской эпиграмме на Москву (1966).

ТИП. «Язык писателей»: 1. Язык п стиль басен Крылова (1945); 2. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева (1949); 3. О стиле Караманна и его развитии (1966); 4. Проблемы стилистики перевода в пеэтике Караманна (1966); 5. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка (1953); 6. Этюды о стиле Гоголя (1926); 7. Язык Гоголя (1936); 8. О языке ранней прозы Гоголя (1951); 9. Язык Лермонтова (1938); 10. Стиль прозы Лермонтова (1941); 11. О языке Толстого (1939); 12. Язык Зощенки (1928); 13. О стиле книги К. С. Станиславского «Моя жизвы в искусстве» (1958).

X. Русские языковеды: 1. Русская наука о русском литературном языке (1946); 2. Развитие науки о русском языке в Московском университете (1955); 3. Современный русский язык, вып. I (1938); 4. И. В. Ягич (1963); 5. Бодуан-де Кургенэ (1963); 6. Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова (1950); 7. Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова по грамматике и риторике (1951); 8. Синтаксические возарения А. Х. Востокова и их значение в истории русского языкознания (1951); 9. Синтаксические взглялы профессора А. В. Добиаша (1948); 10. А. А. Потебня (1938); 11. Учение А. А. Потебни о стадиальности развития синтаксического строя в славянских языках (1946); 12. О IV томе «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни: 13. А. А. Шахматов (1922); 14. Русский литературный язык в исследованиях А. А. Шахматова (1948); 15. Учение акал. А. А. Шахматова о грамматических формах слова и о частях речи в современном русском языке (1952); 16. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова (1950); Л. В. Щерба (1940); 18. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы (1951); 19. Синтаксические взгляды и наблюдения акад. Л. В. Щербы (1952); 20. М. Н. Покровский (1959); 21. Профессор Селищев как историк русского языка (1947); 22. В. И. Чернышев как исследователь русского литературного языка (1947); 23. Идеалистические основы синтаксической системы А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия (1950); 24. Синтаксическая система проф. М. Н. Петерсона в ее развитии (1964); 25. Синтаксическая концепция акал. Л. А. Будаховского (1965); 26. Научная деятельность акад. С. П. Обнорского (1958).

Председатель Комиссии акад. М. П. Алексеев доложил на заседании Бюро ОЛЯ АН СССР 16 февраля 1971 г. проект плана издания избранных трудов акад. В. В. Виноградова. В обсуждении проекта участвовали акад. М. Б. Храпченко, чл.-корр. АН СССР Г. С. Бархударов, чл.-корр. АН СССР В. Н. Ярцева, Н. И. Толстой. Принято решение утвердить издание первых пяти томов (не менее 200 печ. л.).

АКАДЕМИК В. М. ЖИРМУНСКИЙ

Советская филологическая наука понесла тяжелую утрату—в ночь на 31 января 1971 г. скончался выдающийся ученый-энциклопедист Виктор Максимович Жирмунский, создатель и признанный глава советской школы германистов, исследователь народного эпоса, блестящий теоретик стиха, видный историк русской и западных литератур,

талантливый педагог и организатор научной работы.

В. М. Жирмунский родился 2 августа 1891 г. в Петербурге в семье врача. По окончании Петербургского университета он был оставлен при кафедре романо-германской филологии для подготовки к профессорскому званию. В 1917 г. В. М. Жирмунский избирается профессором и зав. кафедрой романо-германской филологии Саратовского университета, в 1919 г. — профессором, а позднее зав. кафедрой Петроградского университета. Начиная с 20-х т. его научно-огранизационияя, педагогическая и исследовательская деятельность приобретает широкий размах. В 20-е гг. он возглавлял ряд научно-исследовательских отделов и вузовских кафедр. Отдел славянских искусств Института истории искусств, Западный отдел ИЛНЗВ'а, кафедры в университете и в педииституте им. А. И. Герцена. В 30- и 40-е гг. В. М. Жирмунский руководил Отделом западных литератур Института литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и принимал деятельное участие в работе Института языка и мышления им. Н. Я. Марра.

В годы Великой Отечественной войны В. М. Жирмунский возглавил в Ташкейте Научно-исслед. историко-филологический институт при Среднеазнатском университете, заведуя одновремение кафедрой Ташкейтского пединститута и Отделом фольклора в Институте языка и литературы АН УзбССР. Вклад ученого-патриота в развитие культуры и науки Узбекистана был высоко оценен — В. М. Жирмунский был удостоен

почетного звания Заслуженного деятеля науки УзбССР.

Вернувшись в Лешиград, В. М. Жирмунский вновь возглавил Западный отдел Института литературы АН СССР. После реорганизации этого Института он перешел в Институт языковнания АН СССР, где с 1957 г. заведовал Сектором индоевропейских языков. В последнее десятилетие В. М. Жирмунский руководил Научным советом по теории советского языкознания при ОЛЯ АН СССР. В течение длительного времени он являлся заместителем главного редактора журнала «Вопросы языкознания», членом редколлегии журнала «Известия АН СССР Серия литературы и языка», а также членом редколлегии «История пемецкой литературы», серии «Литературные памятинки» и т. д.

В 1939 г. В. М. Жирмунский был избран членом-корреспоидентом АН СССР, в 1966 г. он избирается действительным членом АН СССР. Советское правительство высоко оценило многогранную деятельность Виктора Максимовича Жирмунского, наградив его орденом Леппиа, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Труды и разносторонняя научно-организационная деятельность В.М. Жигмунского получили также широкое признание за рубежом. Он являлся членом-корреспоидентом Немецкой Академии наук (ГДР), почетным членом Саксонской Академии наук (ГДР), членом-корреспондентом Британской Академии наук (Лондои), членом-корреспондентом Датской Королевской Академии наук (Копентаген); он был почетным доктором

некролог 167

Берлинского университета им. Гумбольдта, Ягеллонского университета в Кракове, Оксфордского университета, а также членом многих научных обществ.

В. М. Жирмунский припадлежал к тем немногим ученым, которые сумели в эпоху всебольшей дифференциации наук избежать узкой специализации и сочетать в своем творчестве широкий кругозор филолога с глубиной и оригинальностью исследовательской мысли теоретика как в области языкознания, так и литературоведения.

Исследовательская работа В. М. Жирмунского осуществлялась в нескольких направлениях. В золотой фонд отечественной науки вошли его работы по диалсктологии и истории немецкого языка, сравнительной грамматине германских языков и общему языкознанию, по теории стиха, истории немецкой и английской литератур, по вопросам народного эпоса. В каждой из этих областей В. М. Жирмунский создал миогочисленые капитальные труды, оригинальные по замыслу, насыщенные новым материалом и новыми идеями. Как в литературоведческих трудах и в исследовании народного эпоса, так особенно в лингвистических работах В. М. Жирмунский стремился раскрыть за многообразнем индивидуальных форм общие типологические черты, общие закономерности исторических процессов.

До конца 20-х гг. ведущей в творческой деятельности В. М. Жирмунского была литературоведческая проблематика. Мировое признание получили его исследования по теоретической поэтике («Поэзия А. Блока», «Рифма, ее история и теория» и «Введение в метрику»). Этой тематике ученый остается верен до последних дней жизни (см. статьи об А. Ахматовой и последнюю, еще неопубликованную, о поэзии А. Блока.)

Первые работы В. М. Жирмунского в области фольклора посвящены среднеазнатскому героическому эпосу; позднее его все больше привлекают общие теоретические проблемы, связанные со спецификой эпического творчества у разных народов (см. мопографию «Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки»).

В творческой деятельности В. М. Жирмунского особое место занимали проблемы германского и общего языкознавия. Интерес к этой тематике характеризует вессе его творческий путь, начиная с 20-х гг. до последних дней жизин. В этой области первые его работы связаны с изучением колониальных немецких диалектов и прецессов диалектного сменения. Итогом многочисленных исследований по этой тематике явился его капитальный труд «Немецкая диалектология», представляющий собой энциклопедию сравнительно-исторического исследования немецких диалектов; монография эта стала настольной кингой любого германиста, чему немало способствовало ее опубликование на немецком языке.

В. М. Жирмунский был одним из тех языковедов, которые ввели в германистику результаты работ Ф. Энгельса, посвященые германиам, в частности, от «Франкский диалект». Уже в ранних диалектологических работах В. М. Жирмунский уделял особое внимание вопросам социальной дифференциации языка, что получило свое отражение в ряде его монографических работ и статей, посвященных анализу соотношения

литературного языка и диалектов.

В трактовке лингвистических фактов исследования В. М. Жирмунского отличались подлиниым историзмом (главы в коллективном труде «Сравнительная грамматика германских языков», монография «Введение в сравнигельно-историческое изучение германских языков» и вузовский учебник «История немецкого языка»). Исторический подход к языку обусловлен в этих работах общими методологическими принципами, которым ученый оставался вереи в течение ряда десятилетий: винмание к структурным особенностям языков, изучение внутренних их закономерностей и процессов их изменения никогда не заслоняли в лингвистической концепции В. М. Жирмунского социальной природы языка.

Велик авторитет В. М. Жирмунского среди диалектологов-тюркологов — именно по его инициативе и при его активном методологическом участии началась работа над диалектологическим атласом тиркских языков в Советском Союзе (см.: ВИ, 1963, 6).

Талантливый, блестящий недагог В. М. Жирмунский был учителем нескольних поколений лингвистов и литературоведов. Среди его учеников имеются крупные ученые, члены-корреспонденты АН СССР, профессора и доктора. Винмательно, любовно он относился к своим ученикам, всегда помогал молодым, начинающим филологам.

Его исключительное внимание к человеку, неизменный интерес к творческим поскам каждого, кто с илм соприкасался, сочетание принципиальности с терпимостью к взглядам других, доброжелательность, спискали ему любовь и уважение широких кругов лингвистов и литературоведов. В намяти всех, знавших его, Виктор Максимович Жирмунский останется воплощением высоких моральных качеств советското ученого.

CONTENTS

Articles: K. F. Z ak h arova (Moscow). Types of dissimilative jakanje in Russian dialects; Discussions: T. V. G am k veli d z e (Tbilisi). Modern diachronic linguistics and the Kartvelian languages; F. T. Z il k o (Kiev). Contrast-features of the phonetic level in Ukrainian; T. V. N a z arova (Kiev). The problem of Ukrainian ikavism; To the 50-th anniversarv of A. A. Sakhmatov's death. V. V. K oles ov (Leningrad). The importance of A. A. Sakhmatov's linguistic works for modern Slavonic linguistics; L. S. K ovtun (Leningrad). The principal idea of A. A. Sakhmatov's lexicography; Materials and notes: V. M. Živov (Moscow). Typology of consonant-combinations in Russian dialects; N. T. Voitovič (Minsk). On structural parallelism of types of unaccented vocalism and deviations from it in Byelorussian dialects; V. A. Dybo (Moscow). The law of Vasiliev-Dolobko and the accentuation of verb-forms in Old Russian and Old Bulgarian; From foreign periodicals: J. W. Oller (Jr.), B. D. Sales, R. V. Harrington (Rochester, USA). A basic circularity in traditional and current linguistic

theory; Critics and bibliography; Scientific life.

Akademician V. M. Zirmunskij

SOMMAIRE

Articles: K. F. Zakharova (Moscou). Types de jakanje dissimilatif dans les dialectes russes; Discussions: T. V. Gamkrelidze (Tbilisi). Linguistique diachronique moderne et les langues kartveliennes; F. T. Zilko (Kiev). Particularités des contrastes du niveau phonétique en ukrainien; T. V. Nazarova (Kiev). Le problème d'ikavisme ukrainien; Le 50-me anniversaire de la mort de A. A. Sakhmatov. V. V. Koles ov (Léningrad). L'importance des ocuvres linguistiques de A. A. Sakhmatov pour la linguistique slave moderne; L. S. Kovtoune (Léningrad). L'idée principale de lexicographie de A. A. Sakhmatov; Matériaux et notices: V. M. Zivov (Moscou). Typologie des combinaisons de consonnes dans les dialectes russes; N. T. Voitovič (Minsk). Paraléllisme structural des types de vocalisme atone et quelques déviations des règles dans les dialectes byelorusses; V. A. Dybo (Moscou). La loi de Vasiliev-Dolobko et l'accentuation des formes verbales en vieux-russe et en moyen-bulgare; Matériaux publiés dans les revues étrangers: J. W. Oller (cadet), B. D. Sales, R. V. Harring ton (Rochester, États Unis d'Amérique). La circularité principale dans la théorie linguistique traditionnelle et les conceptes modernes; Critique et bibliographie;

Vie scientifique. Akadémicien V. M. Žirmounskij

Технический редактор Аверкиева Т. А.